

ISSN 2221-2698

электронный научный журнал
«Арктика и Север»

А И С

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический)
федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

**№ 36
2019**

Архангельск

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36

ISSN 2221-2698

Арктика и Север / Arctic and North. 2019. № 36

© Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2019

© Редакция электронного научного журнала «Арктика и Север», 2019

Журнал «Арктика и Север» зарегистрирован в Роскомнадзоре как электронное периодическое издание на русском и английском языках, свидетельство Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 г.; в Научной электронной библиотеке eLIBRARY, РИНЦ, лицензионный договор № 96-04/2011R от 12 апреля 2011 г.; научной электронной библиотеке «КиберЛенинка» (2016); в базах данных: Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, США (2013); NSD, Норвегия (2015); InfoBase Index, Индия (2015); ERIH PLUS, Норвегия (2016); MIAR, Испания (2016); OAJI (2017); RSCI на платформе Web of Science (2018). Выходит в свет не менее 4 выпусков в год.

Учредитель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», г. Архангельск. Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Все номера журнала находятся в свободном доступе (CC BY-SA) в Интернете на русском и английском языках. Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей, декларация об этике опубликованы на сайте: <http://www.arcticandnorth.ru/rules/>

Журнал публикует статьи, в которых объектом исследования являются Арктика и Север, по следующим группам специальностей: 08.00.00 Экономические науки; 22.00.00 Социологические науки; 23.00.00 Политология.

Плата с авторов, в том числе с аспирантов и студентов, за публикацию статей не взимается. Гонорары не выплачиваются.

Все рукописи подвергаются двойному слепому рецензированию. Редакция рассматривает факт направления и получения авторских рукописей как передачу авторами своих прав на публикацию в журнале «Арктика и Север» и размещение в базах данных, включая РИНЦ, DOAJ и другие, что способствует продвижению публикационной активности авторов и отвечает их интересам.

The journal "Arctic and North" (also known as "Arktika i Sever") is registered at Roskomnadzor as an internet periodical issued in Russian and English, Registration certificate El no. FS77-42809, November 26, 2010; at the system of Elibrary, license contract no. 96-04/2011R, April 12, 2011; Scientific Electronic Library "Cyberleninka" (2016). Also in the catalogs of international databases: Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, USA (2013); NSD, Norway (2015); InfoBase Index, India (2015); ERIH PLUS, Norway (2016); MIAR, Spain (2016); OAJI (2017); RSCI based on Web of Science (2018). The journal is issued not less than 4 times per year.

The Founder is Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia. Editor-in-Chief is Elena V. Kudryashova, Dr. Sci. (Phil.), Professor, Rector of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. All journal issues are available free of charge (CC BY-SA) in Russian and English at the webpage of the journal. Rules and regulations on submission, peer reviews, publication and the Declaration of Ethics are available at: <http://www.arcticandnorth.ru/en/requirements/>

The Journal is devoted to the scientific articles focused on the Arctic and the North relevant for the following professional degrees: 08.00.00 Economics; 22.00.00 Social science; 23.00.00 Political science.

No payments for publication are collected from authors, including students and post-graduate students. Honorariums are not paid.

All manuscripts are reviewed using double blind peer review system. The Editorial Board considers receiving of the manuscripts as an authors' transfer of rights to be published in "Arctic and North" and be placed in the databases, including but not limited to RSCI, DOAJ and OAJI, that assists and promote the publishing activity of the authors and is in authors' interests.

Our English webpage is located at: <http://arcticandnorth.ru/en>
We will be glad to see you among the authors of "Arctic and North"!

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

- КОРЧАК Е.А.** Роль трудового потенциала в устойчивом развитии Арктической зоны России 5
KORCHAK E.A. The role of labor potential in the sustainable development of the Russian Arctic
- КРЮКОВА Н.В.** Проблемы законодательного регулирования традиционного (аборигенного) промысла тихоокеанского моржа в России 24
KRYUKOVA N.V. Legal regulation of the traditional (native) Pacific walrus harvest in Russia
- СЕРОВА Н.А., СЕРОВА В.А.** Основные тенденции развития транспортной инфраструктуры российской Арктики 42
SEROVA N.A., SEROVA V.A. Critical tendencies of the transport infrastructure development in the Russian Arctic

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

- ГУДЕВ П.А.** Новые риски и возможности межгосударственного сотрудничества в Арктике 57
GUDEV P.A. New risks and opportunities of interstate cooperation in the Arctic
- ТОДОРОВ А.А., ЛЫЖИН Д.Н.** Интересы Великобритании в Арктике 84
TODOROV A.A., LYZHIN D.N. The UK's interests in the Arctic

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

- ГАЛИМУЛЛИН Э.З.** Миграционные установки и механизмы привлечения молодёжи в Арктическую зону Российской Федерации 96
GALIMULLIN E.Z. Migration attitudes and mechanisms for attracting young people to the Russian Arctic
- ФЕДУЛОВА А.Б.** Восстановительные технологии социальной работы как важное условие сохранения и обеспечения безопасности семьи (на примере Архангельской области) 110
FEDULOVA A.B. Recovery technology of social work — an important condition for maintaining and ensuring family safety (case of the Arkhangelsk Oblast)

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

- ВАЙСБЕРГ Л.А.** Рецензия на монографию «Арктика: стратегия развития» коллектива авторов 128
VAISBERG L.A. Review of the monograph "The Arctic: A Development Strategy"
- ВОРОНЕНКО А.Л.** Обзор последних законодательных инициатив США в области освоения арктического региона 131
VORONENKO A.L. Overview of the recent US legislative initiatives for the Arctic development

- ЗАРУБИНА Л.А.** «Холодный мир в Арктике»: в Осло обсудили перспективы сотрудничества России и Западной Европы в Арктическом регионе 137
ZARUBINA L.A. "Cold Peace in the Arctic": prospects for cooperation between Russia and Western Europe in the Arctic were discussed in Oslo
- ТЕВЛИНА В.В., СОЛЕЙМ М.Н.** Масштабная встреча историков, филологов и археологов из северных стран и России в Арктической Норвегии 143
TEVLINA V.V., SOLEIM M.N. A large-scale meeting of Nordic and Russian historians, philologists and archaeologists in the Arctic Norway

РЕЗЮМЕ SUMMARY

- Авторы, названия, аннотации, ключевые слова 151
Authors, titles, abstracts, and keywords
- Редакционный совет журнала «Арктика и Север» 158
Editorial board of the "Arctic and North" journal
- Выходные данные 160
Output data

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

УДК [338.22: 331.522](985)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.5

Роль трудового потенциала в устойчивом развитии Арктической зоны России *

© **КОРЧАК Елена Анатольевна**, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник

E-mail: elenakorchak@mail.ru

Институт экономических проблем имени Г.П. Лузина Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр РАН», Апатиты, Россия

Аннотация. Залог эффективного освоения ресурсов Арктики составляют активные усилия по развитию элементов социально-экономических систем арктических регионов, прогресс в использовании которых обеспечит синергетический эффект при реализации всего спектра приоритетов развития Арктической зоны. Один из таких элементов — трудовой потенциал, способный эффективно противостоять вызовам в Арктике. Современными угрозами развития трудового потенциала арктических регионов являются снижение численности населения, нарушение процессов воспроизводства населения, низкая ожидаемая продолжительность жизни мужчин и коренного малочисленного населения, социальная напряжённость на территориальных рынках труда, бедность населения. Положения и выводы представленного исследования содержат научно обоснованную позицию в отношении роли трудового потенциала в устойчивом развитии арктических регионов России. Результаты исследования ориентированы на их практическое использование в сфере управления развитием трудового потенциала арктических регионов. Перспективы дальнейшей разработки затронутой темы связаны с проработкой научных основ активизации механизмов территориального саморазвития в достижении устойчивого развития арктических регионов России.

Ключевые слова: *трудовой потенциал, арктический регион, устойчивое развитие, рынок труда, уровень жизни, демографическая ситуация, безработица, социальное лицензирование.*

The role of labor potential in the sustainable development of the Russian Arctic

© **Elena A. KORCHAK**, Cand. Sci. (Econ.), senior researcher

E-mail: elenakorchak@mail.ru

Institute for Economic Studies named after G. P. Luzin, the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”, Apatity, Russia

Abstract. The key to the effective development of the Arctic resources is the active development of elements of the socio-economic systems of the Arctic territories. The progress in their use will provide a synergistic effect in the implementation of the full range of development priorities of the Arctic zone. One of these elements is labor potential able to confront challenges in the Arctic effectively. Modern problems of the development of the labor potential of the Arctic territories are population decline, disruption of population reproduction processes, the low life expectancy of men and indigenous people, social tensions in labor markets, and poverty. The provisions and conclusions of the presented study contain a scientifically substantiated position regarding the role of labor potential in the sustainable development of the Arctic territories of Russia. The research results are focused on their use for managing the development of the labor potential of the Arctic territories. Prospects for the further research of this topic are related to the

* Для цитирования:

Корчак Е.А. Роль трудового потенциала в устойчивом развитии Арктической зоны России // Арктика и Север. 2019. № 36. С. 5–23. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.5

For citation:

Korchak E.A. The role of labor potential in the sustainable development of the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 36, pp. 5–23. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.5

study of the scientific foundations of the territorial self-development in achieving sustainable development of the Arctic territories of Russia.

Keywords: *labor potential, the Arctic region, sustainable development, labor market, the standard of living, demographic situation, unemployment, social licensing.*

Введение

Приоритетом российского общества выступает устойчивое развитие страны, ведущее положение в достижении которого занимают арктические регионы. В Арктике процессы общественного развития имеют особую значимость, что обусловлено серией факторов. Минеральные и топливно-энергетические ресурсы арктических регионов играют ключевую роль в удовлетворении потребностей национальной экономики в стратегически важных видах сырья. Использование труда требует особого подхода в силу климатической напряжённости, создающей дискомфортность жизнедеятельности в условиях Арктики: интенсивность воздействия природных условий продуцирует перенапряжение адаптационных свойств организма человека, холодовую дискомфортность, специфические северные заболевания, старение организма. Дисперсность расселения, территориальная удалённость, малочисленность удалённых поселений, ограниченность сфер приложения труда, низкий уровень транспортной доступности обуславливают повышенную ресурсоёмкость жизнедеятельности в Арктике. Несмотря на значение Арктики, в России этот малолюдный макрорегион остаётся проблемной зоной в силу сложности и неоднородности территориального социально-экономического развития и фактически отсутствия научно обоснованного территориального управления. Сегодня назрела необходимость в формировании новых подходов к развитию научно-практической проблематики развития арктических регионов и трансформации системы государственного регулирования их развития. Новой арктической парадигмой должно стать устойчивое развитие арктических регионов, цель которого — комплексное освоение ресурсов с упором на социальную составляющую устойчивого развития. Решающую роль в таком развитии играет трудовой потенциал.

Трудовой потенциал как системообразующий фактор территориальных социально-экономических систем

В концепции трудового потенциала применяются различные подходы к определению его сущности, однако преобладающим является представление о том, что трудовой потенциал региона составляет реализуемую за счёт знаний, опыта и профессиональных компетенций [1, Цветкова И.И.] способность трудоспособного населения к производственной деятельности. Эффективность реализации такой способности определяет уровень производительности труда [2, Третьякова Л.А., Бессонова М.А., Трофименко Е.Н.] и зависит от количественных (определяемых демографическими факторами [3, Зайцева И.В.]) и качественных (определяемых уровнем социально-экономического развития региона) характеристик трудового потенциала региона.

Анализ категорий экономики и социологии труда [4, Корчак Е.А.] свидетельствует о том, что трудовой потенциал является составной частью человеческого потенциала — социальной категории, характеризующей население в качестве субъекта общественного территориального развития [5, Истомин А.В., Селин В.С.]. Основу трудового потенциала составляет часть населения региона, имеющая способности к труду, степень реализации которых определяет темпы и пропорции территориального социально-экономического развития и уровень развития человеческого потенциала региона [6, Воробьев А.А.].

Таким образом, трудовой потенциал — это обладающий способностью к экономической деятельности социальный фактор территориального развития, количественные и качественные характеристики которого формируются под воздействием территориальной специфики и определяют уровень устойчивости развития региона. Количественные характеристики трудового потенциала региона измеряются на основе статистических данных (данных Переписей населения, данных выборочных обследований рабочей силы, занятости и безработицы [7, Попова Л.А., Терентьева М.А.]), а качественные характеристики формируются под воздействием демографических процессов [8, Терентьева М.А.] и определяются состоянием отраслей социальной инфраструктуры и уровнем жизни [9, Ярашева А.В., Макар С.В.], а также функциональной спецификой арктических регионов [10, Тесля А.Б., Булачева Л.В.].

Медико-демографические факторы формирования трудового потенциала арктических регионов России

В обеспечении реальных возможностей формирования трудового потенциала основную роль играют демографические процессы [11, Samarina V., Skufina T. and Samarin A.]. Анализ медико-демографической ситуации (2005–2017 гг.) свидетельствует о том, что сегодня существуют угрозы в обеспечении реальных возможностей формирования трудового потенциала арктических регионов России¹ [12, Ревич Б.А., Харькова Т.Л., Кваша Е.А., Богоявленский Д.Д., Коровкин А.Г., Королев И.Б.]. К таким угрозам относятся снижение численности населения трудоспособного возраста (составляющего основу трудового потенциала) и миграционная убыль населения [13, Schmidt J., Aanesen M., Klovov K., Khrutshev S. and Hausner V.], а также высокий уровень заболеваемости, высокие уровни смертности среди мужчин в трудоспособном возрасте и младенческой смертности.

Основная тенденция демографического развития арктических регионов России (рис. 1) — смещение демографического равновесия в сторону увеличения численности населения старше трудоспособного возраста и проявление эффекта феминизации с повышением возраста (начиная с возрастной группы 40–44 года): в 2017 г. доля населения трудоспособного возраста здесь составила 61,2% против 68% в 2005 г.

¹ В качестве объекта исследования выбраны регионы, полностью отнесённые к Арктической зоне РФ.

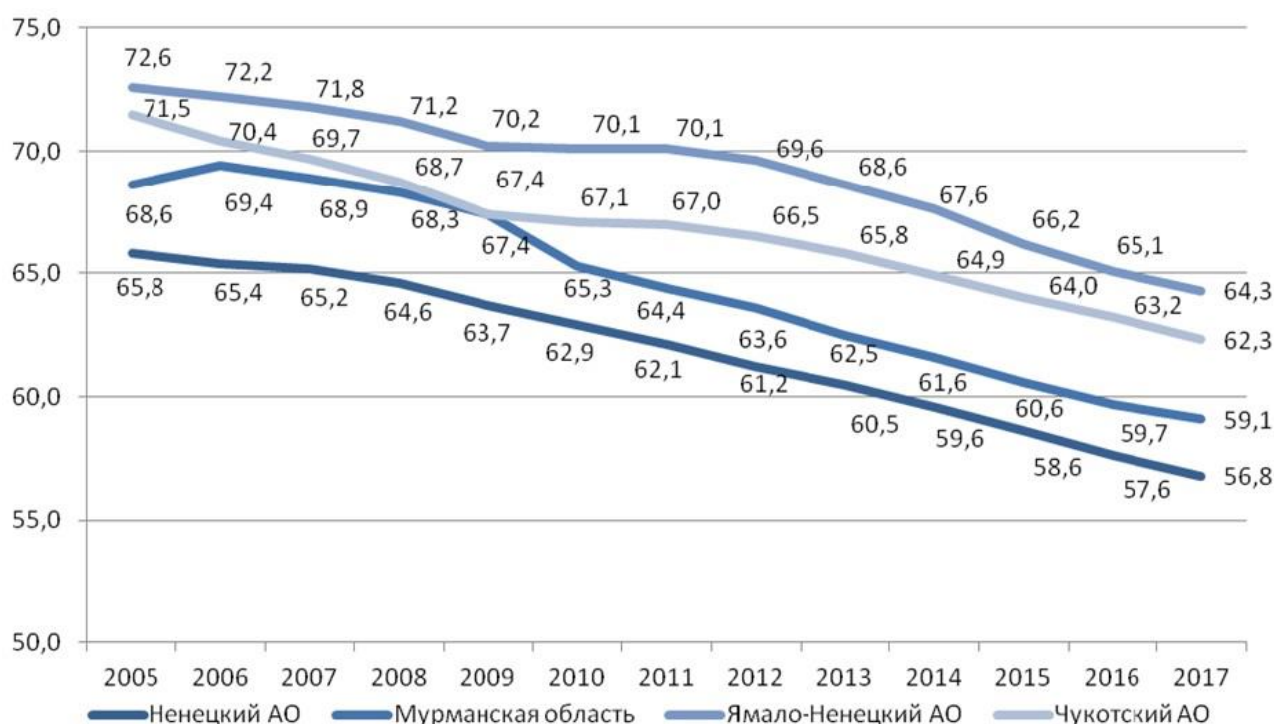

Рисунок 1. Динамика доли трудоспособного населения в арктических регионах РФ, 2005–2017 гг., % от общей численности населения².

Яркий пример — Мурманская область, где на фоне значительного снижения численности населения (в 2005–2017 гг. — на 85 тыс. чел. или 10,1%) доля трудоспособного населения составила 59,1% против 68,6% в 2005 г. Для региона остро стоит проблема миграционного оттока населения: в 2005–2017 гг. из области выбыло 75,4 тыс. чел. Негативная для развития трудового потенциала региона ситуация связана с тем, что в структуре миграционной убыли значительную часть составляют квалифицированные кадры (в 2017 г. в миграционной убыли населения в возрасте 14 и старше лет 57,2% составило квалифицированное население). Несомненно, такие тренды сужают возможности использования трудового потенциала арктических регионов.

Факторами, оказывающими негативное влияние на развитие трудового потенциала арктических регионов, являются высокий уровень заболеваемости населения, вызывающий опасения в связи с инвалидизацией и смертностью населения, а также высокие уровни смертности населения в трудоспособном возрасте и младенческой смертности. Так, уровень заболеваемости населения на 1 000 чел. населения (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни) арктических регионов в 2017 г. составил 1 015,9 при среднероссийском уровне в 778,9. Среди распространённых классов болезней — болезни органов дыхания: в Чукотском АО — 771,8 в 2017 г., в Ненецком АО — 702,7, в Ямало-Ненецком АО — 625,3 при среднем по России уровне в 353,5. Среднероссийское значение значительно превышает уровень заболеваемости населения по болезням органов

² Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 18.05.2019).

пищеварения и костно-мышечной системы (например, в Ненецком АО уровень заболеваемости по классу болезней органов пищеварения в 2017 г. составил 82,9 против 34 в среднем по РФ, в Ямало-Ненецком АО — 64,4, в Чукотском АО — 60,2).

Такие специфические особенности медико-демографических показателей в арктических регионах России обусловлены дискомфортом проживания, в т.ч. природно-климатическими условиями, состоянием окружающей среды, этнической составляющей человеческого потенциала, а также функциональными особенностями арктических поселений. Так, в Мурманской области (здесь на долю градообразующих предприятий приходится до 70% выбросов загрязняющих веществ) в число поселений³ с высокими показателями заболеваемости детей в возрасте до 14 лет по классу болезней эндокринной системы, превышающими более чем в 1,5 раза среднеобластные показатели, входят г. Мончегорск и Кольский район, на территории которых осуществляет производственную деятельность Кольская ГМК. Содержание диоксида серы в атмосферном воздухе таких поселений превышает норму в 2 раза; в паводковый период фиксируются превышения нормативов питьевого водоснабжения по никелю. К поселениям с высокими показателями заболеваемости детей в возрасте до 14 лет по классам болезней костно-мышечной системы и врожденных аномалий относится г. Кировск, на территории которого функционирует Кировский филиал АО «Апатит». Отвалы «хвостов» предприятия — основной источник загрязнения окружающей среды пылью (ветры со стороны предприятия в жилые стороны Апатитско-Кировского района создают повышенные концентрации загрязняющих веществ в атмосферном воздухе). В большей, чем другие регионы России, степени Мурманская область подвержена опасности радиоактивного загрязнения: на территории Кольского края находится более двухсот ядерных реакторов, значительное количество радиоактивных отходов и отработанного ядерного топлива⁴.

В Ямало-Ненецком АО значительный вклад в региональные показатели распространения заболеваний населения⁵ (особенно смертности от новообразований) вносят промышленные объекты городов Нового Уренгоя, Надыма и Ноябрьска, где в число загрязняющих атмосферный воздух веществ входят диоксид серы, оксиды азота и углерода, формальдегид, бензапирен. По заболеваемости злокачественными новообразованиями территории риска составляют промышленные поселения городов Салехард, Губкинский, Ноябрьск, а также Пуровский, Шурышкарский и Тазовский районы.

³ Медико-демографические показатели и санитарно-эпидемиологическая обстановка в Мурманской области в 2016 году. Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Мурманской области. URL: http://51.rosпотребнадзор.ru/directions_of_activity/social_hygienic_monitoring/ (дата обращения: 09.04.2018).

⁴ Особенности загрязнения. Федеральное государственное бюджетное учреждение «Мурманское управление по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды». URL: <http://www.kolgimet.ru/monitoring-zagraznenija-okruzhajushchei-sredy/centr-monitoringa-zagraznenija-okruzhajushchei-sredy/osobennosti-zagraznenija/> (дата обращения: 18.05.2019).

⁵ Неинфекционная заболеваемость населения Ямало-Ненецкого автономного округа в 2016 году. Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Ямало-Ненецкому автономному округу. URL: <http://89.rosпотребнадзор.ru/s/89/files/directions/monitoring/146492.pdf/> (дата обращения: 18.05.2019).

Другой пример — Чукотский АО, где регистрируются высокий уровень младенческой смертности (в 2017 г. — 10,7‰) и самая низкая ожидаемая продолжительность жизни при рождении (всего населения — 66,10 года, мужчин — 60,33). Среди специфических, обусловленных этническими характеристиками населения, особенностей медико-демографической ситуации округа — высокая доля сельского населения (30%), высокий уровень заболеваемости населения от «травм, отравлений, последствий воздействия внешних причин» (110,1 случаев на 1 000 чел. населения в 2017 г.), высокие уровни смертности от внешних причин (222,3 случаев на 100 тыс. чел. населения в 2017 г.) и смертности сельского населения (в 2017 г. — 14,2‰ против 7,4‰ среди городского населения).

Территориальная организация социальной инфраструктуры в арктических регионах России

Не менее важный фактор развития трудового потенциала арктических регионов России — социальная инфраструктура (организации и учреждения отраслей социальной сферы, обслуживающие такие базовые социальные потребности населения, как образование детей, жилище, медицинское сопровождение, культурный и спортивный досуг и пр.) [14, Маркин В.В., Силин А.Н.] и транспортная доступность, формирующие «бытовую» привлекательность арктических регионов [15, Иванова М., Ключкина Э.С.]. Анализ состояния социальной инфраструктуры арктических регионов России свидетельствует о наличии угроз в обеспечении реальных возможностей развития трудового потенциала. Так, препятствия обеспечению возможностей полноценного развития детей и подростков и формирования их собственных образовательных потребностей создают неудовлетворительное состояние учреждений, предоставляющих общеобразовательные услуги (в т.ч. их материально-технической базы), а также дисбаланс спроса и предложения услуг системы дошкольного образования, проявляющийся в том числе в неполном охвате детей такими услугами. Особо актуальны проблема нехватки мест в детских дошкольных учреждениях для детей до трёх лет и доступность дошкольных учреждений детям из числа коренного малочисленного населения. Например, в Ненецком АО охват детей дошкольным образованием составляет только 78%, учреждения дополнительного образования в сельской местности отсутствуют; в городе Салехарде (Ямало-Ненецкий АО) доля детей, состоящих на учёте для определения в муниципальные дошкольные образовательные учреждения, составляет 33,5%, в городе Губкинском — 29,5%.

Неудовлетворительное состояние жилищно-коммунальной инфраструктуры продуцирует расширение локализации заболеваемости и смертности населения арктических регионов. Так, в Ямало-Ненецком АО источником распространения неинфекционной заболеваемости⁶ является неудовлетворительное состояние централизованных систем водоснабжения: в питьевой воде значительно превышены гигиенические нормативы содержания железа и марганца; неэффективна водоподготовка на водоочистных сооружениях городов Тар-

⁶ Там же.

ко-Сале, Ноябрьска; в Надымском районе эксплуатируемые питьевые водопроводы не имеют необходимого комплекса очистных сооружений; в Шурышкарском районе отсутствуют хозяйственно-питьевые водопроводы; в г. Лабытнанги из поверхностных водоисточников водопроводами поставляется неочищенная и необеззараженная вода. В Чукотском АО более 19% населения не обеспечено качественным питьевым водоснабжением, более 40% сельских поселений не оборудовано водопроводом.

Немаловажную роль в формировании качественных и количественных характеристик трудового потенциала арктических регионов играют жилищные условия. Так, по данным Росстата, 8,2% семей в арктических регионах России нуждается в улучшении жилищных условий (15,3% — в Ненецком АО); 5,9% жилищного фонда находится в аварийном и ветхом состоянии. В Ямало-Ненецком АО это количество достигает 11,8%, при этом на миграционные установки населения округа жилищные проблемы оказывают большее влияние, чем уровень трудовых доходов.

Негативное воздействие на количественные характеристики трудового потенциала арктических регионов (например, уровень безработицы и её территориальную дифференциацию, уровень трудоустройства и пр.) оказывает «транспортная дискриминация» населения — минимальная транспортная связанность и изолированность населённых пунктов продуцируется их разбросанностью по обширным территориям арктических регионов. Например, в Ямало-Ненецком АО 67,7% населения Приуральского муниципального района проживает в населённых пунктах, не имеющих регулярного транспортного сообщения с административным центром, 46,7% — в Тазовском районе; в Чукотском АО — 72,4% в Чукотском районе, 38,7% в Providенском городском округе, 35,1% в г. Певеке, 25% в Билибинском районе, 9,8% в г. Эгвекиноте; в Мурманской области — 6,3% в Терском районе, 4,65% в Ловозерском районе.

Уровень жизни населения арктических регионов России

Угрозу качественным характеристикам трудового потенциала арктических регионов составляет низкий уровень жизни населения: 10,1% (2017 г., 14,4% в 2005 г.) населения арктических регионов пребывает в состоянии бедности: в Мурманской области — 12,6% (19,1%), Ненецком АО — 11,4% (9%), Чукотском АО — 9% (15,1%), Ямало-Ненецком АО — 6,5% (8,4%). Анализ среднего и медианного уровня среднедушевых денежных доходов свидетельствует о том, что фактически 60% населения составляют малоимущие. В 2017 г. величина среднедушевых денежных доходов 70,5% населения Мурманской области составляла менее 3-х величин прожиточного минимума, в Ненецком АО — 59,2%, в Чукотском АО — 56,1%. При этом медианный доход в Мурманской области составил 80% от среднего, в Ненецком АО — 74%, в Чукотском АО — 76%.

Среднедушевой доход в первой (с наименьшими доходами) группе населения в Ненецком АО составил 25,5% от среднего по округу денежного дохода (2017 г.), в Ямало-Ненецком АО — 26,5%, в Чукотском АО — 28,2%, в Мурманской области — 33,2%.

По данным выборочных обследований домохозяйств⁷, уровень субъективной бедности (доля домохозяйств, относящих себя к категории малоимущих) в 2017 г. составил 62,5%, в т.ч. 79% в Ямало-Ненецком АО (регионе с самым высоким уровнем оплаты труда в РФ), 68,8% в Ненецком АО, 51,3% в Мурманской области, 47,8% в Чукотском АО. 5,3% домашних хозяйств «имели финансовые трудности, не позволившие внести установленные платежи за жилищно-коммунальные услуги⁸» (в Чукотском АО их количество составило 17,4%). В целом показатели бедности и дифференциации населения арктических регионов по уровню среднедушевых денежных доходов значительно превышают свои предельно-критические значения [16, Глазьев С.Ю., Локосов В.В.]: в Мурманской области уровень бедности превышает своё предельно-критическое значение (3%) в 4,2 раза, Ненецком АО в 3,8 раза, Чукотском АО в 3 раза, в Ямало-Ненецком АО в 2,2 раза.

Один из основных признаков низкого уровня жизни — высокая доля расходов на питание в общей структуре потребительских расходов, свидетельствующая о наличии ограничений в доступе домохозяйств к ресурсам развития. Например, в Чукотском АО доля расходов на питание в общей структуре потребительских расходов в 2017 г. составила 40%, в Ненецком АО — 34%, Ямало-Ненецком АО — 32,2% (рис. 2).

⁷ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_101/Main.htm (дата обращения: 24.04.2018).

⁸ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 3 квартале 2018 года (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств): Стат. сборник / Федеральная служба государственной статистики. М., 2019. 103 с.

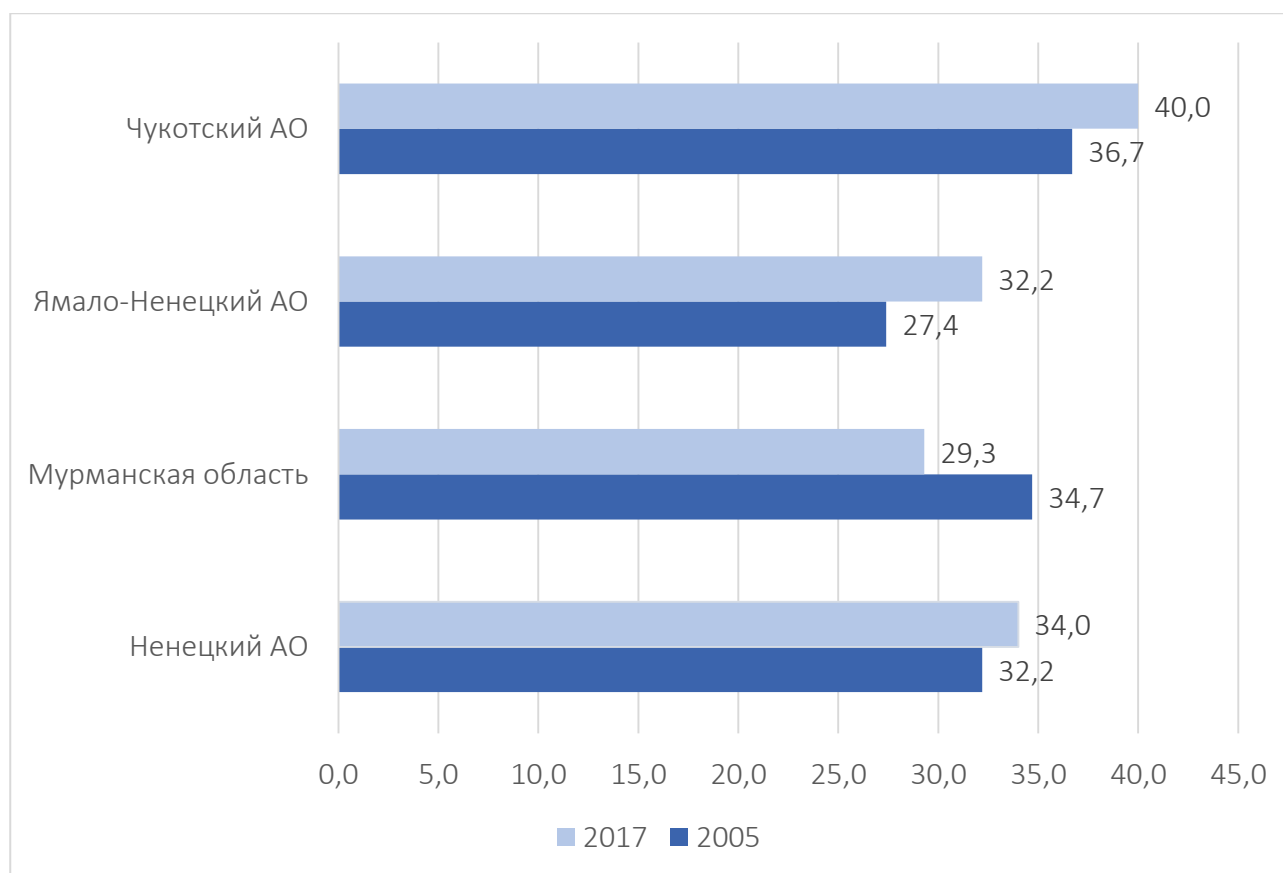

Рисунок 2. Доля расходов на питание в общей структуре потребительских расходов в арктических регионах РФ, 2005 г., 2017 г., %⁹.

В Мурманской области значение такого показателя в 2005–2017 гг. снизилось, что может рассматриваться в качестве положительной тенденции роста благосостояния домохозяйств, однако на практике такой вывод омрачается достаточно странной ситуацией с составом пищевых веществ в потреблённых продуктах питания. Мурманская область, полностью расположенная в Арктической зоне РФ, характеризующаяся суровыми природно-климатическими условиями, отличающаяся к тому же рыбо- и горнодобывающей хозяйственной специализацией (предполагающей высокую долю мужского труда), тем не менее, существенно уступает по составу пищевых веществ в потреблённых продуктах питания регионам, не входящим в Арктическую зону (с более благоприятными природно-климатическими условиями).

Системный фактор, определяющий динамику социально-экономического развития арктических регионов в стратегической перспективе, составляет детская бедность — важнейший показатель устойчивого развития, оказывающий значительное влияние на формирование количественных и качественных характеристик трудового потенциала арктических регионов России. Такой показатель не отражается в статистике и фактически не учитывается в рамках формирования социальной политики всех уровней управления. По авторским расчётам (рис. 3), 20% детского населения арктических регионов России сегодня относится к ка-

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 24.04.2018).

тегории бедного; в зону высокой концентрации детской бедности (27,5%) входит Мурманская область.

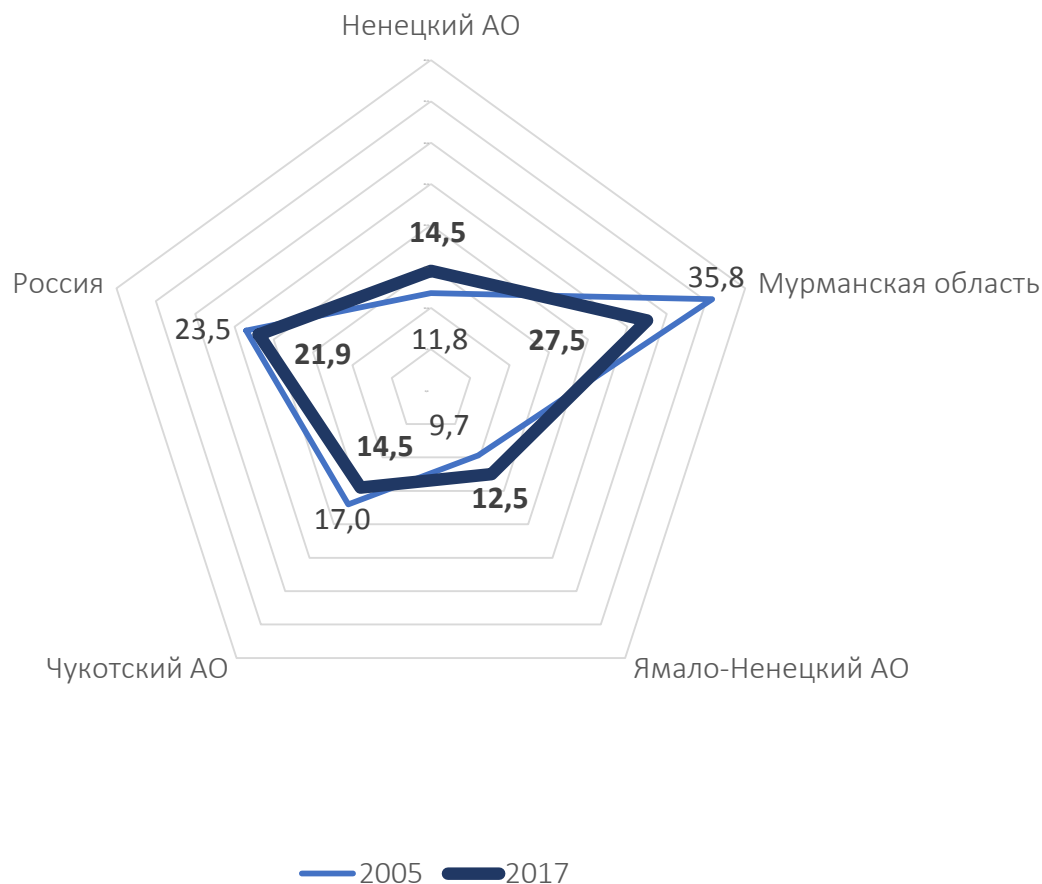

Рисунок 3. Уровень детской бедности в арктических регионах РФ, 2005 г., 2017 г., %.

Детская бедность (доля бедных детей в общей численности детского населения) — явление, возникающее не только в семьях безработных людей, но и в семьях с работающими родителями. Угроза детской бедности трудовому потенциалу арктических регионов — это прежде всего риски распространения заболеваемости, инвалидизации и смертности, снижения уровня образования и повышения уровня безработицы, снижение уровня жизни, рост преступности, рост социальной напряжённости и сокращение возможностей экономического роста.

Рынки труда арктических регионов России

Определяющее значение в развитии трудового потенциала арктических регионов России имеет эффективность функционирования территориальных рынков труда, современное состояние которых свидетельствует о наличии фундаментальных противоречий между стратегическим значением российской Арктики и негативными процессами в её социально-экономическом развитии. Несмотря на высокие уровни экономической активности населения, в арктических регионах России негативным фактором развития трудового потенциала

остаётся социальная напряжённость на территориальных рынках труда, продуцируемая в первую очередь безработицей.

Среди основных характеристик безработицы в арктических регионах России (табл. 1), уровень которой в 2017 г. составил 6,1%, — молодая возрастная структура безработных граждан (средний возраст безработных граждан составляет 36,5 лет, а самый высокий уровень безработицы находится в возрастной группе 20–29 лет), высокая (63,3%) доля квалифицированных граждан в структуре безработных (необходимо отметить тенденцию повышения доли квалифицированных в структуре безработных граждан), застойный характер безработицы (почти у четверти безработных граждан продолжительность поиска работы составляла более года).

Таблица 1

Основные характеристики безработицы в арктических регионах России, 2005 г., 2017 г.¹⁰

Показатель	Ненецкий АО		Мурманская область		Ямало-Ненецкий АО		Чукотский АО	
	2005	2017	2005	2017	2005	2017	2005	2017
Среднее время поиска работы, мес.	8,5	7,9	8,4	7,5	7,1	6,7	8,3	6,1
Удельный вес безработных, ищущих работу 12 и более месяцев, % от общего числа безработных граждан	35,6	31,5	37,1	33,2	25,8	22,2	33,0	21,5
Доля безработных, имеющих квалификацию, в общей структуре безработных граждан, %	33,1	57,8	62,3	67,2	54,9	54,9	45,0	36,9

Так, в Мурманской области и в Ненецком АО в 2005–2017 гг. на фоне незначительного снижения застойной безработицы увеличилась доля квалифицированных безработных граждан, что свидетельствует в том числе о несоответствии сформированных систем профессиональной подготовки потребностям региональных экономик.

Социальная напряжённость на арктических рынках труда усиливается низким уровнем трудоустройства, безработицей выпускников образовательных организаций, высоким уровнем территориальной дифференциации безработицы. Например, один из самых низких в РФ уровень трудоустройства (43%) сложился в Ненецком АО, где 40% безработных составляют граждане, проживающие в сельской местности: уровень безработицы в г. Анадыре составляет 0,2%, в Чукотском муниципальном районе, где основными работодателями являются государственные и муниципальные учреждения, а также предприятия сельскохозяйственной специализации, а более 70% безработных составляет коренное малочисленное население, — 11,5%. В Мурманской области 67,5% безработных составляют граждане, имеющие квалификацию, при этом уровень безработицы среди выпускников образовательных организаций составляет 8,8%. Характерная для Мурманской области ситуация — невостребован-

¹⁰ Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 24.04.2018).

ность местными предприятиями выпускников высших учебных заведений: выпускники учреждений среднего профессионального образования (колледжей, взаимодействующих с градообразующими предприятиями) оказываются более подготовленными к работе в отличие от специалистов с высшим образованием, нуждающихся в наставничестве¹¹. Только 28% молодёжи работает по полученной специальности [17, Шарова Е.Н.]: на фоне переизбытка юристов, экономистов и гуманитариев наибольшую потребность в Мурманской области составляют квалифицированные кадры в сферах судоремонта, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, строительства. Уровень послевузовской миграции выпускников из региона составляет более 30%.

Дисбаланс спроса и предложения на территориальных рынках труда арктических регионов России усугубляется проблемами трудоустройства коренных малочисленных народов Севера. Так, в сферу занятости коренных малочисленных народов Севера в Мурманской области входят неквалифицированные рабочие места в периферийной отрасли региональной экономики — оленеводстве; в автономных округах Арктической зоны России безработица коренного малочисленного населения имеет сезонный характер, продуцируемый особенностями традиционного природопользования (периодичностью таких видов этноэкономической деятельности, как охота, морской промысел). Общими проблемами трудоустройства коренного малочисленного населения арктических регионов России являются узость сфер приложения труда, сокращение числа рабочих мест в сфере традиционного природопользования, снижение заинтересованности молодёжи из числа коренного малочисленного населения в ведении традиционных видов природопользования.

Актуальная проблема функционирования арктических рынков труда — низкооплачиваемая занятость. Элементами современной системы государственного регулирования процессов развития трудового потенциала арктических регионов России являются институциональные условия, направленные на сохранение работоспособности человека, обеспечение государственных гарантий по оплате труда с учётом повышенных издержек, связанных с жизнедеятельностью в условиях Арктики, регулирование социального партнёрства в сфере труда и занятости и пр. Критический анализ такой системы свидетельствует о её существенных недостатках, негативно влияющих на процессы развития трудового потенциала арктических регионов. К ним относится применение норм, не гарантирующих ответственность за результаты и последствия реализуемых решений на региональном и муниципальном уровнях управления, при которых не обеспечиваются права граждан в сфере социально-трудовых отношений. Например, должностной оклад медицинской сестры 3-го квалификационного уровня в областном учреждении, подведомственном Министерству здравоохранения Мурманской области, составляет 35,8% величины прожиточного минимума трудоспособного населения (14 374 руб.), врача — анестезиолога-реаниматолога 4 квалификационного уров-

¹¹ В Мурманской области возрождают институт наставничества. Murman.ru. URL: <https://www.murman.ru/themes/economy-17042019.shtml> (дата обращения: 18.05.2019).

ня — 59,8%, главной медицинской сестры амбулаторно-поликлинического учреждения здравоохранения — 55%, главного фельдшера станции скорой медицинской помощи — 61,4% (табл. 2).

Таблица 2

Размеры окладов работников бюджетных учреждений здравоохранения по профессиональным квалификационным группам в арктических регионах России, 2017 г.¹²

Показатель	Ненецкий АО	Мурманская область	Ямало-Ненецкий АО	Чукотский АО
Средний медицинский и фармацевтический персонал 3 квалификационного уровня	8 500	5 144	11 500	8 768
Врачи и провизоры 4 квалификационного уровня	12 700	8 601	17 500	16 700
Руководители структурных подразделений медицинских организаций с высшим медицинским и фармацевтическим образованием 2 квалификационного уровня	17 000	9 480	18 700	17 535
Справочно: величина прожиточного минимума трудоспособного населения, руб.	21 664	14 374	16 569	20 600

В Мурманской области среднемесячная заработная плата работников муниципальных детских дошкольных учреждений варьируется от 28 016,3 руб. в Ковдорском районе до 31 551,7 руб. в г. Апатиты; в Ямало-Ненецком АО — от 42 632,4 руб. в Шурышкарском районе до 50 988,7 руб. в г. Новый Уренгой; в Чукотском АО — от 57 685,3 руб. в г. Певеке до 65 796 руб. в г. Анадыре¹³.

Низкооплачиваемая занятость на фоне функционирования в арктических регионах районной системы оплаты труда (системы гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях) продуцирует феномен экономической бедности. В среднем по арктическим регионам России уровень экономической бедности в 2017 г. составил 2,3%, в т.ч. в Ненецком АО 7,2%, Чукотском АО 2,4%, в Мурманской области 2,2%, в Ямало-Ненецком АО 2,1%. Ситуация с низкооплачиваемой занятостью усугубляется фактами просроченной задолженности по заработной плате: в феврале 2019 г. общий объем такой задолженности¹⁴ в Ненецком АО составил 35 млн руб., в Мурманской области — 30 млн руб.

Устойчивое развитие арктических регионов России

Современной парадигмой общественного развития в мире является устойчивое развитие, трактуемое в Повестке дня в области устойчивого развития как результат взаимодействия человека, экономической системы и природы на глобальном, национальном, регио-

¹² Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 10.03.2019).

¹³ База данных показателей муниципальных образований. Федеральная служба гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 1.04.2019).

¹⁴ Просроченная задолженность по заработной плате работникам организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, по субъектам Российской Федерации в 2019 году. Федеральная служба гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/sr-zarplata/t11.xlsx (дата обращения: 13.03.2019).

нальном или локальном уровнях, и выражающийся в достижении социальной, экономической и экологической устойчивости.

В России основу концепции устойчивого развития составляет инновационная модель экономического роста (Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года), основанная в т.ч. на использовании Арктической зоны России в качестве стратегической ресурсной базы страны (Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу). При этом в число целей государственной политики РФ в Арктике помимо расширения ресурсной базы Арктической зоны входят обеспечение благоприятного оперативного режима в «арктическом регионе», защита арктической природной среды, сотрудничество с приарктическими государствами, обеспечение устойчивого развития коренных малочисленных народов (Госпрограмма РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»). Таким образом, приоритетом устойчивого развития Арктической зоны РФ является её хозяйственное освоение, центральным принципом которого составляет максимизация эффективности использования минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов. Трудовому потенциалу как системообразующему фактору территориальных социально-экономических систем арктических регионов России отводится производная от экономических задач вторичная роль, что не соответствует основным условиям достижения устойчивого развития и обеспечения национальной безопасности страны. Де-факто это подтверждается фактически хищническими настроениями крупных добывающих предприятий и госкорпораций, когда арктические ресурсы изымаются «ради сегодняшнего дня», без «оглядки» не только на текущее социально-экономическое положение арктических регионов, но и на их будущее. В первую очередь это касается отсутствия в арктических регионах России механизма рентных отношений (рентных платежей за пользование природными ресурсами) и института социального лицензирования (институциональное регулирование прав осуществления горнодобывающей деятельности на условиях вовлечения местного сообщества и минимизации воздействия на окружающую среду и биоразнообразие через все стадии осуществления горных проектов [19, Suopajarvi L., Ejdemo Th., Klyuchnikova E., Korchak E., Nygaard V. and Poelzer G.]).

Анализ зарубежного опыта территориального управления показывает, что приоритет устойчивого развития арктических регионов составляет их трудовой потенциал. На американском Севере институциональными механизмами управления развитием трудового потенциала арктических регионов выступают институты корпоративной социальной ответственности (сферу применения которых составляют начальное образование, в т. ч. организация детского питания, спорт и отдых коренного населения и пр.¹⁵) и социального лицензирования в горнодобывающей деятельности (механизм функционирования которого составляют общее видение социально-экономического развития, диверсификация локальных эко-

¹⁵ Ekati Diamond Mine 2017. Socio-Economic Agreement Report. 38 p.

номик и максимизация трудового потенциала арктических территорий). Например, доля занятого населения Северо-Западных территорий и Нунавута (Канада) в филиалах ресурсодобывающей компании «Dominion Diamond Mines» в 2017 г. составила 54% местного населения, в т.ч. 18% — из числа коренного малочисленного населения¹⁶. Компания является активным участником канадской системы сертификации горных профессий, успешно реализует программы наставничества среди собственного производственного персонала, поддерживает партнёрские отношения с подрядчиками из числа представителей местных арктических сообществ (рудник Ekati заключает с такими подрядчиками контракты на оказание горнодобывающих услуг и услуг в сфере общественного питания, проведение взрывных работ, оказание транспортных, грузовых и почтовых услуг). Специфика освоения Аляски также связана с особенностями распределения рентных платежей: доходы от освоения нефтяных ресурсов изначально направлялись на развитие объектов производственной и социальной инфраструктур в районах нефтедобычи; приватизация земельных и природных ресурсов сопровождалась созданием частно-коллективных форм собственности, впоследствии ставших экономической основой местных сообществ и социального партнёрства государства, бизнеса и местных сообществ. В Норвегии действует жёсткий уровень налогообложения нефтяной деятельности; руководящим принципом освоения нефтегазовых ресурсов арктических территорий страны является обязательное соответствие проводимых работ особым требованиям социальных последствий (например, претендующие на разработку месторождений в Финн-марке компании берут на себя обязательства по созданию социальной и промышленной инфраструктуры).

Арктические регионы России при небольшой численности населения (1,64% населения страны) играют важную роль в реализации национальной инновационной модели экономического роста, фактически играя роль доноров федерального бюджета. Доля произведённого здесь валового регионального продукта в суммарном ВРП страны составляет более 5%; объем ВРП на душу населения — 2 348,8 тыс. руб. при среднем по России уровне в 510,2 тыс. руб. Несмотря на это, степень социально-экономической несправедливости в арктических регионах ощутимее. Так, население арктических регионов испытывает неадекватную экономическую компенсацию за работу и проживание в экстремальных природных условиях через заработную плату и социальные трансферты; налоговые базы региональных бюджетов сокращаются за счёт усиления вертикальной интеграции холдингов, в состав которых входят градообразующие предприятия; дефицитность муниципальных бюджетов и высокий уровень их дотационности ограничивают возможности органов местного самоуправления в участии в содействии занятости и трудоустройства, а также в формировании и реализации программ территориального развития [18, Митрошина М.Н.].

¹⁶ Local economic development. RioTinto. URL: <https://www.riotinto.com/ourcommitment/local-economic-development-24287.aspx> (дата обращения: 09.10.2018).

Анализ концептуальных основ устойчивого развития территориальных социально-экономических систем [20, Manjeet K.; 21, Alvarez J., Yumashev D. and Whiteman G.; 22, Newton St.T., Fast H. and Henley Th.; 23, Jovovic R., Draskovic M., Delibasic M. and Jovovic M.] показывает, что современной арктической парадигмой в России должно стать устойчивое развитие её арктических регионов как процесс территориального развития, определяемый долгосрочной социально-экономической политикой государства, формируемой на основе системного взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, бизнес-сообщества и населения, и осуществляемый на принципах стимулирования рационального социально ориентированного природопользования и максимального сохранения человеческого потенциала посредством формирования высоких стандартов благосостояния населения с учётом арктической специфики. Темпы и пропорции устойчивого развития арктических регионов России определяются соответствующим уровнем качества трудового потенциала, что в свою очередь требует формирования эффективной модели его развития как системообразующего фактора территориальных социально-экономических систем северных регионов России.

Заключение

Достижение устойчивого развития зарубежных арктических регионов предполагает в первую очередь решение проблем безработицы за счёт обеспечения максимальной занятости арктического населения на основе постоянного взаимодействия крупнейших работодателей с местными системами школьного и профессионального образования и широкого распространения социального лицензирования деятельности добывающих корпораций в части повышения их ответственности за социально-экономическое развитие территорий своего присутствия. На наш взгляд, условием достижения устойчивого развития арктических регионов России является переориентация освоения ресурсов Арктики на их социальную значимость на основе распространения института социального лицензирования деятельности ресурсодобывающих компаний на принципах общего видения территориального развития, постоянного мониторинга результатов собственной деятельности и их воздействия на социально-экономическое положение арктических территорий, сохранения человеческого потенциала арктических регионов. Социальная значимость ресурсодобывающей деятельности определяется оптимизацией возможностей территориального саморазвития, повышением «бытовой» привлекательности арктических территорий и в итоге — развитием трудового потенциала арктических регионов России.

Благодарности и финансирование

Автор выражает признательность д.э.н., профессору, главному научному сотруднику Института экономических проблем им. Г.П. Лузина ФИЦ КНЦ РАН Скуфьиной Т.П. за ценные советы при подготовке статьи.

Статья включает материалы, подготовленные в рамках НИОКТР АААА-А18-118051590115-9 «Социальные аспекты управления саморазвитием регионов и местных сообществ в российской Арктике» (госзадание ФИЦ КНЦ РАН).

Литература

1. Цветкова И.И. Основные принципы развития трудового потенциала региона // Экономика и управление. 2012. № 3. С. 41–46.
2. Третьякова Л.А., Бессонова М.А., Трофименко Е.Н. Сущность категории «трудовой потенциал»: социально-экономический аспект // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 34 (361). С. 2–10.
3. Зайцева И.В. Демографическое развитие Ставропольского края как основа формирования трудовых ресурсов // Научный журнал Куб ГАУ. 2012. № 81 (07). С. 1–16.
4. Корчак Е.А. Трудовой потенциал северных регионов в рамках реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике. Апатиты: КНЦ РАН, 2017. 225 с.
5. Истомин А.В., Селин В.С. Стратегия и возможности программно-целевого подхода в регулировании регионального экономического развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2009. № 3 (7). С. 25–36.
6. Воробьев А.А. Трудовой потенциал регионов Приволжского федерального округа: анализ и возможности его повышения // Экономика и предпринимательство. 2015. № 12. Ч. 2. С. 410–413.
7. Попова Л.А., Терентьева М.А. Трудовой потенциал российского Севера // Арктика и Север. 2014. № 14. С. 51–69.
8. Терентьева М.А. Трудовой потенциал северного региона и проблемы профессионального образования // Проблемы образования. 2015. № 1. С. 118–136.
9. Ярашева А.В., Макаре С.В. Влияние демографических факторов на трудовой потенциал регионов Дальнего Востока // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 2. С. 103–114.
10. Тесля А.Б., Булачева Л.В. Формирование и развитие трудового потенциала Арктической зоны Российской Федерации // Вестник МГТУ. 2015. № 3. Том 18. С. 537–546.
11. Samarina V., Skufina T., Samarin A. Russia's North Regions as Frontier Territories: Demographic Indicators and Management Features // European Research Studies Journal. 2018. No. 3. Pp. 705–716.
12. Ревич Б.А., Харьков Т.Л., Кваша Е.А., Богоявленский Д.Д., Коровкин А.Г., Королев И.Б. Социально-демографические ограничения устойчивого развития Мурманской области // Проблемы прогнозирования. 2014. № 2. С. 127–135.
13. Schmidt J., Aanesen M., Klokov K., Khrutshev S., Hausner V. Demographic and economic disparities among Arctic regions. Polar Geography. 2015. No. 38. Pp. 251–270. DOI 10.1080/1088937X.2015.1065926
14. Маркин В.В., Силин А.Н. Человеческий и социальный потенциал неоиндустриального освоения Арктики: социологический анализ, моделирование, регулирование // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 6 (10). С. 75–88. DOI <https://doi.org/10.15838/esc/2017.6.54.5>
15. Иванова М.В., Ключкина Э.С. Современные предпосылки будущего арктических трудовых ресурсов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6 (142). С. 180–198. DOI <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.08>
16. Глазьев С.Ю., Локозов В.В. Оценка предельно-критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 4 (22). С. 22–41.
17. Шарова Е.Н. Жизненные стратегии молодежи в условиях Кольского Севера (по материалам социологического исследования): Монография / Е.Н. Шарова, Е.В. Недосека, Т.В. Ануфриева. Мурманск: ООО «Баренц-пресс», 2015. 175 с.

18. Митрошина М.Н. Проблемы занятости населения моногородов Арктической зоны Российской Федерации // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2019. № 3 (59).
19. Suopajärvi L., Ejdemo Th., Klyuchnikova E., Korchak E., Nygaard V. and Poelzer G.A. Social impacts of the “glocal” mining business: case studies from Northern Europe // Mineral Economics. 2017. Vol. 30. Issue 1. Pp. 31–39. DOI <https://doi.org/10.1007/s13563-016-0092-5>
20. Manjeet K. Arctic Legal System: a New Sustainable Development Model. Russian Law Journal. 2016. № 4 (2). Pp. 83–95. DOI <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2016-4-2-83-95>
21. Alvarez J., Yumashev D. and Whiteman G. A framework for assessing the economic impacts of Arctic change // Ambio. A Journal of the Human Environment. 2019. Jun 24. Pp. 1–12. DOI <https://doi.org/10.1007/s13280-019-01211-z>
22. Newton St.T., Fast H. and Henley Th. Sustainable Development for Canada's Arctic and Subarctic Communities: A Backcasting Approach to Churchill, Manitoba // Arctic. 2002. Vol. 56. No. 3. Pp. 281–290.
23. Jovovic R., Draskovic M., Delibasic M. and Jovovic M. The concept of sustainable regional development — institutional aspects, policies and prospects // Journal of International Studies. 2017. No. 10 (1). Pp. 255–266. DOI <https://doi.org/10.14254/2071-8330.2017/10-1/18>

References

1. Tsvetkova I.I. Osnovnye principy razvitiya trudovogo potenciala regiona [Basic principles for the development of the labor potential of the region]. *Ekonomika i upravlenie* [Economy and Management], 2012, no. 3, pp. 41–46.
2. Tret'yakova L.A., Bessonova M.A., Trofimenko E.N. Sushchnost' kategorii «trudovoj po-tencial»: sotsial'no-ekonomicheskij aspekt [The essence of the category “labor potential”: socio-economic aspect]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice], 2014, no. 34 (361), pp. 2–10.
3. Zaitseva I.V. Demograficheskoe razvitie Stavropol'skogo kraja kak osnova formirovaniya trudovykh resursov [Demographic development of the Stavropol Territory as a basis for the formation of labor resources]. *Nauchnyj zhurnal Kub GAU* [Scientific Journal of KubSAU], 2012, no. 81 (07), pp. 1–16.
4. Korchak E.A. *Trudovoj potencial severnykh regionov v ramkah realizacii gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v Arktike* [Labor potential of the northern regions in the framework of the implementation of the state policy of the Russian Federation in the Arctic]. Apatity, KSC RAS Publ., 2017, 225 p. (In Russ.)
5. Istomin A., Selin V. Strategiya i vozmozhnosti programmno-celevogo podhoda v regulirovanii regional'nogo ekonomicheskogo razvitiya [Strategy and possibilities of the program-target approach in the regulation of regional economic development]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2009, no. 3 (7), pp. 25–36.
6. Vorobev A.A. Trudovoj potencial regionov Privolzhskogo federal'nogo okruga: analiz i vozmozhnosti ego povysheniya [Labor potential of the Volga Federal District regions: analysis and opportunities for its increase]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economy and Entrepreneurship], 2015, no. 12, part 2, pp. 410–413.
7. Popova L.A., Terentjeva M.A. Trudovoj potencial rossijskogo Severa [Labor Potential of the Russian North]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2014, no. 14, pp. 51–69.
8. Terentyeva M.A. Trudovoj potencial severnogo regiona i problemy professio-nal'nogo obrazovaniya [Labor potential of the northern region and the problems of vocational education]. *Problemy obrazovaniya* [Problems of education], 2015, no. 1, pp. 118–136.
9. Yarasheva A.V., Makar S.V. Vliyanie demograficheskij faktorov na trudovoj potencial regionov Dal'nego Vostoka [The Impact of Demographic Factors on the Labor Potential of the Far East Regions]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics, taxes & law], 2019, no. 2, pp. 103–114.
10. Teslya A.B., Bulacheva L.V. Formirovanie i razvitie trudovogo potenciala Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii [Formation and development of labour potential of the Russian Federation Arctic zone]. *Vestnik MGTU* [Vestnik of MSTU], 2015, no 3, vol. 18, pp. 537–546.

11. Samarina V., Skufina T. and Samarin A. Russia's North Regions as Frontier Territories: Demographic Indicators and Management Features. *European Research Studies Journal*, 2018, no. 3, pp. 705–716.
12. Revich B., Kharkova T., Kvasha E., Bogoyavlensky D., Korovkin A. and Korolev I. *Sotsial'no-demograficheskie ogranicheniya ustojchivogo razvitiya Murmanskoy oblasti* [Sociodemographic limitations of the sustainable development of Murmansk oblast]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian economic development], 2014, no. 2, pp. 127–135.
13. Schmidt J., Aanesen M., Klovov K., Khrutshev S. and Hausner V. Demographic and economic disparities among Arctic regions. *Polar Geography*, 2015, no. 38, pp. 251–270. DOI 10.1080/1088937X.2015.1065926
14. Markin V., Silin A. Chelovecheskiy i sotsial'nyy potentsial neoindustrial'nogo osvoeniya Arktiki: sotsiologicheskii analiz, modelirovanie, regulirovanie [Human and social potential of neo-industrial development of the Arctic: sociological analysis, modeling, and regulation]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2017, no. 6 (10), pp. 75–88. DOI <https://doi.org/10.15838/esc/2017.6.54.5>.
15. Ivanova M., Klyukina E. Sovremennye predposylki budushchego arkticheskikh trudovykh resursov [Contemporary preconditions for the future of the Arctic labor resources]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], 2017, no. 6 (142), pp. 180–198. DOI <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.08>.
16. Glazyev S., Lokosov V. Otsenka predel'no-kriticheskikh znacheniy pokazateley sostoyaniya rossiyskogo obshchestva i ikh ispol'zovanie v upravlenii sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem [Assessment of the critical threshold values of the indicators of the state of Russian society and their use in the socio-economic development management]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2012, no. 4 (22), pp. 22–41.
17. Sharova E.N. Zhiznennyye strategii molodezhi v usloviyakh Kol'skogo Severa (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya): monografiya [The life strategies of young people of the Kola North (based on sociological research): monograph]. E.N. Sharova, E.V. Nedoseka, T.V. Anufrieva. Murmansk, Barents Press Publ., 2015, 175 p. (In Russ.)
18. Mitroshina M.N. Problemy zanyatosti naseleniya monogorodov Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii [The employment problems in mono-profile towns of the Russian Arctic]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Regional economics and management: electronic scientific journal], 2016, no. 3 (59).
19. Suopajärvi L., Ejdemo Th., Klyuchnikova E., Korchak E., Nygaard V. and Poelzer G.A. Social impacts of the “glocal” mining business: case studies from Northern Europe. *Mineral Economics*, 2017, vol. 30, issue 1, pp. 31–39. DOI <https://doi.org/10.1007/s13563-016-0092-5>
20. Manjeet K. Arctic Legal System: a New Sustainable Development Model. *Russian Law Journal*, 2016, no. 4 (2), pp. 83–95. DOI <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2016-4-2-83-95>
21. Alvarez J., Yumashev D. and Whiteman G. A framework for assessing the economic impacts of Arctic change. *Ambio. A Journal of the Human Environment*, 2019, Jun 24, pp. 1–12. DOI <https://doi.org/10.1007/s13280-019-01211-z>
22. Newton St.T., Fast H. and Henley Th. Sustainable Development for Canada's Arctic and Subarctic Communities: A Backcasting Approach to Churchill, Manitoba. *Arctic*, 2002, vol. 56, no. 3, pp. 281–290.
23. Jovovic R., Draskovic M., Delibasic M. and Jovovic M. The concept of sustainable regional development — institutional aspects, policies and prospects. *Journal of International Studies*, 2017, no. 10 (1), pp. 255–266. DOI <https://doi.org/10.14254/2071-8330.2017/10-1/18>

УДК 639.13(985+571.651)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.24

Проблемы законодательного регулирования традиционного (аборигенного) промысла тихоокеанского моржа в России *

© КРЮКОВА Наталья Владимировна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник

E-mail: nkryukova@gmail.com

Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии, Москва, Россия

Аннотация. В статье кратко рассмотрен уровень изученности тихоокеанского подвида моржа. Эта информация необходима для обоснования общего допустимого улова (ОДУ), поскольку этот подвид моржа ежегодно добывается коренными малочисленными жителями Чукотки. Обращено внимание на длительное изменение среды обитания моржа — сокращение ледового периода Берингова и Чукотского морей, последствиями чего могут быть увеличение смертности и эпизоотий. Рассмотрены законодательные акты рыбохозяйственной отрасли, регулирующие традиционный (аборигенный) промысел моржа на Чукотке, а также отлов детёнышей моржей в учебных и культурно-просветительских целях. Также в статье описана схема разработки обоснования ОДУ по моржу и представлены последние данные по выделенным квотам и фактическому изъятию моржа. Обсуждается необходимость более детальных и разносторонних исследований моржа в связи с изменением климата. Автор полагает, что для лучшей организации исследований и изучения моржа в период изменения климата с целью сохранения и рационального использования необходимо сотрудничество между коренными малочисленными народами Чукотки и различными научно-исследовательскими институтами.

Ключевые слова: Арктика, Север, Чукотка, традиционный аборигенный промысел, тихоокеанский морж, законодательные документы.

Legal regulation of the traditional (native) Pacific walrus harvest in Russia

© Natalia V. KRYUKOVA, Cand. Sci. (Biol.), senior researcher

E-mail: nkryukova@gmail.com

Russian Federal Research Institute of Fisheries and Oceanography, Moscow, Russia

Abstract. The article briefly reviewed studies of the Pacific walrus. This information is necessary for the development of the Total Allowable Catch (TAC) since the native people of Chukotka annually harvest this subspecies of walrus. We have drawn attention to the long-term change in the habitat of the walrus, i.e., to the reduction of the ice period in the Bering and Chukchi Seas and possible consequences for the walrus (increased mortality and epizootics). Legal acts for the fisheries are regulating the traditional (native) walrus harvest on Chukotka, and the capture of walrus calves for educational and cultural purposes have been described. A scheme for the development of the TAC for walrus has been discussed as well. We have presented the latest data on allocated quotas and actual walrus catch. The need for more detailed and versatile research of walrus in connection with climate change is discussed. The author suggests cooperation between the native people of Chukotka and various research institutions for the better-organized study of the walrus in relation to climate change, for conservation and rational use.

Keywords: the Arctic, North, Chukotka, traditional (native) harvest, Pacific walrus, legal acts.

* Для цитирования:

Крюкова Н.В. Проблемы законодательного регулирования традиционного (аборигенного) промысла тихоокеанского моржа в России // Арктика и Север. 2019. № 36. С. 24–41. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.24

For citation:

Kryukova N.V. Legal regulation of the traditional (native) Pacific walrus harvest in Russia. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 36, pp. 24–41. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.24

Введение

Ареал тихоокеанского моржа расположен на территории России и США. Издревле, до 3 тыс. лет назад [1, Богословская Л., Слугин И., Загребин И., Крупник И., с. 15], этот вид добывался коренными жителями Чукотки и Аляски, и в настоящее время морж является важным объектом традиционной хозяйственной деятельности.

Исторически традиционное природопользование не требовало специальных разрешений и не подвергалось жёсткому нормированию, а сейчас действующее природоресурсное законодательство, хоть и содержит общие положения о традиционном использовании природных ресурсов коренными малочисленными народами, тем не менее, требует получения специальных разрешений, лицензирования (в том числе и нормирования), причём в отношении каждого из видов природных ресурсов [2, Журавель В.П., с. 84]. В связи с этим тихоокеанский подвид моржа включён в Перечень видов водных биологических ресурсов¹, в отношении которых устанавливается общий допустимый улов (ОДУ). Ежегодно осуществляется разработка обоснования ОДУ и утверждение квот на добычу моржа коренными жителями Чукотки. С американской стороны добыча тихоокеанского моржа законодательно не квотируется, а добывается в необходимом объёме, удовлетворяющем потребности коренных жителей Аляски.

Среднегодовой объём добычи моржей в обоих государствах составлял в 1990–1999 гг. — 6 307 (± 707) моржей, 2000–2009 гг. — 5 410 (± 511) моржей, включая 42% раненых и потерянных особей [3, MacCracken J.G., с. 2074], из них 49–51% добывалось на Аляске. Наряду с этим последние 20 лет происходит сокращение льдов в Арктике [4, Jay C.V., Fischbach A.S., Kochnev A.A., с. 9; U.S. National Ice Center], что отрицательно сказывается на морже (растёт смертность), поскольку его жизнь тесно связана со льдами (щенка, линька, отдых в районе кормлений). Для оценки современной ситуации добычи тихоокеанского моржа в период изменения климата были проанализированы законодательные и иные официальные документы, регулирующие его промысел, а также сделан обзор последних исследований.

Состояние тихоокеанского моржа и условия обитания

Тихоокеанский морж — самый медленно размножающийся вид среди добываемых ластоногих Арктики. Моржи — полигамы. Половой зрелости достигают к 5–7 годам, но самцы вступают в размножение лишь к 13–14 годам из-за жёсткой конкуренции за самку [5, Кибальчич А.А., с. 178]. Спаривание происходит в январе — марте, а период щенки — с апреля по середину июня. Беременность длится 15 месяцев, с латентной стадией 4 месяца [5, Кибальчич А.А., с. 178]. У самки обычно рождается один детёныш раз в 3 года, который зависит от матери и питается молоком до 2–2,5 лет [6, Fay F.H., с. 138]. Смертность моржат на первом

¹ Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 01.10.2013 №365 (ред. от 16.11.2017) «Об утверждении перечня видов водных биологических ресурсов, в отношении которых устанавливается общий допустимый улов».

году жизни достигает 40–45%, включая мертворождённых и выкидыши на поздней стадии беременности [по данным 1981–1987 гг.; 7, Кибальчич А.А., с. 28].

Начиная с конца 1990-х — начала 2000-х гг. происходит сокращение площади льдов в Беринговом и Чукотском морях в летне-осенний период. Также отмечается ранний распад льдов весной и позднее их становление осенью, в результате чего период наличия ледового покрова в Чукотском море сокращается [8, Дмитриев А.А., с. 116; 4, Jay C.V., Fischbach A.S., Kochnev A.A., с. 9; 9, Крюкова Н.В., Кочнев А.А., Переверзев А.А., с. 34]. И если ранее годы со слабой и сильной ледовитостью Чукотского моря чередовались [8, Дмитриев А.А., с. 116], то сейчас наблюдается продолжительный (не менее 10 лет) период слабой ледовитости Чукотского моря [10, Stroeve J.C., Serreze M.C., Holland M.M., Kay J.E., Malanik J., Barrett A.P., с. 1006]. Всё больше и больше начинают преобладать однолетние льды в зимнее время, которые быстро тают летом, а общее потепление Арктики снизило вероятность холодных лет, которые могли бы привести к временному восстановлению ледяного покрова [10, Stroeve J.C., Serreze M.C., Holland M.M., Kay J.E., Malanik J., Barrett A.P., с. 1005].

С 2000-х гг. также начались изменения на лежбищах моржей: численность зверей в Беринговом море сильно сократилась, а в Чукотском море увеличилась, что свидетельствует о смещении зверей в северную часть ареала [9, Крюкова Н.В., Кочнев А.А., Переверзев А.А., с. 34; 11, Крюкова Н.В., с. 131]. При этом с 2010 г., моржи стали ежегодно массово выходить на берег Аляски и формировать большие смешанные лежбища [12, Garlich-Miller J., MacCracken J.G., Snyder J., Meehan R., Myers M., Wilder J.M., Lance E., Matz A., с. 27; 13, MacCracken J.G., Beatty W.S., Garlich-Miller J.L., Kissling M.L., Snyder J.A., с. 22], чего ранее не наблюдалось. Поскольку жизнь моржа тесно связана со льдами, он наиболее подвержен влиянию изменений ледовой ситуации. В связи с этим были проведены работы по оценке численности методом повторного отлова, используя генетические маркеры. В настоящее время дана предварительная оценка, рассчитанная по данным только 2013–2015 гг., — 283,2 тыс. особей [13, MacCracken J.G., Beatty W.S., Garlich-Miller J.L., Kissling M.L., Snyder J.A., с. 25].

Разработка обоснования общего допустимого улова (ОДУ)

Морские воды, прилегающие к России, имеют районирование. Ареал моржа в России занимает территорию двух рыбохозяйственных бассейнов² и четырёх рыбопромысловых зон³: Дальневосточный рыбохозяйственный бассейн: 61.01 — Западно-Беринговоморская зона, 67.01 — Чукотская зона, 18 — район Арктика: Чукотское море. Восточно-Сибирский рыбохозяйственный бассейн: 18 — район Арктика: Восточно-Сибирское море. Границы этих

² Федеральный закон Российской Федерации от 20.12.2004 N 166-ФЗ (ред. от 06.03.2019) «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов». URL: <http://www.consultant.ru/>; <http://fish.gov.ru/>; <http://mcsx.ru/docs/> (дата обращения: 16.08.19).

³ Приказ Министерства Рыбного хозяйства СССР от 09.09.1980 №408 «О разграничении Мирового океана на промысловые районы в новых условиях ведения промысла».

зон описаны в Приказе Министерства сельского хозяйства Российской Федерации^{4,5,6}, согласно ему эти зоны были расположены на карте (рис. 1).

Рисунок 1. Карта расположения рыбопромысловых зон и сел, в которых ведётся промысел моржа, с указанием границ Чукотского автономного округа (рисунок автора).

Зона 61.01: 1 — Эгвекино, 2 — Конергино, 3 — Уэлькаль, 4 — Энмелен, 5 — Нунлигран, *Зона 67.01:* 6 — Сиреники, 7 — Новое Чаплино, 8 — Янракинот, 9 — Лорино, 10 — Лаврентия, 11 — Уэлен, *Зона 18 (Чукотское море):* 12 — Инчоун, 13 — Энурмино, 14 — Нешкан, 15 — Нутепельмен, 16 — Ванкарем.

Согласно приказу Федерального Агентства по Рыболовству от 09.03.2010 №158⁷, разработка и утверждение ОДУ проходит длительную и сложную процедуру. Для разработки обоснования ОДУ используются последние данные общей численности подвида, уровень прироста популяции, смертности и размер промысла, а также лимитирующие факторы (ледовая ситуация, болезни и пр.). Для оценки происходящих изменений в популяции моржа ведутся ежегодные мониторинговые исследования на лежбищах и промысле. Этим занимаются сотрудники рыбохозяйственных институтов (ЧукотТИНРО, ТИНРО, ВНИРО) [14, Смирнов Г.П., Кочнев А.А., Литовка М.И., Компанцева Е.И., Григорович П.В., с. 229; 15, Кочнев А.А., с. 282; 16, Чакилев М.В., Кочнев А.А., с. 107; 11, Крюкова Н.В., с. 59; 17, Переверзев А.А., Крюкова Н.В., с.

⁴ Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 21.10.2013 №385 (ред. от 04.06.2018) «Об утверждении правил рыболовства для Дальневосточного рыбохозяйственного бассейна».

⁵ Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 23.05.2019 №267 «Об утверждении правил рыболовства для Дальневосточного рыбохозяйственного бассейна».

⁶ Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 03.09.2014 № 348 (ред. от 05.07.2018) «Об утверждении правил рыболовства для Восточно-Сибирского рыбохозяйственного бассейна».

⁷ Приказ Федерального Агентства по Рыболовству от 09.03.2010 №158 «Об утверждении Административного регламента Федерального агентства по рыболовству по исполнению государственной функции по разработке и представлению на государственную экологическую экспертизу, а также определение и утверждение ежегодно общих допустимых уловов водных биологических ресурсов во внутренних водах Российской Федерации, в том числе во внутренних морских водах Российской Федерации, а также в территориальном море Российской Федерации, на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации, в Азовском и Каспийском морях».

81] и других организаций — РОО «Совет по морским млекопитающим» [18, Семенова В.С., Болтунов А.Н., Никифоров В.В., с. 522], Камчатский филиал Тихоокеанского института географии ДВО РАН [19, Алтухов А.В., Скоробогатов Д.О., Загребельный С.В., Крюкова Н.В., Кочнев А.А., Чакилев М.В., Бурканов В.Н., с. 16; 20, Крюкова Н.В., Козлов М.С., Скоробогатов Д.О., Переверзев А.А., Крупин И.Л., Шевелёв А.И., Бурканов В.Н., с. 146], Институт биологических проблем Севера РАН, Национальный парк «Берингия». Также разными институтами ведутся прикладные исследования моржа, такие как токсикология, заражённость трихинеллёзом и поведение моржей. Этим занимаются Тихоокеанский океанологический институт им. В.И. Ильичева ДВО РАН [21, Trukhin A.M., Simokon M.V., с. 3365], Вятская государственная сельскохозяйственная академия [22, Букина Л.А., с. 13], Санкт-Петербургский государственный университет [23, Giljov A., Karenina K., Kochnev A., с. 50].

Были проанализированы документы обоснования ОДУ за период 2003–2019 гг. Для обоснования ОДУ на период 2003–2011 гг. использовалась численность 200 тыс. особей, на 2012–2019 гг. — 129 тыс. особей [24, Speckman S.G., Chernook V.I., Burn D.M., Udevitz M.S., Kochnev A.A., Vasilev A., Jay C.V., Lisovsky A., Fischbach A.S., Benter R.B., с. 546]. Чтобы популяция не пришла в упадок, необходимо изъятие не более половины прироста популяции. Для расчётов ОДУ на период 2003–2012 гг. уровень прироста половозрелой части популяции тихоокеанского моржа брался как 9% [25, Федосеев Г.А., Гольцев В.Н., с. 411], при этом уровень изъятия составлял 4–5% для обеих стран, в том числе у России — 2%. С 2013 г. уровень прироста, рассчитанный сотрудниками ЧукотТИНРО на основании береговых наблюдений на лежбищах, составил 4,6% [26, Чакилев М.В., с. 37]. В этом случае промысловое изъятие моржей вместе с неучтённым промыслом (+20%) в России и промысловых потерь (+42%) в России и на Аляске полностью покрывает прирост популяции [26, Чакилев М.В., с. 36]. Фактический промысел моржа (особи, которые добыты и разделаны на берегу / льду, сюда не включены неучтённый промысел и промысловые потери) по данным Департамента сельского хозяйства и продовольствия Чукотского автономного округа (ранее, до 19.10.2018 г., — Департамент промышленной и сельскохозяйственной политики ЧАО) (далее по тексту — Департамент ЧАО) представлен в табл. 1.

Таблица 1

Квоты, выделяемые на тихоокеанского моржа, и фактическое изъятие

Годы	Западно-Берингово-морская зона	Чукотская зона	Зона Чукотское море	Восточно-Сибирское море	ВСЕГО ОДУ (К)*	ВСЕГО Добыто КМНС+К
2003	3000 (50)****				3000 ⁸	1219
2004	2000				2000 (10) ^{9, 10, 11}	1118
2005	2000				2000 (40) ^{12, 13}	1436
2006	1500 (50)****				1500 (40) ^{14, 15}	1047
2007	1500				1500** ¹⁶	1173
2008	305	900	675	20	1900** ¹⁷	695
2009	300	430	750	0	1480** ¹⁸	1035
2010	75	520	695	10	1300 (65) ^{19, 20}	1057
2011	150	610	730	10	1500** ²¹	1032
2012	240	500	750	10	1500 (100) ^{22, 23}	1009+7****
2013	250	431	750	5	1436** ²⁴	1042+11****

⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.12.2002 №1863-р (ред. 26.11.2003).

⁹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.11.2003 №1644-р (Госкомрыболовству России).

¹⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.12.2003 №1947-р.

¹¹ Приказ Государственного комитета Российской Федерации по рыболовству от 13.02.2004 №75 «О квотах на вылов (добычу) водных биологических ресурсов в научно-исследовательских, учебных и культурно-просветительских целях на 2004 год».

¹² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2004 №1482-р.

¹³ Приказ Федерального агентства по Рыболовству Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 31.12.2004 №240 «О квотах на вылов (добычу) водных биологических ресурсов в научно-исследовательских, учебных и культурно-просветительских целях на 2005 год».

¹⁴ Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации (Минсельхоз России) от 14.12.2005 №209 «Об утверждении общих допустимых уловов водных биологических ресурсов на 2006 год».

¹⁵ Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации (Минсельхоз России) от 16.12.2005 №220 «Об утверждении распределения общих допустимых уловов водных биологических ресурсов по Дальневосточному бассейну применительно к видам квот на 2006 год».

¹⁶ Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации (Минсельхоз России) от 02.11.2006 №409 «Об утверждении общих допустимых уловов водных биологических ресурсов на 2007 год».

¹⁷ Приказ Госкомрыболовства РФ от 28.11.2007 № 27 (ред. от 24.07.2008) «Об утверждении общих допустимых уловов водных биологических ресурсов на 2008 год».

¹⁸ Приказ Росрыболовства от 05.12.2008 №382 (ред. от 17.09.2009) «Об утверждении общих допустимых уловов водных биологических ресурсов на 2009 год».

¹⁹ Приказ Федерального агентства по рыболовству от 30.09.2009 №874 «Об утверждении общего допустимого улова водных биологических ресурсов на 2010 год».

²⁰ Приказ Федерального агентства по Рыболовству от 27.05.2010 №504 «О распределении между пользователями, в отношении которых принято решение о предоставлении водных биологических ресурсов в пользование, квот добычи (вылова) водных биологических ресурсов Северного, Волжско-Каспийского и Дальневосточного рыбохозяйственных бассейнов для осуществления рыболовства в учебных и культурно-просветительских целях в 2010 году».

²¹ Приказ Федерального агентства по рыболовству от 29.09.2010 №825 «Об утверждении общего допустимого улова водных биологических ресурсов на 2011 год».

²² Приказ Федерального агентства по рыболовству от 05.10.2011 №983 «Об утверждении общего допустимого улова водных биологических ресурсов на 2012 год».

²³ Приказ Федерального агентства по рыболовству от 05.05.2012 №395 «О распределении между пользователями, в отношении которых принято решение о предоставлении водных биологических ресурсов в пользование, квот добычи (вылова) водных биологических ресурсов Северного, Западно-Сибирского, Волжско-Каспийского и Дальневосточного рыбохозяйственных бассейнов для осуществления рыболовства в учебных и культурно-просветительских целях в 2012 году».

²⁴ Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 31.10.2012 №571 «Об утверждении общего допустимого улова водных биологических ресурсов во внутренних морских водах Российской Федерации, а

2014	250	431	750	5	1436** ²⁵	819+13***
2015	203	536	746	4	1489** ²⁶	971
2016	195	539	758	4	1496** ²⁷	1020
2017	195	539	758	4	1496** ²⁸	1063
2018	195	539	758	4	1496 (30) ^{29, 30}	1234+6***

*ОДУ — это общее число моржей, разрешенных к добыче, в том числе с отловом моржей в учебных и культурно-просветительских целях (К), размер квоты последнего стоит в скобках; **в эти годы квоты на отлов моржей на учебные и культурно-просветительские (К) цели не давали; ***данные о фактическом отлове моржат предоставлены Территориальными органами Росрыболовства. В 2013 и 2014 гг. отлов моржат для культурно-просветительских целей проводили по квотам КМНС, ****в скобках приведено количество моржей, выделенных на Корякский автономный округ в составе общей квоты.

Эти цифры получены на основании отчётов общин, которые получили квоты на добычу (вылов) моржей. Частные лица не отчитывались о количестве добытых животных, таким образом попадая в категорию незарегистрированного промысла. В настоящее время нет современных данных о размере незарегистрированного (неучтённого) промысла. Мы имеем только ранние данные, которые показывают, что информация Департамента ЧАО может быть занижена до 20% от истинного [27, Смирнов Г.П., Ринтеймит В.М., Агнагисяк М.Д., Литовка М.И., с. 231]. Это стало указываться при обосновании ОДУ начиная с 2013 г., но при расчёте квот не использовалось. А с 2014 г. стало учитываться при распределении квот среди общин и населения (частных лиц), т.е. около 20% от общей квоты стали получать частные лица. Современных данных о доли раненых и потерянных животных во время промысла нет, начиная с 2013 г. в расчёте ОДУ используется коэффициент, полученный ранее, — 42% [28, Fay F.H., Kelly B.P., Sease J.L., с. 368]. Обоснование ОДУ идёт общее для всех видов изъятий — для коренных малочисленных народов Севера (КМНС) и для учебных и культурно-

также территориальном море Российской Федерации, на континентальном шельфе Российской Федерации и в исключительной экономической зоне Российской Федерации, в Азовском и Каспийском морях на 2013 год».

²⁵ Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 05.11.2013 №403 «Об утверждении общего допустимого улова водных биологических ресурсов на 2014 год».

²⁶ Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 21.10.2014 №399 «Об утверждении общего допустимого улова водных биологических ресурсов во внутренних морских водах Российской Федерации, территориальном море Российской Федерации, на континентальном шельфе Российской Федерации и в исключительной экономической зоне Российской Федерации, в Азовском и Каспийском морях на 2015 год».

²⁷ Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 07.10.2015 №465 «Об утверждении общего допустимого улова водных биологических ресурсов во внутренних морских водах Российской Федерации, территориальном море Российской Федерации, на континентальном шельфе Российской Федерации и в исключительной экономической зоне Российской Федерации, в Азовском и Каспийском морях на 2016 год».

²⁸ Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 10.10.2016 №445 «Об утверждении общего допустимого улова водных биологических ресурсов во внутренних морских водах Российской Федерации, территориальном море Российской Федерации, на континентальном шельфе Российской Федерации и в исключительной экономической зоне Российской Федерации, в Азовском и Каспийском морях на 2017 год».

²⁹ Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 27.10.2017 №533 «Об утверждении общего допустимого улова водных биологических ресурсов во внутренних морских водах Российской Федерации, территориальном море Российской Федерации, на континентальном шельфе Российской Федерации и в исключительной экономической зоне Российской Федерации, в Азовском и Каспийском морях на 2018 год».

³⁰ Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 26.12.2017 №935 «О распределении между пользователями, в отношении которых принято решение о предоставлении водных биологических ресурсов в пользование, квот добычи (вылова) водных биологических ресурсов Волжско-Каспийского и Дальневосточного рыбохозяйственных бассейнов для осуществления рыболовства в учебных и культурно-просветительских целях в 2018 году».

просветительских целей (К), однако последний вид изъятия рассматривается лишь тогда, когда удовлетворена потребность коренных жителей.

Обоснование ОДУ готовит Чукотское отделение Тихоокеанского филиала ВНИРО (ЧукотТИНРО), затем оно согласуется с ТИНРО и головным институтом ВНИРО. Происходят общественные слушания в регионах, где планируется промысловое изъятие. До этого в течение месяца любой человек может ознакомиться с материалами разработки ОДУ в институте (ТИНРО). Далее материалы передаются на независимую экологическую экспертизу в Росприроднадзор, где комиссия экспертов рассматривает материалы ОДУ в течение месяца. После этого выходит приказ Росрыболовства о распределении квот по зонам. На разных этапах могут быть корректировки числа животных, разрешённых к добыче. Утверждённые квоты представлены в табл. 1.

Обоснование ОДУ на 2003–2007 гг. и выделение квот давалось только для 61.01 — Западно-Беринговоморской зоны. С 2008 г. квота стала распределяться дополнительно ещё на 3 зоны: Чукотская зона, зона Чукотское море и зона Восточно-Сибирское море.

Организация промысла, его регулирование и освоение квот

Выданная квота на ЧАО распределяется между общинами и частными лицами (коренными малочисленными народами) Департаментом ЧАО. В настоящее время на Чукотке моржей добывают зверобойные бригады, состоящие в «Территориально-соседских общинах коренных малочисленных народов Севера» (ТСО КМНС) и «Территориально-соседских общинах коренных малочисленных народов Чукотки» (ТСО КМНЧ). Всего существует 9 общин, занимающихся промыслом моржа. Они расположены в трёх районах ЧАО, в 16 сёлах (по данным 2018 г.³¹:

Иультинский район:

1. ТСО КМНС «Анкальыт» (морской народ) (п. Эгвекино, села Конергино, Уэлькаль, Нутепельмен, Ванкарем)

Провиденский район:

2. ТСО КМНС «Энмелен» (село Энмелен)
3. ТСО КМНС «Нунлигран» (село Нунлигран)
4. ТСО КМНС «Сиреники» (село Сиреники)
5. ТСО КМНС «Чаплино» (село Новое Чаплино)
6. ТСО КМНС «Янракыннот» (село Янракыннот)

Чукотский район:

7. ТСО КМНЧ «Лаврентия» (село Лаврентия)
8. ТСО КМНЧ «Лорино» (село Лорино)
9. ТСО КМНЧ «Дауркин» (села Лаврентия, Уэлен, Инчоун, Энурмино, Нешкан).

Добываются моржи общинами для нужд коренного населения: питания, запасов на зиму в виде рулетов (копальхен), заготовки корма собакам и кормления песцов в зверохо-

³¹ Названия общин представлены в том виде, в котором они зарегистрированы на сайте Министерства юстиции РФ. URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (дата обращения 26.08.2019).

зайствах (села Лорино и Инчоун). Зверофермы в настоящее время насчитывают около 700 песцов (с учётом приплода с весны по осень — до 1 300 особей). В течение сезона охотники добывают моржей, ориентируясь на потребности населения в мясе и хозяйственные нужды. Промысел моржа проводится с весны по позднюю осень в период отсутствия льда и присутствия моржей в районе сёл (рис. 2, 3).

Рисунок 2. Вытаскивание добытого моржа на берег охотниками (фото автора).

Обычно большее количество моржей добывают осенью — заготовка запаса мяса на зиму, т. к. наступает холодный сезон, способствующий его сохранности. Существует также частный промысел, когда частные лица (семьи) добывают моржа и целиком используют его для своих нужд.

В рамках традиционной хозяйственной деятельности проводится промысел морских млекопитающих согласно Перечню видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации³²: п. 6. Рыболовство (в том числе морской зверобойный промысел) и реализация водных биологических ресурсов.

³² Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 №631-р (ред. от 29.12.2017) «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации».

Рисунок 3. Разделка моржа охотником (фото автора).

Ранее сам процесс охоты регулировал Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 21 октября 2013 г. № 385 (ред. от 04.06.2018, а с 17 июня 2019 г. — Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 23.05.2019 № 267 «Об утверждении правил рыболовства для Дальневосточного рыбохозяйственного бассейна». В этом приказе Правила добычи (вылова) водных биоресурсов в целях обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации описаны в Главе VII.

Согласно п. 96, при осуществлении традиционного рыболовства запрещается добыча (вылов): «а) моржа с использованием всех орудий и способов добычи (вылова), за исключением разрешённого нарезного оружия при наличии на борту судна средств немедленного извлечения добытого животного из воды; на береговых лежбищах; кормящих самок с детёнышами; в) морских млекопитающих для доставки на берег в живом виде».

Согласно п. 32.21, при осуществлении добычи (вылова) водных биоресурсов запрещается добывать (вылавливать) моржей на береговых лежбищах и на расстоянии менее 500

м от них. В п. 23.2.1. приведён перечень районов (острова, мысы, участок побережья), где промысел запрещён в 12-мильной зоне, круглогодично или в период с 1 июля по 31 декабря.

Пользователи, осуществляющие традиционное рыболовство, согласно п.89, не вправе выбрасывать добытые (выловленные) водные биоресурсы, разрешённые для добычи (вылова), согласно п. 86–88.2, должны обеспечивать заполнение промыслового журнала и предоставлять данные в соответствующий территориальный орган Росрыболовства сведения о добыче (вылове) водных биоресурсов, а также при осуществлении добычи (вылова) морских млекопитающих содержать в надлежащем порядке участки забоя и разделки туш морских млекопитающих.

Информация по фактическому изъятию моржей передаётся управляющими бригад и председателями общин в Департамент ЧАО. По данным Департамента ЧАО, квоты недоосваиваются [29, Болтнев А.И., Грачев А.И., Жариков К.А. Забавников В.Б., Корнев С.И., Кузнецов В.В., Литовка Д.И., Мясников В.Г., Шафики И.Н., с. 246; 26, Чакилев М.В., с. 36], однако, опираясь на наблюдения и исследования (как собственные, так и других учёных), можно сказать о том, что фактический промысел выше официальных данных в Департаменте. Это значение варьируется в разных сёлах и в разные годы от 10,4 до 20% [27, Смирнов Г.П., Ринтеймит В.М., Агнагисяк М.Д., Литовка М.И., с. 231]. Кроме того, как было отмечено ранее, присутствует частный промысел, который никак не регулируется. Поэтому, по всей видимости, квота изымается полностью.

В некоторые годы (табл. 1) кроме аборигенного промысла квоты выделялись на учебные и культурно-просветительские цели, т. е. отлов живых моржей для содержания в неволе (океанариумы и пр.). Отлов в учебных и культурно-просветительских целях регулируется Правилами рыболовства³³ Главой VI. Отлов моржат запрещён на береговых лежбищах и на расстоянии менее 500 м от них. По возрастным категориям нет ограничений, однако обычно отлавливают сеголетков (4–6 мес.), изредка годовиков (1,5 года), обе эти возрастные группы — детёныши, питающиеся молоком и сопровождаемые матерью.

Кроме того, если при осуществлении любого вида рыболовства нанесён ущерб морским млекопитающим, взимается штраф³⁴. Например, для тихоокеанского моржа он составляет 57 540 рублей.

Обсуждение

В настоящее время для обоснования ОДУ используются данные сезонной смертности, т. е. подсчёт погибших моржей на одном-трёх лежбищах в течение двух месяцев, однако это не отражает истинной картины смертности моржей. Не охватываются остальные участки побережья Чукотки и ряд других лежбищ. Сюда не включена смертность сеголетков с момента

³³ Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 23.05.2019 №267 «Об утверждении правил рыболовства для Дальневосточного рыбохозяйственного бассейна».

³⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 03.11.2018 №1321 «Об утверждении такс для исчисления размера ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам».

рождения и до выхода на берег, которые могут гибнуть по разным причинам, в том числе быть добычей белых медведей (собственные наблюдения 2017 г.), а также не включён период первой зимовки сеголетков. Не учтены также мертворождённые и выкидыши на поздней стадии развития. Поэтому сезонные локальные наблюдения дают довольно относительную оценку смертности. Необходимы современные исследования репродуктивной системы самок для ответа на эти вопросы. Последний раз такие исследования проводились 22–38 лет назад [7, Кибальчич А.А., с. 28; 30, Garlich-Miller J., Pungowiyi C., с. 6], после этого произошли значительные изменения среды обитания моржей, что не могло не повлиять на выживаемость моржат.

К сожалению, отсутствует информация и по половозрастному составу добытых животных, общины отчитываются только по общему количеству добытых моржей, что не позволяет однозначно оценить изъятие из популяции. Имеется информация лишь в том случае, если на промысле присутствует биолог, но он охватывает наблюдениями только короткий промежуток времени в одном-двух сёлах. По более ранним данным, в нескольких сёлах небольшой перевес в изъятии был в сторону самцов [11, Крюкова Н.В., с. 124], однако полной информации мы не имеем.

Покол является традиционным способом добычи моржа на береговых лежбищах с помощью копий [1, Богословская Л., Слугин И., Загребин И., Крупник И., с. 307], в то же время он вступает в противоречие с Правилами рыболовства, которые запрещают промысел на береговых лежбищах. Однако хорошо организованный охотниками покол, проводимый на небольших залежках, позволяет быстро, без значительной паники среди моржей, взять несколько особей. Покол проводят поздней осенью, когда на море шторм, и нет возможности охотиться на лодках. В это время на земле уже имеется небольшой снежный покров, по которому на снегоходах или собачьих упряжках доставляют мясо разделанных моржей с лежбища в села. В то же время, если не продумать организацию покола хорошо, это вызывает панику и массовый сход моржей в воду, что сопровождается травмированием и гибелью зверей [31, Чакилев М.В., Байдерин А.Г., Кочнев А.А., с. 272].

Также некоторые районы, отнесённые Правилами Рыболовства к зонам покоя моржей, активно используются охотниками, поскольку таким образом можно в короткие сроки добыть необходимое количество моржей с небольшими затратами времени, сил и топлива. Обычно охота проводится на воде на подходящих с моря к лежбищам моржей, не задевая отдыхающих на берегу. Но в некоторых случаях это вызывает беспокойство [32, Переверзев А.А., Кочнев А.А., с. 175].

В то же время присутствует и браконьерство (при добыче моржей браконьеры вырубят клыки, а туши бросают), которое никак не учитывается при обосновании ОДУ. Размер браконьерства точно не известен, по всей видимости, он варьирует в разных районах в зависимости от уровня контроля.

Вылов в учебных и культурно-просветительских целях, несмотря на запрет отлова моржат на берегу, согласно Правилам Рыболовства, многие годы вёлся именно на лежбищах, что сопровождалось большими паниками и сходами моржей с лежбища в воду, таким образом увеличивая смертность моржей [14, Смирнов Г.П., Кочнев А.А., Литовка М.И., Компанцева Е.И., Григорович П.В., с. 229; 15, Кочнев А.А., с. 284].

Ещё одна проблема, связанная с изменением климата, заключается в том, что продолжительные периоды открытой воды [10, Stroeve J.C., Serreze M.C., Holland M.M., Kay J.E., Malanik J., Barrett A.P., с. 1006] и повышение температуры воды в Арктике [33, Steele M., Ermold W., Zhang J., с. 1] ведут к увеличению перемешивания / циркуляции вод с загрязняющими веществами — в горизонтальном направлении с течениями и вертикальном направлении во время штормов. Особое беспокойство вызывает загрязнение радионуклидами, поступающими в воду из захоронений радиоактивных отходов [34, Никитин А.И., с. 4], расположение которых может быть неизвестно. В рационе моржей преобладают моллюски, которые являются биофильтрами и могут накапливать до 90% радиоактивного стронция из окружающей воды [35, Белоконов А.С., Дворецкий А.И., Новицкая О.А., Лаврова Т.В., с. 21]. Аналогичная ситуация с тяжёлыми металлами, например ртутью, которая накапливается в тканях на протяжении всей жизни животного [21, Trukhin A.M., Simokon M.V., с. 3363]. Мясо таких животных может представлять опасность для здоровья коренного населения, использующего его для питания [21, Trukhin A.M., Simokon M.V., с. 3365].

Исследования показали, что моржи, равно как и другие ластоногие (ларга, морской заяц, кольчатая нерпа), заражаются трихинеллёзом [22, Букина Л.А., с. 13], а мясо этих животных используется коренным населением в пищу в сыром и вяленом виде. Возможно, моржи из-за труднодоступности кормового ресурса (длинные кормовые маршруты) будут чаще питаться погибшими животными, в связи с чем может возрасти число моржей, заражённых трихинеллёзом. Для разрешения этого вопроса требуется продолжить исследования добытых моржей на заражённость.

Заключение

Сохранение тихоокеанского моржа важно как для коренных малочисленных жителей Чукотки, так и для рыбохозяйственной отрасли. На наш взгляд, для этого необходимо:

1. Провести более подробные и актуальные исследования по тихоокеанскому моржу, а именно — исследовать репродуктивные органы (периодичность размножения самок, уровень смертности детёнышей на первом году жизни), регистрировать половозрастной состав добываемых моржей, провести токсикологические, микробиологические и другие исследования для оценки здоровья животных, т.к. их мясо используется людьми в пищу в сыром виде.
2. Проработать более точные и однозначные формулировки в законодательных документах, регулирующих традиционный промысел (районы, сроки и способы), поскольку некоторые пункты вступают в противоречие с возможностями и интересами коренных жителей. Также необходимо информировать коренных жителей об изменениях в законодательных документах или появлении новых, регулирующих

традиционный промысел, так как местное население в сёлах зачастую не знает ни о Правилах рыболовства, ни о возможных последствиях их нарушений.

3. Сотрудничество (а не противостояние) между работниками разных научных институтов и местного населения в изучении моржа. Это позволит провести более масштабные и полноценные исследования моржей на лежбищах, а ежегодный аборигенный промысел моржей — собрать большой материал по биологии и здоровью моржа. Необходимо также создать международную группу по моржу для оперативного обмена результатами исследований и актуальной информацией в случае эпизоотий, поскольку этот ресурс общий для России и США.

Сообщества, которые верят и твёрдо убеждены в том, что их благополучие и будущее зависит от охоты на моржей, станут лучшими партнёрами в управлении [36, Metcalf V., Robards M., с. 154].

Литература

1. Богословская Л., Слугин И., Загребин И., Крупник И. Основы морского зверобойного промысла: научно-методическое пособие. М.: Институт Наследия, 2007. 480 с.
2. Журавель В.П. Права коренных народов российской Арктики: проблемы и решения // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 76–96. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.76
3. MacCracken J.G. Pacific Walrus and climate change: observations and predictions // Ecology and Evolution. 2012. Vol. 2. Is. 8. Pp. 2072–2090. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/ece3.317>
4. Jay C.V., Fischbach A.S., Kochnev A.A. Walrus areas of use in the Chukchi Sea during sparse sea ice cover // Marine Ecology Progress Series. 2012. Vol. 468. Pp. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.3354/meps10057>
5. Кибальчич А.А. Биология размножения и естественные запасы тихоокеанского моржа: дис. ... канд. биол. наук. М., 1984. 185 с.
6. Fay F.H. Ecology and biology of the Pacific walrus, *Odobenus rosmarus divergens* Illiger, North American Fauna, 1982. 279 p.
7. Кибальчич А.А. Оценка ресурсов и ювенильная смертность тихоокеанского моржа // Морские млекопитающие. М.: ВНИРО, 1990. С. 23–29.
8. Дмитриев А.А. О причинах возникновения природного феномена в Арктике летом 2007 г. // Проблемы Арктики и Антарктики. 2007. № 77. С. 115–127.
9. Крюкова Н.В., Кочнев А.А., Переверзев А.А. Влияние ледовых условий на функционирование береговых лежбищ тихоокеанского моржа (*Odobenus rosmarus divergens*, Illiger, 1815) в Анадырском заливе Берингова моря // Биология моря. 2014. Т. 40. № 1. С. 32–37.
10. Stroeve J.C., Serreze M.C., Holland M.M., Kay J.E., Malanik J., Barrett A.P. The Arctic's rapidly shrinking sea ice cover: a research synthesis // Climatic Change. 2012. Vol. 110. Is. 3–4. Pp. 1005–1027. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10584-011-0101-1>
11. Крюкова Н.В. Современное состояние группировок тихоокеанского моржа (*Odobenus rosmarus divergens*) на береговых лежбищах Чукотского полуострова: дис. ... канд. биол. наук. М., 2015. 150 с.
12. Garlich-Miller J., MacCracken J.G., Snyder J., Meehan R., Myers M., Wilder J.M., Lance E., Matz A. Status review of the Pacific walrus (*Odobenus rosmarus divergens*) report. U.S. Fish and Wildlife Service Report. 2011. 163 p.
13. MacCracken J.G., Beatty W.S., Garlich-Miller J.L., Kissling, M.L., Snyder J.A. Final species status assessment for the Pacific walrus (*Odobenus rosmarus divergens*), May 2017 (Version 1.0). U.S. Fish and Wildlife Service, Marine Mammals Management, 1011 E. Tudor Rd. MS-341, Anchorage, AK 99503, 2017. 297 p.
14. Смирнов Г.П., Кочнев А.А., Литовка М.И., Компанцева Е.И., Григорович П.В. Мониторинг береговых лежбищ моржа Анадырского залива // Морские млекопитающие Голарктики: материалы международной конференции (Байкал, 10–15 сентября 2002 г.). М., 2002. С. 228–229.

15. Кочнев А.А. Лежбище моржей (*Odobenus rosmarus divergens*) на мысе Сердце-Камень, Чукотское море // Морские млекопитающие Голарктики. Сборник научных трудов по материалам 6-й международной конференции (Калининград, 11–15 октября 2010 г.). М., 2010. С. 281–285.
16. Чакилев М.В., Кочнев А.А. Численность и распределение тихоокеанского моржа (*Odobenus rosmarus divergens*) в районе мыса Сердце-Камень в 2009–2013 гг. // Изв. ТИНРО. 2014. Т. 179. С. 103–112.
17. Переверзев А.А., Крюкова Н.В. Использование моржами берегового лежбища на острове Коса Мээскын (Анадырский залив Берингова моря) в 2003–2009 гг. // Труды ВНИРО. 2018. Т. 170. С. 78–89.
18. Семенова В.С., Болтунов А.Н., Никифоров В.В. Береговое лежбище тихоокеанских моржей (*Odobenus rosmarus divergens*) на м. Кожевникова, 2007–2009 гг. // Морские млекопитающие Голарктики. Сборник научных трудов по материалам 6-ой международной конференции (Калининград, 11–15 октября). М., 2010. С. 521–526.
19. Алтухов А.В., Скоробогатов Д.О., Загребельный С.В., Крюкова Н.В., Кочнев А.А., Чакилев М.В., Бурканов В.Н. Сравнение результатов оценки численности моржа (*Odobenus rosmarus*) на лежбищах с помощью различных методов // Морские млекопитающие Голарктики. Сборник тезисов 10-ой международной конференции (Архангельск, 29 октября–2 ноября, 2018). М., 2018. С. 16–17.
20. Крюкова Н.В., Козлов М.С., Скоробогатов Д.О., Переверзев А.А., Крупин И.Л., Шевелёв А.И., Бурканов В.Н. Смертность моржей (*Odobenus rosmarus*) в районе лежбищ северного побережья Чукотки в 2017 г. // Морские млекопитающие Голарктики. Сборник научных трудов по материалам 10-ой международной конференции (Архангельск, 29 октября – 2 ноября, 2018). М.: РОО «Совет по морским млекопитающим». М., 2019. Т. 1. С. 146–154. DOI: 10.35267/978-5-9904294-0-6-2019-1-146-154
21. Trukhin A.M., Simokon M.V. Mercury in organs of Pacific walruses (*Odobenus rosmarus divergens*) from the Bering Sea // Environmental Science and Pollution Research. 2018. Vol. 25. Is. 4. Pp. 3360–3367. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11356-017-0566-1>
22. Букина Л.А. Трихинеллёз в прибрежных районах Чукотского полуострова, распространение, меры профилактики: автореферат дис. ... д-ра биол. наук. Киров, 2015. 44 с.
23. Giljov A., Karenina K., Kochnev A. Prey or play: interactions between walruses and seabirds // Acta Ethologica. 2017. Vol. 20. Is. 1. Pp. 47–57. DOI: 10.1007/s10211-016-0248-x
24. Speckman S.G., Chernook V.I., Burn D.M., Udevitz M.S., Kochnev A.A., Vasilev A., Jay C.V., Lisovsky A., Fischbach A.S., Benter R.B. Results and evaluation of a survey to estimate Pacific walrus population size, 2006 // Marine Mammal Science. 2011. Vol. 27. Is. 3. P. 514–553. DOI:10.1111/j.1748-7692.2010.00419.x
25. Федосеев Г.А., Гольцев В.Н. Возрастно-половая структура и воспроизводительная способность популяции тихоокеанского моржа // Зоологический журнал. 1969. Т. 48. Вып. 3. С. 407–413.
26. Чакилев М.В. Проблемы и перспективы рационального использования тихоокеанского моржа (*Odobenus rosmarus divergens*) на Чукотке // Вестник СВФУ. 2016. № 2 (52). С. 33–40.
27. Смирнов Г.П., Ринтеймит В.М., Агнагисяк М.Д., Литовка М.И. Мониторинг промысла тихоокеанского моржа на Чукотке // Морские млекопитающие Голарктики: материалы международной конференции (Байкал, 10–15 сентября 2002 г.). М., 2002. С. 230–231.
28. Fay F.H., Kelly B.P., Sease J.L. Managing the exploitation of Pacific walruses: a tragedy of delayed response and poor communication // Marine Mammal Science. 1989. Vol. 5. Is. 1. Pp. 1–16.
29. Болтнев А. И., Грачев А. И., Жариков К. А. Забавников В. Б., Корнев С. И., Кузнецов В. В., Литовка Д. И., Мясников В. Г., Шафилов И. Н. Ресурсы морских млекопитающих и их промысел в 2013 г. // Труды ВНИРО. 2016. Т. 160. С. 30–249.
30. Garlich-Miller J., Pungowiyi C. Proceedings of a workshop concerning walrus harvest monitoring in Alaska and Chukotka. Nome, Alaska. 1998. 63 p.
31. Чакилев М.В., Байдерин А.Г., Кочнев А.А. Лежбище тихоокеанского моржа (*Odobenus rosmarus divergens*) на мысе Сердце-Камень (Чукотское море) в 2013 году // Морские млекопитающие Голарктики. Сборник научных трудов по материалам 8-й международной конференции (Санкт-Петербург, 22–27 сентября 2014 г.). М., 2014. Т. 2. С. 270–274.

32. Переверзев А.А., Кочнев А.А. Лежбище моржей на острове Колючин (Чукотское море) в 2010 г. // Морские млекопитающие Голарктики. Сборник научных трудов по материалам 7-ой международной конференции (Суздаль, 24–28 сентября 2012 г.). М., 2012. Т. 2. С. 171–176.
33. Steele M., Ermold W., Zhang J. Arctic Ocean surface warming trends over the past 100 years // *Geophysical Research Letters*. 2008. Vol. 35. Is. 2. L02614. DOI:10.1029/2007GL031651.
34. Никитин А.И. Натурные исследования последствий сброса и захоронения радиоактивных отходов в моря Северного и Дальневосточного регионов Российской Федерации: дис. ... д-ра геогр. наук. Обнинск, 2009. 204 с.
35. Белоконь А.С., Дворецкий А.И., Новицкая О.А., Лаврова Т.В. Моллюски как фактор самоочищения водоемов // Структура та функціональна роль тваринного населення в природних та трансформових екосистемах. Дніпропетровськ: ДНУ, 2001. С. 21–22.
36. Metcalf V., Robards M. Sustaining a healthy human-walrus relationship in a dynamic environment: challenges for comanagement // *Ecological Applications*. 2008. No. 18 (2). Pp. 148–156. DOI: 10.1890/06-0642.1

References

1. Bogoslovskaya L., Slugin I., Zagrebin I., Krupnik I. *Osnovy morskogo zveroboynogo promysla: nauchno-metodicheskoe posobie* [The Basics of Sea Hunting: A Scientific and Methodological Guide]. Moscow, Institut Naslediya Publ., 2007, 480 p. (In Russ.)
2. Zhuravel' V.P. Prava korennykh narodov rossiyskoy Arktiki: problemy i resheniya [Rights of the indigenous peoples of the Russian Arctic: problems and solutions]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 30, pp. 76–96. DOI 10.17238/issn2221-2698.2018.30.76
3. MacCracken J.G. Pacific Walrus and climate change: observations and predictions. *Ecology and Evolution*, 2012, vol. 2, is. 8, pp. 2072–2090. DOI <http://dx.doi.org/10.1002/ece3.317>
4. Jay C.V., Fischbach A.S., Kochnev A.A. Walrus areas of use in the Chukchi Sea during sparse sea ice cover. *Marine Ecology Progress Series*, 2012, vol. 468, pp. 1–13. DOI <https://doi.org/10.3354/meps10057>
5. Kibal'chich A.A. *Biologiya razmnozheniya i estestvennye zapasy tikhookeanskogo morzha: dis. ... kand. biol. nauk* [Reproduction biology and natural resource of the Pacific walrus: dis. ... cand. biol. of sciences]. Moscow, 1984, 185 p.
6. Fay F.H. *Ecology and biology of the Pacific walrus, Odobenus rosmarus divergens Illiger, North American Fauna*, 1982, 279 p.
7. Kibal'chich A.A. Otsenka resursov i yuvenil'naya smertnost' tikhookeanskogo morzha [Resource Assessment and Juvenile Mortality of Pacific Walrus]. *Morskie mlekopitayushchie* [Marine Mammals], Moscow, Trudy VNIRO, 1990, pp. 23–29. (In Russ.)
8. Dmitriev A.A. O prichinakh vozniknoveniya prirodnogo fenomena v Arktike letom 2007 g. [On the reasons of the origin of the natural phenomena in the Arctic in the summer 2007]. *Problemy Arktiki i Antarktiki* [Arctic and Antarctic Research], 2007, no. 77, pp. 115–127.
9. Kryukova N.V., Kochnev A.A., Pereverzev A.A. Vliyanie ledovykh usloviy na funktsionirovanie beregovykh lezhbishch tikhookeanskogo morzha (*Odobenus rosmarus divergens*, Illiger, 1815) v Anadyrskom zalive Beringova morya [The influence of ice conditions on terrestrial haulouts of the Pacific walrus *Odobenus rosmarus divergens* Illiger, 1815 in the Gulf of Anadyr, Bering Sea]. *Biologiya morya* [Russian Journal of Marine Biology], 2014, vol. 40, no. 1, pp. 30–35.
10. Stroeve J.C., Serreze M.C., Holland M.M., Kay J.E., Malanik J., Barrett A.P. The Arctic's rapidly shrinking sea ice cover: a research synthesis. *Climatic Change*, 2012, vol. 110, is. 3–4, pp. 1005–1027. DOI <https://doi.org/10.1007/s10584-011-0101-1>
11. Kryukova N.V. *Sovremennoe sostoyanie gruppировок tikhookeanskogo morzha (Odobenus rosmarus divergens) na beregovykh lezhbishchakh Chukotskogo poluoostrova: dis. ... kand. biol. nauk* [The current state of Pacific walrus groupings (*Odobenus rosmarus divergens*) on the coastal haulouts of the Chukchi Peninsula: dis. ... cand. biol. sciences], Moscow, 2015, 150 p. (In Russ.)
12. Garlich-Miller J., MacCracken J.G., Snyder J., Meehan R., Myers M., Wilder J.M., Lance E., Matz A. *Status review of the Pacific walrus (Odobenus rosmarus divergens) report*. U.S. Fish and Wildlife Service Report, 2011, 163 p.

13. MacCracken J.G., Beatty W.S., Garlich-Miller J.L., Kissling, M.L., Snyder J.A. *Final species status assessment for the Pacific walrus (Odobenus rosmarus divergens)*, May 2017 (Version 1.0). U.S. Fish and Wildlife Service, Marine Mammals Management, 1011 E. Tudor Rd. MS-341, Anchorage, AK 99503, 2017, 297 p.
14. Smirnov G.P., Kochnev A.A., Litovka M.I., Kompantseva E.I., Grigorovich P.V. Monitoring beregovykh lezhbishch morzha Anadyrskogo zaliva [Monitoring of the coastal walrus haulouts on the Gulf of Anadyr]. *Morskie mlekopitayushchie Golarktiki: materialy mezhdunarodnoy konferentsii (Baykal, 10-15 sentyabrya 2002 g.)* [Marine mammals of the Holarctic: abstracts of an international conference (Baikal, September 10–15, 2002)]. Moscow, 2002, pp. 228–229. (In Russ.-En.)
15. Kochnev A.A. Lezhbishche morzhey (Odobenus rosmarus divergens) na myse Serdtse-Kamen', Chukotskoe more [The haulout of Pacific walruses (Odobenus rosmarus divergens) on Cape Serdtse-Kamen, the Chukchi Sea]. *Morskie mlekopitayushchie Golarktiki. Sbornik nauchnykh trudov po materialam 6-y mezhdunarodnoy konferentsii (Kaliningrad, 11-15 oktyabrya 2010 g.)* [Marine Mammals of the Holarctic. Collection of scientific papers on the materials of the 6th international conference (Kaliningrad, October 11–15, 2010)]. Moscow, 2010, pp. 281–285. (In Russ.-En.)
16. Chakilev M.V., Kochnev A.A. *Chislennost' i raspredelenie tikhoookeanskogo morzha (Odobenus rosmarus divergens) v rayone mysa Serdtse-Kamen' v 2009–2013 gg.* [Abundance and distribution of pacific walrus *Odobenus rosmarus divergens* in vicinity of Cape Serdtse-Kamen in 2009–2013]. *Izv. TINRO*, 2014, vol. 179, pp. 103–112. (In Russ.)
17. Pereverzev A.A., Kryukova N.V. *Ispol'zovanie morzhami beregovogo lezhbishcha na ostrove Kosa Meeskyn (Anadyrskiy zaliv Beringova morya) v 2003–2009 gg.* [Use of a coastal haulout by walruses on the Meeskyn Spit Island (Anadyr Gulf of the Bering Sea) in 2003–2009]. *Trudy VNIRO*, 2018, vol. 170, pp. 78–89. (In Russ.)
18. Semenova V.S., Boltunov A.N., Nikiforov V.V. *Beregovoe lezhbishche tikhoookeanskikh morzhey (Odobenus rosmarus divergens) na m. Kozhevnikova, 2007–2009 gg.* [Coastal haulout of pacific walruses (*Odobenus rosmarus divergens*) on Cape Kozhevnikov in 2007–2009]. *Morskie mlekopitayushchie Golarktiki. Sbornik nauchnykh trudov po materialam 6-oy mezhdunarodnoy konferentsii (Kaliningrad, 11-15 oktyabrya)* [Marine Mammals of the Holarctic. Collection of scientific papers on the materials of the 6th international conference (Kaliningrad, October 11–15, 2010)]. Moscow, 2010, pp. 521–526. (In Russ.-En.)
19. Altukhov A.V., Skorobogatov D.O., Zagrebel'nyy S.V., Kryukova N.V., Kochnev A.A., Chakilev M.V., Burkanov V.N. *Sravnenie rezul'tatov otsenki chislennosti morzha (Odobenus rosmarus) na lezhbishchakh s pomoshch'yu razlichnykh metodov* [Comparison of different methods to estimate walrus (*Odobenus rosmarus*) abundance on haulouts]. *Morskie mlekopitayushchie Golarktiki. Sbornik tezisov 10-oy mezhdunarodnoy konferentsii (Arkhangel'sk, 29 oktyabrya – 2 noyabrya, 2018)* [Marine mammals of the Holarctic. Abstracts of the 10th international conference (Arkhangelsk, October 29–November 2, 2018)]. Moscow, 2018, pp. 130–131. (In Russ.-En.)
20. Kryukova N.V., Kozlov M.S., Skorobogatov D.O., Pereverzev A.A., Krupin I.L., Shevelev A.I., Burkanov V.N. *Smertnost' morzhey (Odobenus rosmarus) v rayone lezhbishch severnogo poberezh'ya Chukotki v 2017 g.* [Pacific walrus (*Odobenus rosmarus*) mortality in northern Chukotka haulouts, 2017]. *Morskie mlekopitayushchie Golarktiki. Sbornik nauchnykh trudov po materialam 10-oy mezhdunarodnoy konferentsii (Arkhangel'sk, 29 oktyabrya – 2 noyabrya, 2018)* [Marine mammals of the Holarctic. Collection of scientific papers on the materials of the 10th international conference (Arkhangelsk, October 29–November 2, 2018)], Moscow, Marine Mammal Council Publ., 2019, vol. 1, pp. 146–154. DOI 10.35267/978-5-9904294-0-6-2019-1-146-154 (In Russ.-En.)
21. Trukhin A.M., Simokon M.V. Mercury in organs of Pacific walruses (*Odobenus rosmarus divergens*) from the Bering Sea. *Environmental Science and Pollution Research*, 2018, vol. 25, is. 4, pp. 3360–3367. DOI <https://doi.org/10.1007/s11356-017-0566-1>
22. Bukina L.A. *Trikhinellez v pribrezhnykh rayonakh Chukotskogo poluostrova, rasprostranenie, mery profilaktiki: avtoreferat dis. ... d-ra biol. nauk* [Trichinosis in the coastal areas of the Chukotka Peninsula, distribution, preventive measures: abstract dis. ... Dr. Biol. sciences]. Kirov, 2015, 44 p. (In Russ.)
23. Giljov A., Karenina K., Kochnev A. Prey or play: interactions between walruses and seabirds. *Acta Ethologica*, 2017, vol. 20, is. 1, pp. 47–57. DOI 10.1007/s10211-016-0248-x

24. Speckman S.G., Chernook V.I., Burn D.M., Udevitz M.S., Kochnev A.A., Vasilev A., Jay C.V., Lisovsky A., Fischbach A.S., Benter R.B. Results and evaluation of a survey to estimate Pacific walrus population size, 2006. *Marine Mammal Science*, 2011, vol. 27, is. 3, pp. 514–553. DOI 10.1111/j.1748-7692.2010.00419.x
25. Fedoseev G.A., Gol'tsev V.N. Vozrastno-polovaya struktura i vosproizvoditel'naya sposobnost' populyatsii tikhookeanskogo morzha [Sex-age structure and reproductive ability of a Pacific walrus population]. *Zoologicheskii zhurnal*, 1969, vol. 48, is. 3, pp. 407–413.
26. Chakilev M.V. Problemy i perspektivy ratsional'nogo ispol'zovaniya tikhookeanskogo morzha (*Odobenus rosmarus divergens*) na Chukotke [Problems and Perspectives of Rational Use of Pacific Walrus (*Odobenus rosmarus divergens*) in Chukotka]. *Vestnik SVFU* [Herald of the North-Eastern Federal university named after M.K. Ammosov], 2016, no. 2 (52), pp. 33–40.
27. Smirnov G.P., Rinteymit V.M., Agnagisyak M.D., Litovka M.I. Monitoring promysla tikhookeanskogo morzha na Chukotke [Walrus harvest monitoring on Chukotka]. *Morskie mlekopitayushchie Golarktiki: materialy mezhdunarodnoy konferentsii (Baykal, 10–15 sentyabrya 2002 g.)* [Marine mammals of the Holarctic: abstracts of an international conference (Baikal, September 10–15, 2002)]. Moscow, 2002, pp. 230–231. (In Russ.-En.)
28. Fay F.H., Kelly B.P., Sease J.L. Managing the exploitation of Pacific walruses: a tragedy of delayed response and poor communication. *Marine Mammal Science*, 1989, vol. 5, is. 1, pp. 1–16.
29. Boltnev A. I., Grachev A. I., Zharikov K. A., Zabavnikov V. B., Kornev S. I., Kuznetsov V. V., Litovka D. I., Myasnikov V. G., Shafikov I. N. Resursy morskikh mlekopitayushchikh i ikh promysel v 2013 g. [Resources of marine mammals and its harvest in 2013]. *Trudy VNIRO*, 2016, vol. 160, pp. 30–249. (In Russ.)
30. Garlich-Miller J., Pungowiyi C. *Proceedings of a workshop concerning walrus harvest monitoring in Alaska and Chukotka*. Nome, Alaska, 1998, 63 p.
31. Chakilev M.V., Bayderin A.G., Kochnev A.A. Lezhbishche tikhookeanskogo morzha (*Odobenus rosmarus divergens*) na myse Serdtse-Kamen' (Chukotskoe more) v 2013 godu [The Pacific walrus (*Odobenus rosmarus divergens*) costal haulout on the Cape Serdtse-Kamen (Chukchi Sea) in 2013]. *Morskie mlekopitayushchie Golarktiki. Sbornik nauchnykh trudov po materialam 8-y mezhdunarodnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 22–27 sentyabrya 2014 g.)* [Marine mammals of the Holarctic. Collection of scientific papers on the materials of the 8th international conference (St. Petersburg, September 22–27, 2014)]. Moscow, 2014, vol. 2, pp. 270–274. (In Russ.-En.)
32. Pereverzev A.A., Kochnev A.A. Lezhbishche morzhey na ostrove Koyuchin (Chukotskoe more) v 2010 g. [The Pacific walrus (*Odobenus rosmarus divergens*) terrestrial haulout on Kolyuchin Island (Chukchi Sea), 2010]. *Morskie mlekopitayushchie Golarktiki. Sbornik nauchnykh trudov po materialam 7-y mezhdunarodnoy konferentsii (Suzdal, 24–28 sentyabrya 2012 g.)* [Marine mammals of the Holarctic. Collection of scientific papers on the materials of the 7th international conference (Suzdal, September 24–28, 2012)]. Moscow, 2012, vol. 2, pp. 171–176. (In Russ.-En.)
33. Steele M., Ermold W., Zhang J. Arctic Ocean surface warming trends over the past 100 years. *Geophysical Research Letters*, 2008, vol. 35, is. 2. L02614. DOI 10.1029/2007GL031651
34. Nikitin A.I. *Naturnye issledovaniya posledstviy sbrosa i zakhoroneniya radioaktivnykh ot-khodov v morya Severnogo i Dal'nevostochnogo regionov Rossiyskoy Federatsii: dis. ... d-ra geogr. nauk* [Field studies of the consequences of the dumping and burial of radioactive waste in the seas of the Northern and Far Eastern regions of the Russian Federation: dis. ... Dr. geogr. sciences]. Obninsk, 2009, 204 p. (In Russ.)
35. Belokon' A.S., Dvoretzkiy A.I., Novitskaya O.A., Lavrova T.V. Mollyuski kak faktor samoochi-shcheniya vodoemov [Mollusks as a factor in the self-cleaning of water bodies]. *Struktura ta funktsional'na rol' tvarinnogo naselennya v prirodnikh ta transformovikh ekosistemakh* [The structure and functional role of the creature population in natural and transform ecosystems]. Dnipropetrovsk, DNU Publ., 2001, pp. 21–22.
36. Metcalf V., Robards M. Sustaining a healthy human-walrus relationship in a dynamic environment: challenges for comanagement. *Ecological Applications*, 2008, no. 18 (2), pp. 148–156. DOI 10.1890/06-0642.1

УДК [332.1+338.47](985)(045)

DOI 10.17238/issn2221-2698.2019.36.42

Основные тенденции развития транспортной инфраструктуры российской Арктики *

© **СЕРОВА Наталья Александровна**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

E-mail: serova@iep.kolasc.net.ru

Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук»,
Апатиты, Россия

© **СЕРОВА Валентина Анатольевна**, научный сотрудник

E-mail: vaserova@iep.kolasc.net.ru

Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук»,
Апатиты, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты формирования единой транспортной системы Арктической зоны РФ. Актуальность и значимость настоящего исследования определяется тем, что развитие инфраструктуры арктической транспортной системы — Северного морского пути и тяготеющих к нему аэропортовой сети, морских портов, водных и наземных коммуникаций, является одним из стратегических приоритетов государственной политики России в Арктике. Цель работы заключалась в определении основных тенденций развития транспортной инфраструктуры Арктической зоны РФ. Рассмотрены факторы, определяющие специфику функционирования транспорта в арктических условиях. По мнению авторов, транспортная инфраструктура АЗРФ недостаточно развита и требует улучшений. Единая арктическая транспортная система будет возможна только после восстановления круглогодичной навигации по СМП, его технологического оснащения и восстановления связанной с ним транспортной инфраструктуры.

Ключевые слова: Арктическая зона РФ, Северный морской путь, транспортная система, транспортная инфраструктура.

Critical tendencies of the transport infrastructure development in the Russian Arctic

© **Natalia A. SEROVA**, Cand. Sci. (Econ.), senior researcher

E-mail: serova@iep.kolasc.net.ru

Federal Research Centre «Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences», Apatity, Russia

© **Valentina A. SEROVA**, researcher

E-mail: vaserova@iep.kolasc.net.ru

Federal Research Centre «Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences», Apatity, Russia

Abstract. In the article, the authors discussed the formation of a single transport system in the Arctic zone of the Russian Federation. The development of the Arctic transport system, i.e., the Northern Sea Route, adjacent airport network, seaports, water, and land communications determined the relevance and significance of the study. It is especially important since they are the strategic priorities of Russia's Arctic policy. The study aimed to identify the trends in transport infrastructure development in the Russian Arctic. So, the authors focused on the factors determining its specifics. They conclude that the transport

* Для цитирования:

Серова Н.А., Серова В.А. Основные тенденции развития транспортной инфраструктуры российской Арктики // Арктика и Север. 2019. № 36. С. 42–56. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.42

For citation:

Serova N.A., Serova V.A. Critical tendencies of the transport infrastructure development in the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 36, pp. 42–56. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.42

infrastructure of the Arctic zone of the Russian Federation is underdeveloped and needs technical improvement. According to the authors, a unified Arctic transport system is possible only after the restoration of year-round navigation through the NSR, its technological growth, and the reconstruction of the adjoining transport infrastructure.

Keywords: *the Arctic zone of the Russian Federation, the Northern Sea Route, transport system, transport infrastructure.*

Введение

В настоящее время арктический вектор является одним из важнейших во внутренней политике России, так как именно богатая природными ресурсами Арктика будет являться гарантом устойчивого развития и обеспечения национальной безопасности нашей страны в XXI в. Так, в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) в качестве первоочередного национального интереса определено «использование Арктической зоны как стратегической ресурсной базы, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны». Очевидно, что задачи широкомасштабного освоения арктических ресурсов неразрывно связаны с необходимостью создания единой арктической транспортной системы и совершенствования ее инфраструктуры. Развитие новых и модернизация существующих транспортных коммуникаций не только дадут импульс для освоения природных ресурсов, но и будут способствовать улучшению условий проживания местного населения, решению многих социальных проблем, создадут предпосылки к развитию транзитных перевозок по трассе Северного морского пути (СМП) и значительно расширят систему товародвижения в северных регионах страны.

Специфика функционирования транспорта в Арктике

Транспорт играет важнейшую роль во всех сферах социальной и экономической деятельности в Арктике и является одной из наиболее стратегически важных отраслей экономики. Доля транспорта в суммарном объеме валового регионального продукта АЗРФ остается стабильно высокой на протяжении многих лет и на конец 2017 г. составляла 8,2% (в среднем по России — 8%). В региональном разрезе неизменно высокие (более 10%) показатели удельного веса транспорта в ВРП характерны для старопромышленных регионов западного сектора Арктики — Республики Карелия, Мурманской и Архангельской областей. Численность занятых на всех видах транспорта в АЗРФ превышает 40 тыс. человек — это 9,5% в общей численности занятых в экономике (в среднем по России — 7,3%). При этом в полностью арктических регионах этот показатель еще выше (11,8%), а в Ямало-Ненецком АО на транспорте занято 14,2% от общей численности занятых в экономике. Наряду с добычей полезных ископаемых, транспорт занимает ключевое место по стоимости основных фондов: доля транспортного сектора в общей стоимости основных фондов АЗРФ составляет 31,1% (в среднем по России — 22,5%).

Вместе с тем, транспортный комплекс АЗРФ функционирует под влиянием совокупности взаимосвязанных труднорегулируемых факторов, часть из которых стимулирует его раз-

витие (например, потребности решения оборонных задач), другие же значительно усложняют это развитие, создавая существенные риски и ограничения. Природная экстремальность, периферийность и масштабы арктических территорий, особенности расселения, направление и характер исторически сложившихся территориально-экономических связей и пр. [1, Корчак Е.А.; 2, Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В., Липина С.А., Чистобаев А.И., с. 10; 3, Чижков Ю.В., с. 27], серьёзно затрудняют и удорожают формирование единой арктической транспортной системы, повышают уровень транспортной дискриминации населения, ведут к ухудшению технического состояния инфраструктуры и транспортных средств, накладывают целый ряд ограничений на применение отдельных видов транспорта. Например, деятельность речного (внутреннего водного) транспорта ограничена коротким сроком навигации (2-4 месяца), а строительство и эксплуатация наземных видов транспорта (автомобильных и железных дорог) крайне затруднены в условиях вечной мерзлоты и суровых погодных условий в зимний период. Особенно актуальны эти проблемы для малонаселенных и труднодоступных арктических территорий восточного сектора Арктики. Отсутствие в этом районе сухопутного транспортного сообщения с остальной частью страны обуславливает многозвенность и безальтернативность схем транспортного обслуживания.

Важнейшим фактором, влияющим на работу транспортного комплекса АЗРФ, также является изменение климата. Недавние наблюдения показали, что Арктика в течение последних трёх десятилетий нагревалась быстрее, чем остальные регионы земного шара. За это время площадь морских льдов сократилась на 10–15%, а площадь снежного покрова на суше уменьшилась на 10% [4, Кондратов Н.А., с. 70].

Неопределённость, связанная с потеплением, имеет разнонаправленные последствия. С одной стороны, потепление несёт массу угроз и ведёт, в частности, к нарастанию температурных аномалий, изменению природных ландшафтов и деградации вечной мерзлоты, образованию большего числа айсбергов, увеличению штормовой (волновой) активности и т.д., что снижает показатели надежности и устойчивости объектов транспортной системы, строительных конструкций и инженерных сооружений [5, Воронина Е.П., с. 63]. С другой стороны, происходящие в этом регионе климатические изменения в долгосрочной перспективе могут способствовать более эффективной и полной реализации экономического потенциала Арктики, увеличению доступности судоходства, разведки и добычи полезных ископаемых на арктическом шельфе, открытию новых транспортных маршрутов в Северном Ледовитом океане. Уже сейчас акватории северных морей становятся всё более доступными, а по некоторым прогнозам, к 2050 г. судоходство по ним станет круглогодичным [6, Smith L., Stephenson S.]. Именно благодаря этим открывающимся ресурсным и транспортно-логистическим возможностям Арктика в начале XXI в. стала одним из наиболее обсуждаемых вопросов в мире, а развитию ее транспортной инфраструктуры было отведено первостепенное значение в государственной арктической политике России.

Современное состояние и тенденции развития транспортной инфраструктуры

По уровню развития транспортной инфраструктуры российская Арктика представлена двумя неравнозначными территориями. В западном секторе сформирована достаточно разветвленная система автомобильных и железных дорог, круглогодично связанная с наземными транспортными коммуникациями всей страны и арктическими морскими портами. В восточном секторе круглогодичные наземные транспортные пути с выходом на общероссийскую сеть отсутствуют, а имеются лишь тупиковые железнодорожные ветки небольшой протяжённости и дороги низких категорий (зимники). Из-за отсутствия развитых наземных транспортных коммуникаций, связи арктических территорий восточного сектора обеспечиваются Северным морским путём, воздушным и внутренним водным (речным) транспортом.

Водный транспорт. Наибольшую долю (более 50%) в транспортной системе российской Арктики занимает морской транспорт, ключевым звеном которого является Северный морской путь — исторически сложившаяся морская транспортная коммуникация России, объединяющая меридиональные водные коридоры сибирских рек и европейские и дальневосточные порты страны. В зависимости от климатических условий СМП подразделяется на Западный сектор Арктики — от Мурманска¹ до Дудинки (более благополучный с точки зрения характеристик ледовой обстановки), и Восточный сектор Арктики — от Дудинки до Чукотки (имеющий в основном тяжелые ледовые условия) [7, Загородников М.А., с. 69]. Особенностью СМП является короткая навигация (всего 2-4 месяца или более, если используется ледокольный флот), тем не менее, коридор признаётся выгодной альтернативой южным маршрутам, поскольку он позволяет существенно сократить время перевозок — по маршруту через Суэцкий канал путь судна от Южной Кореи до Германии занимает 34 дня, а по СМП всего 23.

В советский период по мере освоения природных ресурсов российской Арктики объёмы грузоперевозок по СМП ежегодно росли (рис. 1). С переходом на рыночную модель экономики сквозное плавание судов по трассам СМП фактически прекратилось, а объёмы перевозок начали стремительно снижаться, составив к концу 1990-х гг. всего 1,25 млн тонн.

¹ Административно СМП начинается в Карском море от архипелага Новая Земля (Федеральный закон от 30.04.1999 №81 «Кодекс торгового мореплавания», ст. 5.1), однако его основные грузопотоки формируются в Баренцевом и Белом морях, поэтому далее авторы рассматривают СМП в более широком смысле — от Мурманска до Чукотки.

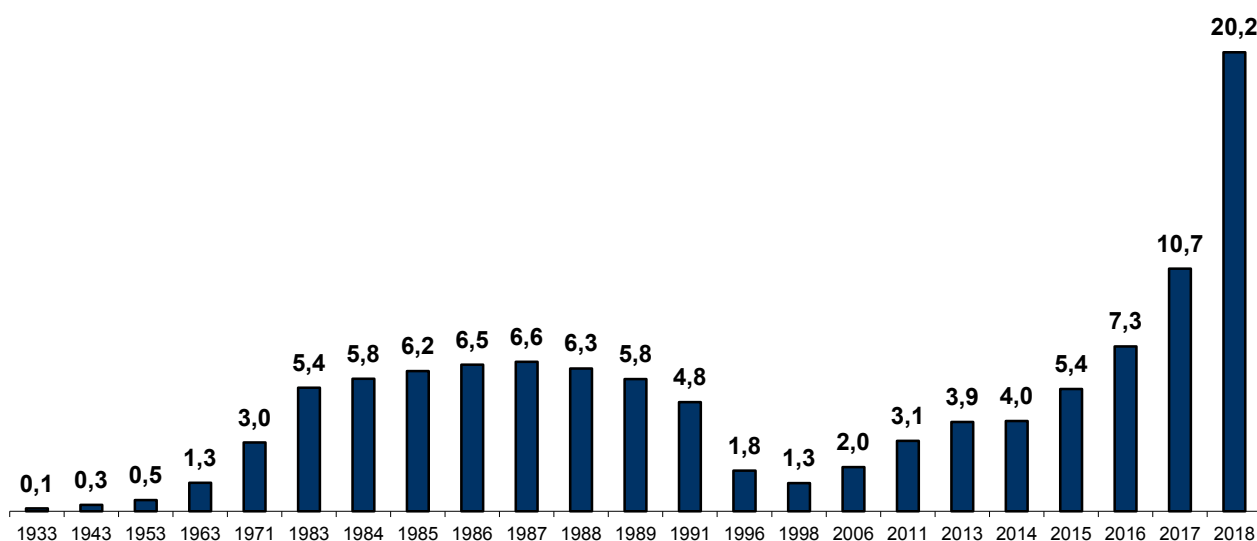

Рисунок 1. Динамика объёмов перевозок по Северному морскому пути, тыс. т.

Лишь спустя два десятка лет объём перевезённых грузов по СМП превзошёл показатели 1980-х гг., составив 7,26 млн тонн в 2016 г. (основную часть перевозимых грузов составляют энергетические ресурсы: уголь, нефть, СПГ и металлы). К 2018 г. общий объём грузоперевозок по СМП увеличился почти в три раза и составил уже 20,2 млн тонн. По прогнозам объёмы перевозок по СМП будут расти и к 2024 г. увеличатся до 80 млн тонн.

Ключевым импульсом развития грузоперевозок по СМП стало строительство крупнейшего в мире арктического порта Сабетта на Ямале. Инвестиции в проект составили около 108 млрд рублей, из них более 70 млрд рублей за счёт средств федерального бюджета. Строительство было начато в 2012 г. в рамках реализации проекта «Ямал-СПГ» и продолжается до сих пор, однако порт уже обслуживает перевалку грузов и приём всех судов ледового класса. Здесь необходимо пояснить, что, как отмечалось, административно СМП начинается в Карском море от порта Дудинка до Берингова залива, т.е. в его акваторию официально входят только 5 из 18 портов Арктического бассейна: Дудинка, Диксон, Хатанга, Тикси, Певек. Но так как нами СМП рассматривается гораздо шире — от Баренцева до Чукотского моря, то мы включили в исследование все порты Арктического бассейна, наибольшую долю в общем грузообороте которых занимает порт Мурманск (60-65%) и порт Сабетта (около 25%), а остальные порты обеспечивают лишь 10-15%. Объёмы перевалки грузов портами Арктического бассейна растут с каждым годом. Так, в 2016 г. общий объём грузооборота всех арктических портов составлял 49,7 млн тонн, а к 2018 г. достиг уже 92,7 млн. тонн, из них грузооборот порта Мурманск составил 60,7 млн тонн, Сабетты — 17,4 млн тонн (по динамике роста грузооборота порт нарастил перевалку на 234,7% по сравнению с предыдущим годом).

Комплексное развитие СМП является одним из приоритетных направлений государственной политики России в Арктике [8, Serova N.A., с. 499]. Восстановление функций СМП предполагает, в частности, модернизацию морских портов Арктического бассейна, развитие системы навигационно-гидрографического, гидрометеорологического, аварийно-

спасательного обеспечения, строительство специализированных судов для рыбного промысла и научно-исследовательского флота, кардинальное обновление ледокольного флота и пр. [9, Серова Н.А., Серова В.А.]. Особое значение имеет проект «Комплексное развитие Мурманского транспортного узла» (МТУ) (необходимые инвестиции в проект составляют 139,0 млрд рублей). Основной целью развития МТУ является создание на базе порта Мурманск действующего круглогодично глубоководного морского хаба — центра по переработке нефтеналивных грузов, перевалке угля и минеральных удобрений, интегрированного в международные транспортные коридоры «Север-Юг» и «Восток–Запад». Помимо развития портовых мощностей, реализация данного проекта позволит максимально реализовать транзитные возможности России, расширив доступ к новым мировым рынкам сбыта. Реализация проекта началась в 2014 г., а на сегодняшний день уже завершены реконструкция участка федеральной трассы Р-21 «Кола», морского пассажирского вокзала и пирса дальних линий (в результате общая площадь вокзала выросла в два раза, а длина пирса увеличилась на 59 м и составила 206,6 м) ведётся строительство энергетической и железнодорожной инфраструктуры [10, Скуфына Т.П., Серова Н.А., с. 20].

Воздушный транспорт. В связи с высокой стоимостью строительства и эксплуатации традиционной наземной транспортной инфраструктуры, воздушный транспорт является практически безальтернативным для пассажирских перевозок и реализации ряда государственных функций в Арктике, в частности в области оказания экстренной медицинской помощи и борьбы с чрезвычайными ситуациями.

Целенаправленное развитие воздушного транспорта происходило в советский период, и до начала 90-х гг. прошлого века авиация в Арктике развивалась очень высокими темпами. Однако кризис, начавшийся после развала СССР, фактически привёл к разрушению всей системы воздушного транспорта: снизилась интенсивность полётов малой авиации, уменьшился парк воздушных судов, значительно сократились объёмы авиационных работ в арктических широтах, практически прекратилась подготовка кадров для их выполнения. К 1993 г. от единой транспортной авиасистемы в Арктике остались только части бывших объединённых отрядов, более 70% из которых было закрыто в течение 90-х гг. [11, Олейников В.А., с. 11]. Из-за отсутствия средств на реконструкцию и переоснащение пришли в негодность и были выведены из эксплуатации множество аэродромов, в результате воздушные сообщения на местных авиалиниях оказались практически прекращены. На текущий момент в АЗРФ из 272 аэродромов и взлётных площадок действует лишь 148, при этом перевозки пассажиров и грузов осуществляют только 74. Наибольшее количество действующих аэродромов и взлётных площадок находится в арктических районах Якутии (48), Архангельской области (21), Чукотском (20) и Ненецком (19) автономных округах, где воздушный транспорт играет ключевую роль в межпоселенческих пассажирских перевозках.

Тем не менее, в настоящее время в АЗРФ происходит медленное восстановление аэропортовой инфраструктуры, разрабатываются новые самолёты, предназначенные для полярной эксплуатации и базирования, постепенно пополняется воздушный парк. Например, на Ямале в 2017 г. введена в эксплуатацию взлётно-посадочная полоса в аэропорту Чокурдах, обновился и расширился парк отечественных воздушных судов, приобретена специальная техника и специальное оборудование для аэропортов округа. За счёт окружного бюджета субсидируются воздушные перевозки пассажиров по 4 межрегиональным и 30 межмуниципальным направлениям, из них 21 рейс осуществляется на регулярной основе, а 9 являются резервными и осуществляются в периоды межсезонья между населенными пунктами, не имеющими наземной связи [12, Серова В.А., с. 542].

В целях сохранения аэропортов с малой интенсивностью полетов в районах Крайнего Севера, субсидируемых из федерального бюджета, создано семь федеральных казённых предприятий (ФКП), четыре из которых функционируют непосредственно в Арктике: Республика Саха (Якутия) — ФКП «Аэропорты Севера» (14 аэродромов); Чукотский АО — ФКП «Аэропорты Чукотки» (11 аэродромов); Ненецкий АО — ФКП «Аэропорт Амдерма» (1 аэродром); Красноярский край — ФКП «Аэропорты Красноярья» (3 аэродром). В 2019 г. в целях развития межрегиональных авиаперевозок было принято решение о создании на базе взлетно-посадочных площадок Ненецкого АО и Архангельской области новой межрегиональной авиакомпании «Арктика».

Особым событием стало открытие международного аэропорта Сабетта, возведённого «с нуля» с применением специальных технологий по укреплению вечномёрзлых обводненных грунтов. Аэропорт имеет статус стратегического объекта для реализации проекта «Ямал-СПГ». В 2014 г. в Сабетте приземлился первый пассажирский самолет Boeing 737, в 2015 г. аэропорт начал обслуживать вахтовые авиаперевозки проекта «Ямал СПГ», а в 2016 г. осуществлен первый международный рейс. За три года эксплуатации аэропорт увеличил объёмы перевозок почти втрое: пассажирских — с 127,7 тыс. чел. до 369,8 тыс. чел.; грузовых — с 1,6 тыс. тонн до 5,8 тыс. тонн.

Стоит отметить, что в 2014-2017 гг. высокие темпы наращивания объемов перевозок также продемонстрировали и некоторые другие арктические аэропорты. По увеличению объемов пассажирских перевозок лидерами стали аэропорты: Апатиты Мурманской области (рост на 190,7%), Хатанга Красноярского края (126,4%) и Бованенково Ямало-Ненецкого АО (109,9%); грузовых — Бованенково (178,3%), Лабожское Ненецкого АО (150,0%), Играка Красноярского края (136,9%), Сеймчан (148,5%) и Омолон (120%) Чукотского АО. Во многом благодаря именно этим аэропортам в 2014-2017 гг. был обеспечен рост объёмов пассажиро- и грузоперевозок в целом по АЗРФ, так как в большинстве остальных арктических аэропортов за этот период произошёл значительный спад. Наибольшее снижение объёмов пассажиро-перевозок произошло в аэропортах Тарко-Сале Ямало-Ненецкого АО (снижение на 63,9%) и Воркута Республики Коми (56,5%); грузоперевозок — в аэропортах Ямбург

Ямало-Ненецкого АО (95,9%), Воркута (83,9%), Белушье Ненецкого АО (75,6%) и Подкаменная Тунгуска Красноярского края (65,6%). В трёх аэропортах (Диксон, Мыс Шмидта, Песчанка) в 2017 г. ни пассажирские, ни грузовые перевозки не осуществлялись.

В целом, несмотря на массу объективных и субъективных трудностей, воздушно-транспортная арктическая система продолжает функционировать. Однако система арктических авиаперевозок по-прежнему находится в неудовлетворительном состоянии, а услуги воздушного транспорта из-за высоких тарифов остаются недоступными для большей части населения, проживающего в Арктике.

Сухопутный (наземный) транспорт. Как отмечалось выше, наземные пути сообщения наиболее развиты в западном секторе Арктики. В частности, через территории Мурманской и Архангельской областей, Республики Карелия и Ямало-Ненецкого АО проходят участки Октябрьской и Северной железных дорог, а также автодороги федерального значения. Однако в двух регионах — в Республике Коми и Ненецком АО — транспортная сеть имеет автономный характер. Эти регионы связаны с общероссийской транспортной сетью только региональным участком Северной железной дороги (Коми) и автозимником Нарьян-Мар — Усинск (Ненецкий АО). В восточном секторе Арктики железные дороги и крупные автомагистрали отсутствуют.

Железнодорожный транспорт². Эксплуатационная длина железных дорог АЗРФ составляет 9,6 тыс. км или 11,1% в общей протяжённости железнодорожной сети страны, из них только 14% (1,35 тыс. км) имеются в полностью арктических регионах — Мурманской области и Ямало-Ненецком АО (в Ненецком и Чукотском АО железные дороги отсутствуют). Динамика развития железных дорог за период 2000-2018 гг. показывает незначительное увеличение только по регионам, частично входящим в АЗРФ, среди которых лидируют Республики Саха (+359,5 км) и Карелия (+120,6 км). В Мурманской области, Коми и на Ямале из-за закрытия некоторых участков железных дорог протяжённость железнодорожной сети наоборот уменьшилась (табл. 1).

Таблица 1

Эксплуатационная длина железнодорожной сети регионов АЗРФ, км

	2000	2005	2010	2015	2016	2018	Изменение 2018/2000
Арктическая зона РФ	9180	9275	9625	9625	9637	9637	+457,0
Регионы, полностью входящие в АЗРФ							
Ненецкий АО	-	-	-	-	-	-	-
Мурманская область	891	870	870	870	870	870	-20,7
Ямало-Ненецкий АО	495	496	481	481	481	481	-14,1
Чукотский АО	-	-	-	-	-	-	-
Регионы, частично входящие в АЗРФ							
Республика Карелия	2105	2226	2226	2226	2226	2226	+120,6
Республика Коми	1692	1671	1690	1690	1690	1690	-1,7

² Поскольку Федеральная служба государственной статистики не предоставляет открытые данные именно по арктическим территориям, то дальнейший анализ проводился нами отдельно по полностью арктическим регионам и по регионам, частично входящим в АЗРФ.

	2000	2005	2010	2015	2016	2018	Изменение 2018/2000
Архангельская область	1764	1781	1767	1767	1767	1767	+2,7
Красноярский край	2068	2066	2067	2067	2079	2079	+10,7
Республика Саха (Якутия)	165	165	525	525	525	525	+359,5

Основу перевозок железнодорожным транспортом АЗРФ составляют перевозки грузов (80% в общем объеме перевозок железнодорожным транспортом). Динамика основных показателей, характеризующих состояние отрасли грузовых перевозок, показывает, что с 2000 г. наблюдался рост грузоперевозок с незначительным падением в 2013-2014 гг., связанным с кризисным замедлением национальной экономики (рис. 2). Отметим, что темпы падения перевозок грузов в АЗРФ в кризисный период соответствовали среднероссийскому значению (-2,8%). При этом в полностью арктических регионах наоборот отмечался прирост (+2,2%), а в целом к 2000 г. рост объемов грузовых перевозок в полностью арктических регионах составил в 2018 г. 53,7% (против 24,5% по АЗРФ и 32,2% в среднем по России). Это во многом объясняется структурой грузоперевозок арктических регионов, в которой преобладают массовые промышленные грузы. Снижение объемов перевозок такого рода грузов в кризисные годы было значительно меньшим по сравнению с потребительскими товарами, спрос на которые упал в первую очередь. Наибольший рост грузоперевозок за 2000-2018 гг. продемонстрировали Ямало-Ненецкий АО (объемы перевезенных грузов округа увеличились в 5,6 раз) и Республика Карелия (в 1,8 раза). Спад грузовых перевозок произошел только в Республике Коми из-за падения добычи каменного угля, занимающего ведущее место в структуре грузоперевозок региона (общее снижение за весь период составило 44,9%).

Рисунок 2. Динамика объемов перевозок на сети магистрального железнодорожного транспорта АЗРФ.

Наряду с увеличением грузовых перевозок железнодорожным транспортом, в АЗРФ, как и в целом по стране, неуклонно снижаются объемы перевозок пассажиров. Во многом

это обусловлено стремительным увеличением числа личного автотранспорта у населения, который постепенно становится главным средством передвижения [13, Ксенофонов М.Ю., Милякин С.Р.]. Однако если в среднем по стране объёмы пассажирских перевозок с 2000 г. упали на 21,0%, то в АЗРФ падение составило 60,6% (в полностью арктических регионах — 51,6%, в том числе в Мурманской области — более 70%).

В настоящее время в АЗРФ реализуется крупнейший в мире арктический проект «Северный широтный ход» (планируемый совокупный объем инвестиций оценивается в 236 млрд рублей), который позволит связать промышленные районы Урала и арктических территорий Ямала благодаря строительству железной дороги протяженностью 70 км от Нового Уренгоя до Салехарда и далее к Лабытнанги (ж/д линия Обская — Салехард — Надым — Пангоды — Новый Уренгой — Коротчаево). В 2018 г. Газпром и РЖД было подписано соглашение о строительстве подъездной железной дороги от западного участка СШХ к новому глубоководному порту Сабетта на севере полуострова (ж/д линия Бованенково — Сабетта), что позволит связать всю железнодорожную инфраструктуру Ямала с Северным морским путем (стоимость реализации проекта составит около 115 млрд рублей). В перспективе СШХ планируется продолжить на восток к арктическим территориям Красноярского края (ж/д линия Коротчаево — Дудинка), что обеспечит возможность наземных подходов к портам Дудинка и Игарка на трассе Северного морского пути, и, в свою очередь, позволит осваивать сырьевые районы Крайнего Севера круглогодично [14, Грузинов В.М. и др., с. 10]. Реализация другого проекта — Белкомур (Белое море — Коми — Урал), предусматривающего строительство железнодорожной магистрали от Архангельска до Перми (сейчас этот путь на 800 километров длиннее), несмотря на своё стратегическое значение, приостановлена на неопределенный период. Создание магистрали способствовало бы экономическому оживлению более 60 населённых пунктов, расположенных вдоль неё, повышению уровня их транспортной доступности, а также качества жизни, образования, медицины, росту занятости, развитию туризма [15, Куратова Э.С., с. 88; 16, Литовский В.В.].

Автомобильный транспорт. Что касается автодорожной сети, то протяжённость автомобильных дорог общего пользования в АЗРФ составляет 108,9 тыс. км, из них 67,3% (73,3 тыс. км) имеют твёрдое покрытие и только 38,4% (41,8 тыс. км) — усовершенствованное. При этом протяженность автодорог в полностью арктических регионах составляет всего 8,5 тыс. км или 0,6% в общей протяженности автодорожной сети АЗРФ, из них 79,5% (6,8 тыс. км) имеют твердое покрытие, а 60,9% (5,2 тыс. км) — усовершенствованное.

За 2000–2018 гг. протяжённость автодорог в целом по АЗРФ увеличилась с 49,7 тыс. км в 2000 г. до 108,9 тыс. км в 2018 г., т.е. более чем в два раза (на 59,2 тыс. км). Произошло это главным образом за счёт строительства дорог в регионах, территории которых входят в состав АЗРФ лишь частично (наибольший прирост в Якутии (+20,8 тыс. км) и Красноярском крае (+19,4 тыс. км)), причём в самых северных (арктических) территориях этих регионов

строительство новых дорог практически не велось. Несмотря на увеличение в АЗРФ общей протяженности автодорог, их удельный вес в общероссийской дорожной сети за рассматриваемый период сократился с 8,5% в 2000 г. до 7,2% в 2018 г. Эта же тенденция характерна и для дорог с твёрдым покрытием, протяжённость которых увеличилась в 1,5 раза (табл. 2), а удельный вес в общероссийской дорожной сети сократился с 8,2% в 2000 г. до 6,9% в 2018 г.

Таблица 2

Протяжённость автодорог с твёрдым покрытием в регионах АЗРФ, тыс. км

	2000	2005	2010	2015	2016	2018	Изменение к 2000 г.
Арктическая зона РФ	43,7	44,5	51,3	72,8	72,5	73,3	+29,6
Регионы, полностью входящие в АЗРФ							
Ненецкий АО	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	+0,1
Мурманская область	2,5	2,5	2,7	3,3	3,4	3,4	+0,9
Ямало-Ненецкий АО	0,8	1,1	1,3	2,2	2,3	2,3	+1,5
Чукотский АО	1,3	0,6	0,6	0,7	0,7	0,9	-0,4
Регионы, частично входящие в АЗРФ							
Республика Карелия	6,6	6,6	6,7	8,5	8,6	8,6	+2,1
Республика Коми	5,3	5,5	5,8	6,5	6,5	6,5	+1,2
Архангельская область	7,0	7,4	10,6	12,2	12,1	11,9	+5,0
Красноярский край	12,8	13,0	15,1	27,5	26,9	27,5	+14,7
Республика Саха (Якутия)	7,3	7,6	8,3	11,7	11,8	11,9	+4,6

В отличие от железнодорожного, на автомобильном транспорте АЗРФ преобладают пассажирские перевозки: доля в общем объёме перевозок автомобильным транспортом составляет более 70%. Анализ динамики грузо- и пассажироперевозок автомобильным транспортом показал, что за 2000-2018 гг. их объёмы в целом по АЗРФ значительно снизились: пассажирские перевозки упали в 2,3 раза, грузовые — в 2,4 раза (рис. 3), при этом в среднем по стране снижение составило 2,1 и 1,1 раза соответственно³.

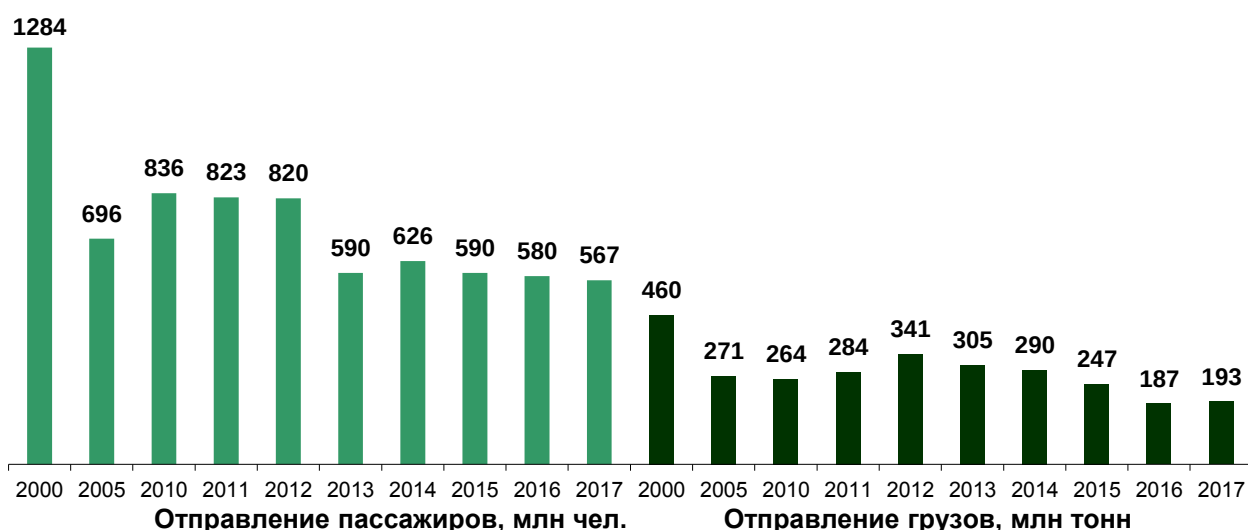

Рисунок 3. Динамика объёмов перевозок грузов и пассажиров автомобильным транспортом регионов АЗРФ.

³ Уменьшение объёмов пассажирских перевозок в 2005 г. объясняется изменениями в учёте в связи с проведением реформы монетизации льгот.

В региональном разрезе положительная динамика за рассматриваемый период была характерна только для Чукотского АО (объёмы грузовых перевозок округа выросли за весь период на 83,4%, пассажирских — на 25%), Ненецкого АО (объёмы перевезённых грузов выросли более чем в 3 раза) и Республики Саха (объёмы перевозок пассажиров увеличились на 29,7%). Наибольший спад продемонстрировали Республика Карелия (объёмы перевезённых грузов снизились на 90,9%, пассажиров — на 79,5%) и Мурманская область (грузов — на 83,7%, пассажиров — и 79,5%). Снижение уровня автомобильных перевозок в АЗРФ было обусловлено рядом факторов, среди которых: рост автомобилизации населения (за 2000-2018 гг. количество личных автомобилей у населения АЗРФ увеличилось в 2,5 раза (в среднем по стране в 2,3 раза) и составило 269,2 автомобиля на 1000 человек); устаревание подвижного состава общественного городского автомобильного транспорта (в настоящее время более 60% автобусов эксплуатируются сверх нормативного срока службы и подлежат списанию [17, Ушакова М.А., Свиридов Д.А., с. 127]), снижение объёма лизинговых операций, что в значительной степени сказалось на функционировании отрасли грузовых перевозок [18, Севостьянова Е.В., Агафонова А.А., с. 57]; рост цен на топливо [19, Паршуков Д.В., Куранов Е.С., с. 128; 20, Биев А.А., с. 310].

Для обобщённой характеристики современного состояния и динамики уровня развития сухопутного транспорта АЗРФ нами были определены показатели обеспеченности территорий наземными транспортными путями за 2000-2018 гг. (табл. 3).

Таблица 3

Динамика показателей обеспеченности АЗРФ наземными путями сообщения

	2000	2005	2010	2015	2018
Железные дороги					
Плотность на 1000 км ² территории	1,1	1,1	1,2	1,2	1,2
Коэффициент Энгеля	0,035	0,035	0,037	0,038	0,038
Автомобильные дороги общего пользования					
Плотность на 1000 км ² территории	6,0	6,8	9,0	13,0	13,2
Коэффициент Энгеля	0,187	0,216	0,289	0,420	0,429
Автомобильные дороги с твердым покрытием					
Плотность на 1000 км ² территории	5,3	5,4	6,2	8,8	8,9
Коэффициент Энгеля	0,164	0,170	0,200	0,285	0,289
Автомобильные дороги с твердым усовершенствованным покрытием					
Плотность на 1000 км ² территории	0,0	0,0	0,1	0,2	0,2
Коэффициент Энгеля	0,083	0,086	0,110	0,158	0,165

Источник: рассчитано авторами.

Анализ показал, что, несмотря на позитивные изменения, территории АЗРФ по-прежнему характеризуются крайне слабым уровнем обеспеченности наземными путями сообщения. При этом более 50% существующих в АЗРФ наземных транспортных коммуникаций не отвечают нормативным требованиям (в Архангельской области и Ненецком АО эти показатели превышают 80% для дорог регионального и более 90% для местного значения).

Заключение

В целом анализ современного состояния транспортной инфраструктуры АЗРФ подтверждает наличие серьёзных диспропорций в ее развитии. Несмотря на благоприятные тенденции в работе всех видов транспорта, арктическая транспортная система, характеризуется неразвитостью и низким техническим состоянием транспортной сети, высоким износом подвижного состава и множеством других проблем. На наш взгляд, говорить о создании единой арктической транспортной системы можно будет только после восстановления круглогодичной навигации по СМП, его технологического оснащения и реконструкции всей тяготеющей к нему транспортной инфраструктуры. Особое место в развитии транспортной системы АЗРФ должны также занять и новые виды транспорта, безопасная и эффективная эксплуатация которых возможна в суровых арктических условиях. Учитывая масштабность и высокую капиталоемкость этих задач, важную роль в формировании единой арктической транспортной системы должно сыграть развитие механизмов государственно-частного партнерства.

Благодарности и финансирование

Статья включает материалы, подготовленные в рамках госзадания ФИЦ КНЦ РАН №0226-2019-0027.

Литература

1. Корчак Е.А. Арктическая зона России: социальный портрет регионов. Апатиты: КНЦ РАН, 2017. 101 с.
2. Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В., Липина С.А., Чистобаев А.И. Сценарии развития арктического региона (2020–2035 гг.) // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 5–24. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.5.
3. Чижков Ю.В. Северный морской путь в структуре арктической транспортной системы // Транспорт Российской Федерации: журнал о науке, практике, экономике. 2017. № 1 (68). С. 27–32.
4. Кондратов Н.А. Особенности развития транспортной инфраструктуры в Арктической зоне России // Географический вестник. 2017. № 4 (43). С. 68–80. DOI 10.17072/2079-7877-2017-4-68-80.
5. Воронина, Е.П. Транспортное освоение арктических территорий: стратегические задачи и анализ рисков // Арктика: экология и экономика. 2017. № 3 (27). С. 61–68. DOI: 10.25283/2223-4594-2017-3-61-68.
6. Smith L., Stephenson S. New Trans-Arctic shipping routes navigable by mid-century // PNAS. 2013. No. 110 (13). Pp. 4871–4872. DOI: 10.1073/pnas.1214212110
7. Загородников М.А. Развитие транспортной инфраструктуры Северного морского пути (СМП) // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. 2017. № 2. С. 68–73.
8. Serova N.A. Regional Investment Policy Formation in the Russian Arctic // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2019. Vol. 298. Pp. 499–501. DOI: 10.2991/essd-19.2019.109.
9. Серова Н.А., Серова В.А. Транспортная инфраструктура российской Арктики: современное состояние и перспективы развития // Конкурентоспособность в глобальном мире. 2017. № 12 (59). С. 1269–1272.
10. Скуфьина Т.П., Серова Н.А. Актуальные аспекты развития Мурманского транспортного узла // Транспорт Российской Федерации. 2017. № 5 (72). С. 19–22.

11. Олейников В.А. К вопросу авиатранспортного обеспечения исследования и освоения Арктической зоны Российской Федерации // Наука и транспорт. Гражданская авиация. 2013. № 3 (7). С. 10–13.
12. Серова В.А. Направления развития «малой авиации» в Арктической зоне РФ // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2017. № 14. С. 540–543.
13. Ксенофонов М.Ю., Милякин С.Р. Процесс автомобилизации и определяющие его факторы в ретроспективе, настоящем и будущем // Проблемы прогнозирования. 2018. № 4. С. 92–105.
14. Грузинов В.М., Зворыкина Ю.В., Иванов Г.В., Сычев Ю.Ф., Тарасова О.В., Филин Б.Н. Арктические транспортные магистрали на суше, акваториях и в воздушном пространстве // Арктика: экология и экономика. 2019. № 1 (33). С. 6–20. DOI: 10.25283/2223-4594-2019-1-6-20
15. Куратова Э.С. Железнодорожная магистраль «Белкомур» — сухопутная альтернатива западному участку Северного морского пути // Транспортное дело России. 2011. № 9. С. 88–89.
16. Литовский В.В. Проблемы пространственного формирования опорного транспортного каркаса Урала: мегапроект «Белкомур» // Транспорт Урала. 2011. № 3. С. 15–20.
17. Ушакова М.А., Свиридов Д.А. Проблемы эксплуатации устаревших транспортных средств на городском пассажирском транспорте // Символ науки. 2017. № 2 (3). С. 123–125.
18. Севостьянова Е.В., Агафонова А.А. Анализ тенденций и проблем развития рынка автомобильных перевозок России // Инновационная экономика и общество. 2016. № 1(11). С. 50–61.
19. Паршуков Д.В., Куранов Е.С. Цена на бензин в России // Эпоха науки. 2018. № 16. С. 127–129. DOI: 10.24411/2409-3203-2018-00035.
20. Биев А.А. «Бензиновые кризисы» в России: опыт северных регионов // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 309.

References

1. Korchak E.A. *Arkticheskaya zona Rossii: socialnyi portret regionov* [The Arctic zone of Russia: a social portrait of regions]. Apatity, KSC RAS, 2017, 101 p. (In Russ.)
2. Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kudryashova E.V., Lipina S.A., Chistobaev A.I. *Scenarii razvitiya arkticheskogo regiona (2020–2035 gg.)* [Scenarios for the development of the Arctic region (2020–2035)]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no 35, pp. 5–24. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.5 (In Russ.)
3. Chizhkov Yu.V. Severnyy morskoy put' v strukture arktichkoy transportnoy sistemy [Northern Sea Route in the structure of the Arctic transport system]. *Transport Rossiyskoy Federacii: zhurnal o nauke, praktike, ekonomike* [Transport of the Russian Federation: journal about science, practice, economics], 2017, no 1 (68), pp. 27–32 (In Russ.)
4. Kondratov N.A. Osobennosti razvitiya transportnoy infrastruktury v Arkticheskoy zone Rossii [Features of the development of transport infrastructure in the Arctic zone of Russia]. *Geograficheskij vestnik* [Geographical Bulletin], 2017, no. 4 (43), pp. 68–80. DOI 10.17072/2079-7877-2017-4-68-80 (In Russ.)
5. Voronina E.P. Transportnoe osvoenie arkticheskikh territoriy: strategicheskie zadachi i analiz riskov [Transport development of the Arctic territories: strategic objectives and risk analysis]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: ecology and economy], 2017. no 3 (27), pp. 61–68. DOI: 10.25283/2223-4594-2017-3-61-68 (In Russ.)
6. Smith L., Stephenson S. New Trans-Arctic shipping routes navigable by mid-century. *PNAS*, 2013, no 110 (13), pp. 4871–4872. DOI: 10.1073/pnas.1214212110
7. Zagorodnikov M.A. Razvitie transportnoy infrastruktury Severnogo morskogo puti (SMP) [Development of the transport infrastructure of the Northern Sea Route (NSR)]. *Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie ekonomiki Severa* [Corporate Governance and Innovative Development of the North Economy], 2017, no 2, pp. 68–73 (In Russ.)
8. Serova N.A. Regional Investment Policy Formation in the Russian Arctic. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 2019, vol. 298, pp.499–501. DOI: 10.2991/essd-19.2019.109

9. Serova N.A., Serova V.A. Transportnaya infrastruktura rossiyskoy Arktiki: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Transport infrastructure of the Russian Arctic: current status and development prospects]. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire* [Competitiveness in the global world], 2017, no. 12 (59), pp. 1269-1272 (In Russ.)
10. Skuf'ina T.P., Serova N.A. Aktual'nye aspekty razvitiya Murmanskogo transportnogo uzla [Actual aspects of the development of the Murmansk transport hub]. *Transport Rossiyskoy Federacii* [Transport of the Russian Federation], 2017, no 5 (72), pp. 19-22 (In Russ.)
11. Oleynikov V.A. K voprosu aviatransportnogo obespecheniya issledovaniya i osvoeniya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federacii [On the issue of air transportation support for research and development of the Arctic zone of the Russian Federation]. *Nauka i transport. Grazhdanskaya aviatsiya* [Science and Transport. Civil Aviation], 2013, no 3 (7), pp. 10-13 (In Russ.)
12. Serova V.A. Napravleniya razvitiya «maloy aviatsii» v Arkticheskoy zone RF [Directions of development of "small aviation" in the Arctic zone of the Russian Federation]. *Trudy Fersmanovskoy nauchnoy sessii GI KNC RAN* [Proceedings of the Fersman Scientific Session of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2017, no 14, pp. 540–543 (In Russ.)
13. Ksenofontov M.Yu., Milyakin S.R. Process avtomobilizatsii i opredelyayushhie ego faktory v retrospektive, nastoyashhem i budushhem [The process of motorization and its determining factors in retrospect, present and future]. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of forecasting], 2018, no 4, pp. 92-105 (In Russ.)
14. Gruzinov V.M., Zvorykina Ju.V., Ivanov G.V., Sychev Ju.F., Tarasova O.V., Filin B.N. Arkticheskie transportnye magistrali na sushe, akvatoriya i v vozdušnom prostranstve [Arctic transport routes on land, in water areas and in airspace]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: ecology and economy], 2019, no 1 (33), pp. 6-20. Doi: 10.25283/2223-4594-2019-1-6-20 (In Russ.)
15. Kuratova E.S. Zheleznodorozhnaya magistral' «Belkomur» — suhoputnaya al'ternativa zapadnomu uchastku Severnogo morskogo puti [The Belkomur Railway — a land alternative to the western section of the Northern Sea Route]. *Transportnoe delo Rossii* [Transport business of Russia], 2011, no 9, pp. 88-89 (In Russ.)
16. Litovskiy V.V. Problemy prostranstvennogo formirovaniya opornogo transportnogo karkasa Urala: megaproekt «Belkomur» [Problems of spatial formation of the supporting transport framework of the Urals: megaproject "Belkomur"]. *Transport Urala* [Transport of the Urals], 2011, no 3, pp. 15-20 (In Russ.)
17. Ushakova M.A., Sviridov D.A. Problemy ekspluatatsii ustarevshih transportnyh sredstv na gorodskom passazhirskom transporte [Problems of operation of obsolete vehicles in urban passenger transport]. *Simvol nauki* [Symbol of science], 2017, no 2 (3), pp. 123-125 (In Russ.)
18. Sevost'janova E.V., Agafonova A.A. Analiz tendentsiy i problem razvitiya rynka avtomobil'nyh perevozok Rossii [Analysis of trends and problems in the development of the road transport market of Russia]. *Innovatsionnaya ekonomika i obshchestvo* [Innovative economy and society], 2016, no 1(11), pp. 50–61 (In Russ.)
19. Parshukov D.V., Kuranov E.S. Cena na benzin v Rossii [The price of gasoline in Russia]. *Epoha nauki* [The era of science.], 2018, no 16, pp. 127–129. DOI: 10.24411/2409-3203-2018-00035 (In Russ.)
20. Biev A.A. «Benzinovyie krizisy» v Rossii: opyt severnykh regionov [“Gasoline crises” in Russia: the experience of the northern regions]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2013, no 3, pp. 309 (In Russ.)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

УДК 339.9(98)(045)+327(98)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.57

Новые риски и возможности межгосударственного сотрудничества в Арктике *

© ГУДЕВ Павел Андреевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

E-mail: gudev@imemo.ru

ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Аннотация. Арктика, несмотря на усиление напряжённости в отношениях России и Запада, продолжает оставаться зоной мира и сотрудничества. Уровень межгосударственного взаимодействия здесь очень высок. Кооперация развивается по линии научных исследований, защиты морской среды и биоразнообразия, регулирования рыболовства, совершенствования усилий по поиску и спасанию, борьбы с нефтеразливами, контролю над судоходством. Однако межгосударственная конкуренция никуда не исчезла: страны-участницы морехозяйственной деятельности в регионе зачастую имеют совершенно разные приоритеты и жёстко отстаивают свои национальные интересы. Российская Федерация, находящаяся под санкционным давлением, вынуждена искать новых партнёров и союзников в Арктике. Этот выбор непросто, так как зачастую совпадение позиций по тем или иным вопросам является минимальным. Чтобы отстоять свои интересы, России необходимо добиться такого формата взаимодействия с арктическими и неарктическими странами, который был бы предельно взаимовыгодным и работал на благо нашей страны.

Ключевые слова: Арктика, Арктический Совет, Северный морской путь (СМП), Комиссия по границам континентального шельфа, Шпицберген, США, НАТО, ЕС, КНР.

New risks and opportunities for interstate cooperation in the Arctic

© Pavel A. GUEDEV, Cand. Sci. (Hist.), leading researcher

E-mail: gudev@imemo.ru

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. Despite the growing tension in Russia-West relations, the Arctic region continues to remain a zone of peace and cooperation. The level of interstate collaboration here is extremely high, unlike other maritime regions. The interaction is developing in scientific research, protection of the marine environment and biodiversity, regulation of fisheries, improvement of search and rescue efforts, control of oil spills, and regulation of navigation. However, interstate competition has not disappeared in the Arctic. The countries participating in the maritime activities in the region often have completely different priorities and are firmly defending their national interests. Under sanctions' pressure, the Russian Federation is forced to seek new partners and allies in the Arctic. This choice is extremely difficult since the coincidence of positions on one issue or another is often minimal. In order to defend its interests, Russia needs to achieve such a format of interaction with the Arctic and non-Arctic countries which would be extremely mutually beneficial and work for the good of our country, but not to its detriment.

* Для цитирования:

Гудев П.А. Новые риски и возможности межгосударственного сотрудничества в Арктике // Арктика и Север. 2019. № 36. С. 57–83. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.57

For citation:

Gudev P.A. New risks and opportunities for interstate cooperation in the Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 36, pp. 57–83. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.57

Keywords: *the Arctic, the Arctic Council, the Northern Sea Route (NSR), Commission on the Limits of the Continental Shelf, Spitsbergen, USA, NATO, EU, PRC.*

Введение

Арктика уже давно является одним из приоритетных морских регионов нашей страны, как в экономическом, так и стратегическом отношении. Несмотря на то, что в советские годы она была фактически закрыта для осуществления различных видов морехозяйственной деятельности со стороны зарубежных государств, здесь существовали те или иные формы межгосударственного взаимодействия и кооперации, хоть и в весьма скромных масштабах.

Мурманская речь М.С. Горбачёва означала де-факто полное «открытие» советской Арктики для международного сотрудничества. Его объёмы в 1990-е гг. были поистине колоссальны: сюда пришли все страны, которые были заинтересованы в экономическом освоении региона и проведении научных изысканий. Затем, делая ставку на ресурсное освоение региона, Российская Федерация исходила из безальтернативности взаимодействия с другими, прежде всего, арктическими странами. Однако с 2014 г. от этих надежд фактически не осталось и следа, а Россия находится под санкционным давлением со стороны стран Запада. В этой ситуации добиться поставленных целей без решения вопросов о сотрудничестве не представляется возможным.

С нашей точки зрения, для развития межгосударственного сотрудничества по вопросам взаимодействия в Арктике необходимо прежде всего выстроить определённую иерархию государств, интересы которых в большей или меньшей степени коррелируются с интересами Российской Федерации в данном морском регионе, в том числе в сфере обеспечения национальной безопасности и её различных аспектов (например, ресурсной и экологической). При этом следует учитывать, что эта «зависимость» интересов будет колебаться в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах. С нашей точки зрения, именно наличие долгосрочной общности интересов является ключевым критерием необходимости выстраивания любого вида взаимодействия.

С этой точки зрения, наибольшее совпадение интересов именно в долгосрочной перспективе (!) существует между Российской Федерацией и другими арктическими странами, побережья которых омываются водами Северного Ледовитого океана (США, Канада, Дания (Гренландия), Норвегия). Этот факт, несмотря на кажущуюся противоречивость, обусловлен тем обстоятельством, что для стран арктической пятёрки Северный Ледовитый океан — это общий морской регион, где они сталкиваются с общими угрозами и вызовами. Перспектива «открытия» Арктики для всё большего осуществления тех или иных видов морехозяйственной деятельности (судоходство, морское промышленное рыболовство, добыча нефти и газа, морской туризм и др.) ставит перед ними общие задачи по контролю за экономической активностью в целях недопущения нанесения ущерба уязвимой морской среде Арктики и её биоразнообразию. Очевидно, что любой вид экологической катастрофы в Арктике в первую

очередь негативно отразится на арктических странах, а уже потом, вследствие циркуляции вод Мирового океана, может привести к негативным последствиям для других — внерегиональных — государств. Именно арктические страны в целом заинтересованы в том, чтобы Арктика оставалась регионом мира и стабильности, и где их интересы были бы признаны приоритетными по отношению к интересам неарктических государств.

На втором уровне иерархии находятся постоянные члены Арктического Совета — Исландия, Швеция и Финляндия — как приарктические государства, часть территории которых расположена за Полярным кругом, но побережья которых не омываются водами Северного Ледовитого океана. Их вовлечение в «арктическую проблематику» является полномасштабным и разноформатным, что предполагает необходимость учёта их интересов в регионе. Они давно вовлечены в процесс проведения научных исследований в Арктике, имеют свои собственные компетенции и возможности в арктической экономике / индустрии / технологиях, в использовании которых может быть заинтересована и Российская Федерация.

Третий уровень иерархии — внерегиональные страны, имеющие статус наблюдателей в Арктическом Совете (Франция, Германия, Нидерланды, Польша, Испания, Соединённое Королевство, КНР, Италия, Япония, Республика Корея, Сингапур, Индия), собственные доктринальные / концептуальные / стратегические документы ¹, посвящённые Арктическому региону, а также профильные научно-исследовательские центры. Процесс роста их интереса к Арктике уже не может быть приостановлен, он полностью институционализирован в рамках Арктического Совета, хотя они и не наделены в неё правом голоса, а состав постоянных членов Арктического Совета уже не может быть расширен. Их интересы в Арктике разновекторны, однако их объединяет интерес к проведению научных исследований в регионе и общая озабоченность состоянием морской среды и её биоразнообразием. Многие из этих государств давно вовлечены в полярные исследования, в частности в Антарктике, и воспитали не одно поколение профильных исследователей. Безусловно, их опыт может лишь помочь расширить научную базу знаний об арктическом регионе.

Заинтересованность в получении статуса наблюдателя в рамках Арктического Совета проявляют и другие государства, такие как Эстония ², Турция, Монголия и прочие. Как и в случае с государствами-наблюдателями Арктического Совета, их арктические амбиции строятся на апелляции к экологической проблематике региона, а также на экономическом (ресурсном) потенциале Арктики. В данном случае следует учитывать, что именно экологическая риторика с их стороны зачастую выступает в качестве правового основания необходимости учёта их интересов в регионе. Однако, как представляется, такой подход является не более чем идеологическим «прикрытием» их притязаний на освоение, использование и экс-

¹ Schulze Vincent-Gregor. Arctic Strategies Round-up 2017 URL: https://www.arctic-office.de/fileadmin/user_upload/www.arctic-office.de/PDF_uploads/Arctic_Strategies_EN_10.11.17.pdf (дата обращения: 06.05.2019).

² Cooperation and Conflict in the Arctic: a roadmap for Estonia URL: https://icds.ee/wp-content/uploads/2013/ICDS_Report_-_Arctic_2014.pdf (дата обращения: 16.03.2019).

плуатацию пространств и ресурсов Арктики. Выбор возможных партнёров по взаимодействию среди их числа, с этой точки зрения, должен строиться исключительно на основе того, какой объём научных изысканий ими может быть осуществлён и насколько могут быть ценны результаты таких исследований, в том числе и для арктических государств.

Россия — США — Канада: треугольник взаимодействия и противоречий

Вашингтон за последнее десятилетие кардинальным образом пересмотрел своё отношение к Арктике: из маргинального в географическом понимании региона она становится для него одним из центральных по значимости районов Мирового океана³. Значительная часть проектов — контроль за регулированием вылова в центральной части Северного Ледовитого океана, усиление регулирования судоходства в Беринговом проливе⁴ — изначально инициативы США, поддержанные в дальнейшем и другими арктическими странами.

Российско-американским отношениям в Арктике свойственен определённый дуализм. С одной стороны, существующее противостояние на различных «фронтах» пока не коснулось Арктики. Для американских экспертов и политиков и раньше⁵, и сейчас⁶ Арктика — это зона, где наши страны имеют общие интересы и вынуждены противостоять общим угрозам, а значит — поставлены перед необходимостью налаживать двухсторонний диалог по тем или иным вопросам.

На ближайшую перспективу, помимо Берингова моря, США выступают с поддержкой проекта развития двух- и трёхстороннего сотрудничества (Россия — Норвегия — США) в баренцевоморском регионе. Несмотря на настороженное отношение России к этой инициативе, обусловленное сосредоточением в нём её военно-стратегического потенциала, некоторые аспекты, в частности, связанные с контролем за судоходством, могут, безусловно, носить взаимовыгодный характер.

³ National Strategy For The Arctic Region URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf (дата обращения 16.06.2019); Department of Defense Report to Congress on Strategy to Protect United States National Security Interests in the Arctic Region URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2016-Arctic-Strategy-UNCLAS-cleared-for-release.pdf> (дата обращения 16.06.2019); Department of Defense Report to Congress on Arctic Operations and the Northwest Passage URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/Tab_A_Arctic_Report_Public.pdf (дата обращения 16.06.2019); International Security Advisory Board: Report on Arctic Policy URL: <https://www.state.gov/documents/organization/262585.pdf> (дата обращения 16.06.2019); The U.S. Department of Defense Arctic Strategy URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2013_Arctic_Strategy.pdf (дата обращения 16.06.2019); United States Navy Arctic Roadmap 2014-2030 URL: <https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metadc949842/> (дата обращения 16.06.2019).

⁴ В мае 2018 г. Комитет по безопасности на море Международной морской организации (ИМО, IMO) в ходе своей 99-й сессии утвердил совместное российско-американское предложение по установлению рекомендованной схемы движения судов в Беринговом проливе. См.: IMO Approves New Shipping Corridors in Bering Sea to Improve Safety URL: <https://www.highnorthnews.com/en/imo-approves-new-shipping-corridors-bering-sea-improve-safety> (дата обращения: 29.05.2019).

⁵ Россия и США в Арктике: сотрудничество ради выживания URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-ssha-v-arktike-sotrudnichestvo-radi-vyzhivaniya/> (дата обращения: 07.07.2019).

⁶ Ипатова М.М. Арктические приоритеты США: адаптация к меняющимся условиям URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=5174 (дата обращения: 05.07.2019).

США даже в последних стратегических документах по Арктике за 2019 г.⁷ поддерживают подход Российской Федерации, основанный на том, что Арктика — это уникальный, полузакрытый морской регион, в котором интересы арктических государств должны учитываться в первую очередь. США достаточно скептически относятся к расширению числа наблюдателей в рамках Арктического Совета, в том числе, к получению данного статуса со стороны ЕС. Учитывая наличие морской границы между нашими странами в Арктике и отделяющий наши побережья Берингов пролив, США готовы поддерживать любые инициативы по контролю / регулированию тех или иных видов морехозяйственной деятельности, в особенности со стороны внерегиональных государств.

В частности, США приветствуют налаживание более тесного взаимодействия между силами ПС ФСБ России и Береговой Охраны США, в том числе в области совместного патрулирования в Чукотском море. При этом важно отметить, что в отличие от ВМС США, руководство БО США занимает куда менее радикальную позицию касательно проведения мероприятий в рамках программы Freedom of Navigation: оно не считает, что защита свободы судоходства важнее взаимодействия с Россией по тем или иным вопросам.

Отдельно следует отметить весьма взвешенную позицию США по архипелагу Шпицберген: Вашингтон продолжает считать, что все государства-участники Парижского Договора 1920 г. по Шпицбергену наделены равными правами по осуществлению тех или иных видов экономической деятельности как на самом архипелаге [1, Pedersen T.], так и в морских зонах вокруг него (200-мильная исключительная экономическая зона (ИЭЗ) и соответствующий ей режим континентального шельфа), образованных Норвегией (с точки зрения России — незаконно) в соответствии с нормами и положениями Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [2, Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К., Савва В.М.].

С другой стороны, несмотря на осознанную необходимость выстраивания сотрудничества, Россия продолжает оставаться главным «вызовом» для США в Арктике. Это касается не только обвинений в «милитаризации» региона, но и политико-правовых разногласий. Так, например, официальная позиция Госдепартамента и Пентагона, касающаяся защиты принципа свободы судоходства, в том числе и в Арктике, вряд ли претерпит какие-либо изменения. США и далее будут настаивать на том, что национальный уровень регулирования навигации по трассе Северного морского пути (СМП), отстаиваемый Российской Федерацией, является нелегитимным. Они ставят под сомнение само определение СМП как «исторически сложившейся транспортной коммуникации», называя его внеправовым⁸. Именно поэтому

⁷ Arctic Strategic Outlook 2019 URL: <https://www.documentcloud.org/documents/5973939-Arctic-Strategic-Outlook-APR-2019.html> (дата обращения: 10.07.2019).

Department of Defense Arctic Strategy 2019. Report to Congress URL: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF> (дата обращения: 10.07.2019).

⁸ Более подробно см.: Гудев П.А. Северный морской путь: национальная или международная транспортная артерия? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/severnnyy-morskoy-put-natsionalnaya-ili-mezhdunarodnaya-transportnaya-arteriya/> (дата обращения: 07.06.2019).

нельзя исключать того, что по мере ещё большего ухудшения российско-американских отношений, США могут пойти на прямое оспаривание российских правопритязаний в отношении СМП посредством реализации тех или иных мероприятий в рамках программы «Freedom of Navigation». Это могут быть не просто ноты дипломатического протеста, но и прямая демонстрация флага, включая военно-морские учения или же маневры.

Разговоры на высоком экспертном уровне о необходимости таких шагов значительно усилились за последнее время. Более того, «пробный шар» по оспариванию российских правопритязаний уже пущен: в декабре 2018 г. корабль ВМС США зашёл в залив Петра Великого на Дальнем Востоке⁹, воды которого в рамках советского национального законодательства и на уровне отечественной доктрины права всегда рассматривались как внутренние исторические воды с разрешительным порядком захода иностранных военных кораблей и гражданских судов. К Арктике этот прецедент имеет самое прямое отношение: Россия склонна считать часть акваторий, через которые проходит трасса СМП (например, заливы Лаптева, Санникова, Вилькицкого, Шокальского) своими внутренними историческими водами, тогда как США считают их международными проливами с правом транзитного прохода.

Таким образом, вероятность усиления напряжённости между РФ и США в Арктике потенциально существует. И с этой точки зрения, с целью её деэскалации целесообразно было бы подумать над тем, как можно усовершенствовать модель двухстороннего взаимодействия, сформированную ещё в годы Холодной войны. Так, речь идет о двух соглашениях: «О предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним» (1972 г.) и «Соглашение о предотвращении опасной военной деятельности» (1989 г.). Как представляется, уже давно назрела необходимость дальнейшего усовершенствования этих взаимных договорённостей. Более того, можно было бы инициировать дискуссию о разработке и принятии некоего подобия «Кодекса поведения» применительно к Арктике, который закрепил бы совместное понимание того, какие виды военно-морской деятельности в регионе (в том числе в различных морских зонах) могут рассматриваться сторонами как допустимые и, наоборот, ведущие к угрозе безопасности и локального военного столкновения. Причём здесь можно было бы применить известную формулу «agree to disagree», которая позволила бы Вашингтону не отходить от своих правовых оценок в отношении СМП и других российских арктических акваторий, но согласиться сохранить статус-кво ради сохранения Арктики в качестве зоны мира и стабильности, что, безусловно, отвечало бы интересам всего мирового сообщества.

Проблематика изменения климата, особенно актуальная в отношении Арктики, также будет накладывать свой отпечаток на российско-американские отношения. Даже несмотря на скептическое отношение сегодняшней американской администрации к этой проблемати-

⁹ US Navy Conducts First Post-Cold War FONOP in Peter the Great Bay, Off Russian Coast. The operation challenges what the United States sees as excessive Russian maritime claims URL: <https://thediplomat.com/2018/12/us-navy-conducts-first-post-cold-war-fonop-in-peter-the-great-bay-off-russian-coast/> (дата обращения: 09.03.2019).

ке, исчезновение её из американской повестки дня представляется маловероятным. Так, например, в марте 2019 г. РАН и академия наук США согласовали запуск проекта по исследованию влияния климатических изменений на состояние мерзлоты и льдов в Северном Ледовитом океане¹⁰.

При этом США будут продолжать настаивать на том, что арктические государства должны сокращать выбросы парниковых газов, делать свою промышленность более ориентированной на соблюдение чистых технологий, повсеместно внедрять так называемые «зеленые технологии». В американской внешнеполитической риторике звучат голоса, выступающие за необходимость создания универсальных международных правил разработки минеральных ресурсов Северного Ледовитого океана. Последнее, безусловно, не может не вызывать некоторую настороженность со стороны Российской Федерации, так как в условиях санкционного режима она фактически лишена доступа к таким технологиям, а перспектива роста её социально-экономического развития напрямую зависит в том числе от экспорта энергоресурсов, включая разработку арктических месторождений нефти и газа. Можно спрогнозировать, что в случае дальнейшего роста напряжённости в российско-американских отношениях давление Вашингтона на Москву с целью ограничения её возможностей по добыче углеводородов на шельфе арктических морей может быть лишь усилено.

Канада в предшествующие десятилетия была традиционным партнёром нашего государства, в той части, которая касалась правовой позиции в отношении регулирования судоходства в арктических акваториях. Канада, как и Россия, настаивает на приоритете норм и положений национального законодательства в области контроля за судоходством в пределах своего арктического архипелага¹¹, продолжая считать все воды в его пределах — внутренними историческими водами, находящимися под полным государственным суверенитетом, и не признает лоббируемый США статус международных проливов с правом транзитного прохода в отношении этих акваторий. Фактически речь идёт о стопроцентном совпадении правовых позиций России и Канады касательно регулирования судоходства на трассах Северного морского пути (СМП) и Северо-западного прохода (СЗП).

Однако за последние годы, в особенности после начала украинского кризиса, Оттава никак публично не высказывает своей солидарности с позицией Российской Федерации в отношении СМП. Более того, Канада заняла крайне критическую позицию в отношении внешнеполитического курса Российской Федерации. Возможно ли переломить эту негативную тенденцию в двухсторонних отношениях — вопрос крайне сложный. Тем не менее, необходимо исходить из того, что Россия и Канада — это две страны, которые обладают са-

¹⁰ РАН и НацАкадемия наук США подписали соглашение о сотрудничестве. Речь идет о сотрудничестве в области научных, инженерных и медицинских исследований URL: <https://tass.ru/nauka/6210819> (дата обращения: 19.06.2019).

¹¹ Statement on Canada's Arctic Foreign Policy URL: http://library.arcticportal.org/1886/1/canada_arctic_foreign_policy-eng.pdf (дата обращения 16.10.2019); Canada's Northern Strategy URL: <https://www.northernstrategy.gc.ca/cns/cns.pdf> (дата обращения 16.06.2019).

мыми протяжёнными береговыми линиями в Арктике, а значит могут претендовать на приоритетный учёт своих национальных интересов регионе¹².

Проблемной сферой в российско-канадских отношениях является вопрос об определении внешних границ континентального шельфа. 23 мая 2019 г. Канада подала свою заявку в профильную Комиссию по границам континентального шельфа в отношении подводной окраины материка в Северном Ледовитом океане¹³. В ней, в частности, она претендует на часть хребтов Ломоносова и Альфа, а также поднятия Менделеева¹⁴, что означает наложение правоприязаний между Канадой, с одной стороны, и тремя другими арктическими странами — Россией, Данией и США — с другой. Принимая во внимание тот факт, что Комиссия не наделена полномочиями проводить разграничение шельфа в случае взаимного наложения претензий со стороны тех или иных государств, эти противоречия могут быть разрешены исключительно политико-дипломатическими методами в ходе двух- и трёхсторонних переговоров. Обсуждение этого вопроса уже инициировано¹⁵, и остаётся лишь надеяться, что оно будет успешным.

Крайне негативное восприятие Канадой российско-украинского кризиса привело также к тому, что с её стороны усилилось обсуждение проблематики коренного населения Арктики, в особенности в связи с тем, что Российская Федерация, по мнению представителей Канады, уделяет недостаточно внимания улучшению качества их жизни. Канада традиционно выступает с инициативой, направленной на то, чтобы представители коренных народностей обладали большей автономией (вплоть до создания автономных провинций по канадскому примеру), а их представители как можно больше участвовали в управлении регионом. Несмотря на «гуманистический пафос» таких предложений, очевидно, что в определённой степени они противоречат положениям российской Конституции и зачастую направлены на дискредитацию тех усилий, которые Россия предпринимает в данной области.

Россия и другие постоянные члены Арктического Совета

Россия и **Норвегия** — арктические соседи, что должно предопределять высокую потребность во взаимодействии. Однако, не являясь членом Европейского Союза, Норвегия, тем не менее, поддержала европейские санкции в отношении Российской Федерации.

¹² Эксперты РСМД о перспективах сотрудничества России и Канады в Арктике в текущей международной обстановке URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/eksperty-rsmd-o-perspektivakh-sotrudnichestva-rossii-i-kanad/?sphrase_id=28483539 (дата обращения: 12.06.2019).

¹³ Commission on the Limits of the Continental Shelf (CLCS) Outer limits of the continental shelf beyond 200 nautical miles from the baselines: Submissions to the Commission: Partial Submission by Canada URL: https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/submission_can1_84_2019.html (дата обращения: 17.06.2019).

¹⁴ Partial Submission of Canada to the Commission on the Limits of the Continental Shelf regarding its continental Shelf in the Arctic Ocean. Executive Summary URL: https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/can1_84_2019/CDA_ARC_ES_EN_secured.pdf (дата обращения: 14.06.2019).

¹⁵ В Совфеде рассказали о переговорах России, Дании и Канады по Арктике URL: <https://polit.ru/news/2019/05/25/arctic/> (дата обращения: 18.06.2019).

Предшествующее сотрудничество в нефтегазовой сфере практически приостановлено, и рассчитывать на кооперацию с Норвегией по освоению тех или иных нефтегазовых месторождений (например, Штокманского) также не приходится.

При этом сотрудничество между Норвегией, с одной стороны, и США и НАТО, с другой, не будет уменьшено, а скорее наоборот, будет возрастать по мере озабоченности восстановлением военно-морского потенциала Российской Федерации. Также к расширению форматов взаимодействия между Россией и Норвегией активно подключаются Соединённые Штаты, рассматривающие акваторию Баренцева моря в качестве пилотного проекта по применению моделей комплексного управления прибрежными зонами (КУПЗ) и создания морских защищённых районов (МРА), в пределах которых может быть ограничено осуществление тех или иных видов морехозяйственной деятельности.

Норвегия активно педалирует тематику защиты морской среды и биоразнообразия Баренцева моря, выступая за повсеместное внедрение таких подходов, как экосистемный и предосторожный¹⁶, а также за необходимость применения методологии комплексного пространственного планирования, согласующего интересы различных морепользователей между собой [Более подробно см.: 3, Пиясов А.Н., с. 57–64]. Она выступает за максимальную экологизацию всех видов морехозяйственной деятельности в том числе со стороны Российской Федерации. Россия, со своей стороны, не может полностью игнорировать процесс повсеместной экологизации. Однако пристальное внимание именно к Кольскому заливу и прилегающим морским акваториям, где сосредоточен военно-морской и военно-стратегический потенциал страны, не может не вызывать определённую настороженность со стороны Москвы.

Норвегия планомерно идёт по пути размывания положений Парижского договора 1920 г. по Шпицбергену, который предоставляет равные права всем его участникам на осуществление всех видов экономической деятельности как на самом архипелаге, так и в прилегающих морских акваториях, заменяя его нормами и положениями Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [4, Pedersen T.]. Ссылка на приоритет конвенционных норм позволяет Осло в нарушение Парижского договора 1920 г. вводить более строгие меры регулирования, в том числе ограничивая и запрещая те или иные виды деятельности (например, вылов водных биологических ресурсов)¹⁷.

Позиция России, как и ряда других государств (например, Исландии), заключается в том, что Договор 1920 г. не давал Норвегии никаких правовых оснований для установления как режима 12-мильного территориального моря вокруг Шпицбергена, так и режима 200-мильной исключительной (рыболовной / рыбоохранной) зоны и соответствующего ей кон-

¹⁶ Norway's Arctic Strategy — between geopolitics and social development URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/fad46f0404e14b2a9b551ca7359c300/arctic-strategy.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).

¹⁷ Коптелов В. Россия и Норвегия в Арктике URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-norvegiya-v-arktike/> (дата обращения: 13.05.2019).

тинентального шельфа. Только государства-участники Договора 1920 г. вправе согласовывать установление вокруг Шпицбергена морских зон и определять их правовой режим. Такое согласование возможно лишь в рамках созыва новой международной конференции по Шпицбергену, которая бы чётко определила новый объём прав и полномочий Норвегии в его отношении [5, Anderson D.].

Таким образом, российско-норвежские отношения вряд ли можно назвать однозначными. Тем не менее, сферы для взаимодействия всё же остаются: это проведение совместных научных исследований в Арктике, улучшение навигационно-гидрографической информации о Баренцевом море, разработка обновлённых морских карт, принятие общих мер по регулированию судоходства (внедрение схем разделения движением судов) и усилению взаимодействия в области поиска и спасания (6, Vylegzhanin A.N.).

Дания, имеющая статус арктического государства исключительно благодаря своей автономной территории — Гренландии, крайне озабочена проблемой отстаивания своих интересов в регионе¹⁸. Это проявляется, в частности, в том, что Копенгаген активно поддерживает большую вовлечённость Европейского Союза в арктическую проблематику и выступает с одобрением усиления влияния Североатлантического альянса в Арктике.

С другой стороны, Дания, как США и Великобритания, отстаивает равные права всех участников Парижского Договора 1920 г. о Шпицбергене на осуществление всех видов экономической деятельности как на самом архипелаге, так и в прилежащих морских акваториях [7, Pedersen T.]. Не оспаривая прямую легитимность формирования морских зон, находящихся под суверенитетом и юрисдикцией Норвегии вокруг архипелага, она не склонна поддерживать курс Осло на радикальное сокращение прав, предоставленных всем участникам договора. Таким образом, Российская Федерация может быть крайне заинтересована в датской позиции с целью формирования более консолидированной группы оппонентов норвежским притязаниям в отношении Шпицбергена.

Между Россией и Данией существует наложение претензий на часть континентального шельфа в центральной части Северного Ледовитого океана за пределами 200-мильной зоны от исходных линий. Фактически претензии Копенгагена доходят вплоть до внешней границы российской ИЭЗ, оспаривая таким образом юрисдикцию Российской Федерации над достаточно значительной частью подводной окраины материка в Арктике. Очевидно, что в данном случае имеет место максимально возможная запросная позиция Дании, направленная на то, чтобы иметь основу для дальнейших переговоров с российской стороной¹⁹. И так же, как в ситуации с Канадой (см. выше), урегулирование данных противоречий будет находиться не в сфере компетенции Комиссии по границам континентального шельфа,

¹⁸ Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011–2020 URL: <http://library.arcticportal.org/1890/1/DENMARK.pdf> (дата обращения: 15.03.2019).

¹⁹ Тулупов Д. Уроки занимательной делимитации: как правильно разделить арктический шельф? URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/uroki-zanimatelnoy-delimitatsii-kak-pravilno-razdelit-arktich/?sphrase_id=28424984 (дата обращения: 17.05.2019).

которая лишь уполномочена рассматривать представленные научные данные по принадлежности шельфа тому или иному государству, а исключительно в рамках двухсторонних договорённостей.

Как и многие другие арктические страны, Дания готова уделять чрезвычайно много внимания проблематике состояния и уровня жизни коренного населения Севера, в частности — гренландских эскимосов. При этом в отличие от критического отношения Канады касательно недостаточности российских усилий в деле защиты их интересов, Дания практикует более взвешенный подход без каких-либо резких осуждений. Более того, у России и Дании есть очень много общего в данной сфере: так, обе страны выступают с правовым обоснованием того, что коренные народы должны сохранить свои законные права на осуществление традиционных промыслов (для Дании, в частности, это охота на тюленей и китобойный промысел²⁰).

Общность интересов наблюдается и в сфере научных исследований: Дания активно изучает процесс таяния ледового щита и подледниковой мерзлоты о. Гренландии, Россия же не может не принимать во внимание таяние вечной мерзлоты на части своих, в том числе арктических, территорий.

Дания входит в десятку крупнейших судоходных держав, компания Maersk является лидером на рынке контейнерных перевозок, занимая 18% этого рынка. Неслучайно Копенгаген с интересом анализирует транзитный потенциал российского Северного морского пути (СМП)²¹. В частности, в августе — сентябре 2018 г. контейнеровоз Venta Maersk совершил пробный рейс из южнокорейского порта Пусан через Владивосток и далее в порт Санкт-Петербург с грузом мороженой рыбы²². Принимая во внимание тот факт, что Maersk владеет тремя контейнерными терминалами на территории России (в портах Находка и Санкт-Петербург), сотрудничество в этой области может быть существенно расширено, если будет понятно, какие грузы и в каком направлении можно будет перевозить по трассе СМП²³.

Исландия, как в силу своего географического положения, так и места в системе международных отношений, также крайне заинтересована в усилении своего влияния в Арктике. И хотя она не является членом Европейского Союза, как и Норвегия, она выступает за возможно большее присутствие ЕС в регионе, поддерживая наделение последнего статусом

²⁰ В России коренное население Чукотки получает квоты на китобойный промысел в рамках Международной китобойной комиссии (МКК). Коммерческий промысел запрещён. Квота 2018 г. на добычу китов для Российской Федерации составила 140 особей. URL: http://www.mnr.gov.ru/press/news/kvota_na_dobychu_kitov_dlya_rossiyskoy_federatsii_sostavit_140_osobey_v_god/?special_version=Y (дата обращения: 1.07.2019).

²¹ Коптелов В. Стратегия Дании в освоении Арктики URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strategiya-danii-v-osvoenii-arktiki/> (дата обращения: 1.07.2019).

²² Maersk проверит способность Севморпути конкурировать с Суэцким каналом URL: <https://www.rbc.ru/business/21/08/2018/5b7c0fc19a794737b8cf8f> (дата обращения: 2.07.2019).

²³ Maersk изучает возможность запуска транспорта по Северному морскому пути URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/120451> (дата обращения: 02.07.2019).

наблюдателя в Арктическом Совете²⁴. Такая поддержка во многом обусловлена тем обстоятельством, что Исландия старается не допустить формирования какого-либо подобия «арктической коалиции» из ключевых региональных держав, которая бы замкнула на себя решение ключевых вопросов в регионе.

Исландия, пытаясь повысить свой статус приарктического государства, развивает активное сотрудничество с Китаем. Это выражается в совместной эксплуатации недавно построенной обсерватории, заключении двухстороннего соглашения по свободной торговле, желании привлечь китайские инвестиции в развитие портовой инфраструктуры, расширении потока китайских туристов на остров и так далее²⁵. Для Пекина, безусловно, Исландия, наряду с Гренландией и Шпицбергом, выступает удобным плацдармом для усиления своего присутствия в Арктике, в том числе с целью реализации глобальных транспортных и энергетических проектов. Однако такое стремление Поднебесной закрепить за собой лидирующие позиции в Арктике может рассматриваться и как желание размыть эксклюзивный характер сотрудничества арктических государств, заменив его на более широкий — инклюзивный.

Для Российской Федерации взаимодействие с Исландией целесообразно развивать в политико-правовой сфере, так как последняя всегда выступала резко против политики Норвегии по установлению морских зон вокруг архипелага Шпицберген с целью ограничения прав третьих стран в этих акваториях. Корреляция позиций между нашими странами по этому вопросу абсолютна: такие зоны могут быть созданы Осло только по итогам проведения новой международной конференции по Шпицбергену, а никак не в одностороннем порядке, а апелляциям Норвегии исключительно к нормам и положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. — недостаточно.

Кроме того, следует учитывать, что Исландия обладает колоссальным опытом в области геотермальной энергетики, и её знания в этой сфере могут быть полезны и для Российской Федерации. Инновационные технологии в области добычи и переработки рыбных ресурсов — это та сфера, где также может быть налажено российско-исландское взаимодействие²⁶. Уже сейчас Исландия готова участвовать в развитии и модернизации российского рыболовецкого флота, предлагая свои знания и технологии. Программа, с которой Исландия возглавит Арктический Совет в 2019 г., касающаяся реализации проектов по «зелёному» судоходству, составлению карты уязвимых от судоходства морских районов в Арктике и Северной Атлантике, борьбе с морским мусором и окислением вод Мирового океана, без-

²⁴ Parliamentary Resolution on Iceland's Arctic Policy URL: <https://www.government.is/media/utanrikisraduneyti-media/media/nordurlandaskrifstofa/A-Parliamentary-Resolution-on-ICE-Arctic-Policy-approved-by-Althingi.pdf> (дата обращения: 12.04.2019).

²⁵ Тулупов Д. Исландия: остров «свободы» в Арктике URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/islandiya-ostrov-svobody-v-arktike/?sphrase_id=28415438 (дата обращения: 15.06.2019).

²⁶ Студнева Е. Россия и Исландия: арктическое притяжение URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-islandiya-arkticheskoe-prityazhenie/?sphrase_id=28415438 (дата обращения: 14.06.2019).

условно, будет поддержана со стороны Москвы. Проявляет Исландия интерес и к СМП, рассматривая себя в качестве перевалочного хаба ²⁷.

Финляндия — наш непосредственный сосед, с которым нас связывают предельно дружеские отношения и исторически тесное экономическое взаимодействие. Более того, Финляндия чрезвычайно заинтересована в налаживании любых форм экономической кооперации с Российской Федерацией, в особенности в тех сферах, которые не купируются санкционным режимом ²⁸. Она позиционирует себя как возможный поставщик «зелёных» технологий, телекоммуникационного и навигационного оборудования, её судостроительная промышленность готова взять на себя новые заказы с российской стороны ²⁹. Финляндия проявляет прямой интерес к участию в техническом и логистическом обеспечении российских проектов в Арктике ³⁰.

Финляндия практически единственная из всех арктических стран, которая не выражает публичной озабоченности усилением военно-морского потенциала в России в регионе и не рассматривает Москву в качестве основной угрозы собственной безопасности в Арктике. Более того, являясь членом ЕС, Финляндия, с одной стороны, не возражает против получения ЕС статуса наблюдателя в Арктическом Совете, но с другой, претендует на роль координатора всей европейской арктической политики ³¹ и готова выступать в качестве посредника / модератора в отношениях России и ЕС в Арктике.

Швеция, как участник арктической восьмёрки, крайне заинтересована в том, чтобы влияние стран арктической пятерки (Россия, США, Норвегия, Дания и Канада) не стало доминирующим в рамках Арктического Совета, а голоса Исландии, Финляндии и Швеции, в свою очередь, учитывались не в меньшей степени при принятии решений ³². Именно поэтому Швеция всегда выступала за усиление Арктического Совета как более широкого форума, считая целесообразным его превращение в полноценную международную организацию с целью не допустить ослабления последнего ³³. При этом Швеция также выступает за большее привлечение ЕС к арктической проблематике, что не в полной мере коррелируется с интере-

²⁷ Нам не нравится, когда чужаки говорят нам, что делать. Президент Исландии Гвюдни Йоуханнессон — о совместном с Россией развитии Севморпути и о схожести двух народов URL: <https://iz.ru/866039/dmitrii-laru-elnar-bainazarov/nam-ne-nravitsia-kogda-chuzhaki-govoriat-nam-chto-delat> (дата обращения: 17.06.2019).

²⁸ Finland's Strategy for the Arctic Region 2013 URL: <https://vnk.fi/documents/10616/334509/Arktinen+strategia+2013+en.pdf/6b6fb723-40ec-4c17-b286-5b5910fbecf4> (дата обращения: 6.04.2019).

²⁹ Следует вспомнить, что в советские годы на финских судоверфях была построена половина всего ледокольного флота нашей страны.

³⁰ Телегина Е., Моргунова М. Стратегия Финляндии в освоении Арктики URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/strategiya-finlyandii-v-osvoenii-arktiki/?sphrase_id=28415438 (дата обращения: 18.06.2019).

³¹ Шлямин В., Титов И. Финляндия в Арктике URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/finlyandiya-v-arktike/?sphrase_id=28415438 (дата обращения: 17.06.2019).

³² Коптелов В. Арктическая стратегия Швеции URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arkticheskaya-strategiya-shvetsii/?sphrase_id=28483539 (дата обращения: 19.06.2019).

³³ Sweden's strategy for the Arctic region URL: <https://www.government.se/49b746/contentassets/85de933bbbe4373b55eddd7f71608da/swedens-strategy-for-the-arctic-region> (дата обращения: 14.04.2019).

сами Российской Федерации. Более того, непрекращающиеся спекуляции относительно возможного присоединения Стокгольма к Североатлантическому альянсу лишь усиливают градус напряжённости в российско-шведских отношениях. Не следует забывать, что ещё несколько лет назад скандинавские страны лоббировали создание проекта «мини-НАТО» с участием Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии, Исландии, Эстонии, Латвии и Литвы, прежде всего, с целью противодействия «милитаризации» Балтийского моря и Арктики со стороны России. Именно поэтому спектр сфер сотрудничества между нашими странами в Арктике крайне узок. Это защита морской среды и биоразнообразия, изучение климатических изменений и сохранение традиционного образа жизни коренных народов Севера.

Внерегиональные страны

Среди широкого круга внерегиональных стран, которые проявляют достаточно серьёзный интерес к арктическому региону, также следует смоделировать определённую иерархию. В качестве государств, с которыми в приоритетном порядке следует налаживать те или иные формы кооперации и сотрудничества, в том числе и на межгосударственном уровне, следует выделить те страны, которые имеют свои научные арктические или даже полярные программы исследований, которые обладают историей и необходимым накопленным опытом проведения таких исследований. И, наконец, для которых научная проблематика является не просто инструментом приобщения к Арктике, но они также готовы делиться результатами своих научных изысканий с арктическими странами, инициировать в том числе проведение совместных научных исследований. Таким образом, наука и интересы защиты уязвимой арктической морской среды и её биоразнообразия должны иметь у таких государств высший приоритет, а не только желание заниматься освоением и разработкой арктических пространств и ресурсов.

Так, например, **Европейский Союз** вкладывает достаточно серьёзные финансовые ресурсы в проведение морских научных исследований в Арктике³⁴. И именно это обоснование является ключевым, когда ЕС выступает за необходимость наделения его статусом наблюдателя в Арктическом Совете³⁵. Однако, как представляется, пока действует режим экономических санкций, пока ЕС не перестаёт заявлять о российской милитаризации арктического

³⁴ Рузакова В. Арктическая стратегия ЕС: интегрированный подход 2016 URL: https://russiancouncil.ru/blogs/valeriya-ruzakova/31105/?sphrase_id=28424984 (дата обращения: 22.06.2019).

³⁵ Developing a European Union Policy towards the Arctic Region: progress since 2008 and next steps. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52012JC0019&from=EN> (дата обращения: 11.04.2019); European Parliament and the Council - Developing a European Union policy towards the Arctic region: progress since 2008 and next steps. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/arctic_region/docs/swd_2012_182.pdf (дата обращения: 2.04.2019); EU Arctic policy in regional context. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/578017/EXPO_STU\(2016\)578017_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/578017/EXPO_STU(2016)578017_EN.pdf) (дата обращения: 18.03.2019); Report on an integrated European Union policy for the Arctic. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+REPORT+A8-2017-0032+0+DOC+PDF+V0//EN> (дата обращения: 11.04.2019); Integrated European Union policy for the Arctic. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52016JC0021&from=EN> (дата обращения: 13.04.2019).

региона и настаивать на более широком привлечении НАТО в Арктику, вряд ли такие подходы могут быть поддержаны Российской Федерацией. Более того, позиция ЕС в отношении правового статуса Северного морского пути продолжает оставаться прямо противоречащей позиции России: ЕС выступает за максимальную интернационализацию судоходства на трассах СМП. И здесь ЕС поддерживают другие страны-члены: в частности, **ФРГ**³⁶ и **Испания**³⁷.

Наконец, роль ЕС в Арктике за последние годы мало изменилась, он продолжает видеть себя в качестве «нормативной силы», т.е. предлагать стандарты и образцы поведения, которые должны быть приняты всеми присутствующими в регионе акторами³⁸. Например, речь идёт о необходимости применения более высоких экологических стандартов при осуществлении тех или иных видов морехозяйственной деятельности, что зачастую напрямую противоречит интересам социально-экономического развития арктических стран, включая Российскую Федерацию. Единственная область, где интересы России и ЕС в отношении Арктики в той или иной мере пересекаются, это вопросы обеспечения безопасности судоходства и сокращения выбросов в атмосферу. В частности, ЕС поддерживает идеи о переводе большинства судов, осуществляющих навигацию в Арктике, с тяжелого топлива на СПГ, Россия, со своей стороны, также выражает заинтересованность в таком проекте.

Достаточно претенциозную позицию в отношении Арктики занимают такие европейские страны, как **Великобритания**³⁹ и **Франция**. Они позиционируют себя как одних из пионеров в области проведения полярных исследований, выступают за максимально возможное вовлечение ЕС в арктическую проблематику, а также крайне озабочены вопросами обеспечения военных и невоенных аспектов безопасности в Арктике.

В частности, именно **Великобритания** всячески поддерживала проект «мини-НАТО», в который помимо неё должны были войти такие страны, как Норвегия, Дания, Финляндия, Швеция, Исландия, Эстония, Латвия и Литва, целью которых являлось бы более активное противостояние «милитаризации» Арктики со стороны Российской Федерации⁴⁰. При этом подход Российской Федерации, который отчасти поддерживается другими арктическими странами, строится на том, что все проблемы в области безопасности в Арктике должны решаться исключительно арктическими странами, как на двусторонней, так и на многосто-

³⁶ Guidelines of the Germany Arctic policy Assume responsibility, seize opportunities. URL: https://www.bmel.de/SharedDocs/Downloads/EN/International/Leitlinien-Arktispolitik.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 17.04.2019).

³⁷ Guidelines for a Spanish Polar Strategy. URL: http://www.ciencia.gob.es/stfls/MICINN/Investigacion/FICHEROS/Comite_Polar_definitivo/Directrices_estrategia_polar_espanola.pdf (дата обращения: 2.04.2019).

³⁸ Уткин С. ЕС и Арктика: присматриваясь друг к другу. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/es-i-arktiki-prismatrivayas-k-budushchemu/> (дата обращения: 21.06.2019).

³⁹ Beyond the ice: UK policy towards the Arctic. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/697251/beyond-the-ice-uk-policy-towards-the-arctic.pdf (дата обращения: 3.03.2019).

⁴⁰ Шапаров А. НАТО и новая повестка дня в Арктике URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nato-i-novaya-povestka-dnya-v-arktike/?sphrase_id=28483539 (дата обращения: 23.06.2019).

ронней основе, без привлечения любых внерегиональных государств и тем более Североатлантического альянса.

Франция, с одной стороны, вполне обоснованно позиционирует себя как полярное государство⁴¹. Этот статус основан на том, что французы уже многие десятилетия вовлечены в полярные исследования и вырастили не одно поколение экспертов в этой области. Океанологические изыскания и защита морской среды — традиционный «конёк» Франции. Кроме того, среди заморских территорий Франции — острова Сен-Пьер и Микелон, расположенные в Северной Атлантике к югу от острова Ньюфаундленд, принадлежащего уже арктической стране — Канаде. И хотя координаты северной точки французских островов — 47° северной широты, а полярного круга — 66°, тем не менее, апелляция Парижа к тому, что в Северной Атлантике весьма схожие климатические условия с Северным Ледовитым океаном, может быть признана хотя бы условно корректной.

С другой стороны, Франция не просто поддерживает получение статуса наблюдателя со стороны ЕС. Но и в целом выступает на расширение полномочий наблюдателей, считая, что управление в Арктике — это вопрос не регионального, а международного уровня ответственности⁴². Такая позиция, безусловно, не находит поддержки не только у Российской Федерации, но и у других арктических государств, выступающих против эксклюзивного характера их сотрудничества в регионе.

Италия, получив статус наблюдателя в арктическом Совете, активно реализует свою арктическую стратегию⁴³. Она позиционирует себя как страну, которая уже более 100 лет вовлечена в арктическую проблематику. Рассматривая Северный Ледовитый океан в качестве хрупкой экосистемы, она проводит аналогию с состоянием Альпийской экосистемы, особенности защиты которой, с итальянской точки зрения, схожи с теми, которые существуют в отношении Арктики.

Италия выделяет 4 основных измерения, касающиеся региона: политическое, экономическое, экологическое и социальное. В области политического регулирования, признавая суверенитет и юрисдикцию арктических государств, Италия постулирует тезис о том, что защита Арктики — это ответственность всех участников международного сообщества. Она выступает с поддержкой большего вовлечения ЕС и Еврокомиссии в арктическую проблематику. В сфере экономического сотрудничества, в том числе с Россией, Италия готова предложить свои компетенции в области спутникового контроля, морского проектирования, навигации, энергетики. Несмотря на то, что совместный проект Eni с Роснефтью в условиях санкционного режима был заморожен, это не отменяет того факта, что она продолжает оставлять

⁴¹ Great challenge of the Arctic. National Roadmap for the Arctic URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/frna_-_eng_interne_-_prepa_-_17-06-pm-bd-pdf_cle02695b.pdf (дата обращения: 6.04.2019).

⁴² Лагутина М. Новая роль Франции в Арктике URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-rol-frantsii-v-arktike/?sphrase_id=28510615 (дата обращения: 21.06.2019).

⁴³ Verso una strategia italiana per l'Artico URL: https://www.esteri.it/mae/it/politica_estera/aree_geografiche/europa/artico/ (дата обращения: 12.05.2019).

ся одним из лидеров в области использования экологически чистых технологий разведки и разработки углеводородных ресурсов. Интересам России отвечает стремление Италии по развитию так называемой низкоуглеродной экономики, в частности за счёт продвижения природного газа в качестве основного вида топлива. Италия готова развивать сотрудничество с Россией в таких сферах, как океанографические и метеорологические исследования, изучение образа жизни народов Севера, изменение климата, защита биоразнообразия, борьба с авариями и т.д.

Голландия основной интерес к Арктике связывает с проблематикой климатических изменений, ведущих к уменьшению ледового покрова, поднятию уровня Мирового океана, воздействию на морское биоразнообразие, в конечном итоге — увеличению количества стихийных бедствий и явлений, которые в комплексе могут неблагоприятно воздействовать в том числе и на береговую линию Нидерландов⁴⁴. До начала санкционного режима британско-нидерландская компания Royal Dutch Shell рассматривалась Россией как активный игрок на поле разведки и разработки арктических углеводородов, а развитие СМП с большим экономическим интересом воспринималось в Амстердаме. Однако санкции свели на нет фактически любые перспективы сотрудничества, за исключением лишь некоторых проектов. Кроме того, проблемой было и остаётся то, что Голландия своё участие в арктических исследованиях видит в рамках увеличения присутствия в Арктике такой наднациональной структуры, как ЕС, ратуя за предоставление последней статуса наблюдателя в Арктическом Совете [8, с. 44–51].

Обладая одной из сильнейших в мире правовых школ в области международного морского права, Амстердам выступает за безукоризненное соблюдение арктическими странами его норм и положений. Эта позиция накладывала отпечаток на отношения с Москвой до последнего времени, так как после задержания судна Greenpeace Arctic Sunrise, плавающего под голландским флагом, за протесты у платформы Приразломная в 2013 году, обе стороны имели разное представление о том, как характеризовать этот инцидент и предпринятые Россией меры. Голландия считала, что были нарушены нормы и положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и обратилась с иском как в Международный Трибунал по морскому праву⁴⁵, так и в Постоянную Палату Третейского суда в Гааге⁴⁶. Россия считала, что международные судебные инстанции не обладают юрисдикцией по рассмотрению голландских исков, так как данная ситуация касалась исключительно нарушения внутреннего российского законодательства. Однако в мае 2019 г. Правительство Российской Федерации,

⁴⁴ Pole Position - NL 2.0. Strategy for the Netherlands Polar Programme 2016-2020. URL: https://www.nwo.nl/binaries/content/documents/nwo-en/common/documentation/application/alw/netherlands-polar-programme---strategy---pole-position---nl-2.0/UK_binnenwerk_Poolpositie-NL+2.0.pdf (дата обращения: 12.05.2019).

⁴⁵ The Arctic Sunrise Case (Kingdom of the Netherlands v. Russian Federation), Provisional Measures. URL: <https://www.itlos.org/cases/list-of-cases/case-no-22/> (дата обращения: 3.07.2019).

⁴⁶ The Arctic Sunrise Arbitration (Netherlands v. Russia). URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/21/> (дата обращения: 3.07.2019).

не меняя своей правовой позиции, согласилось выплатить половину от суммы компенсации, которую Амстердаму присудил Арбитраж, подписав совместное заявление по научному сотрудничеству между странами в российской Арктике и урегулированию спора⁴⁷. Это, безусловно, хороший пример достижения межгосударственного компромисса ради развития дальнейшего сотрудничества и взаимодействия. Тем не менее, любые попытки голландской стороны связать изменение позиции России по делу Arctic Sunrise с процессом расследования катастрофы малазийского Боинга выглядят достаточно спекулятивно⁴⁸.

Польша не имеет официально принятой арктической стратегии, но цели, которые ставят перед собой в Арктике польские эксперты, достаточно амбициозны⁴⁹. В частности, в Варшаве прекрасно понимают, что именно научное сотрудничество является лучшей формой международной кооперации в регионе, научная дипломатия стимулирует развитие политического взаимодействия между государствами. Наука напрямую рассматривается в качестве «входного билета» в Арктику. Участие в арктических «делах», безусловно, повышает международный статус Польши как в рамках ЕС, так и на уровне трансатлантического формата. Польша особо подчёркивает своё участие в парижском Договоре по Шпицбергену с 1931 г., где она имеет научную станцию, а также получение статуса наблюдателя в Арктическом Совете ещё в 1996 г., равно как инициированный ей формат «Варшавских переговоров» с целью взятия на себя роли модератора по обсуждению вопросов среди неарктических государств.

Польские интересы в Арктике касаются не только проблематики изменения климата и защиты морской среды, но и конкретных отраслей экономики: добыча углеводородов и редкоземельных металлов; использование национальных судостроительных мощностей; добыча водных биологических ресурсов. Транспортные возможности региона также рассматриваются как крайне привлекательные для Варшавы: польские порты и контейнерные терминалы на Балтийском море (Гданьск и др.) могут стать бенефициарами развития СМП, по которому китайские товары будут доставляться через них не только в страны Западной и Восточной Европы, но и в Белоруссию и на Украину.

Проблема лишь в одном — для Польши наиболее выгоден максимально открытый статус СМП, в отношении которого действуют нормы и положения Конвенции 1982 г., а не национальное российское законодательство. Кроме того, Варшава видит путь усиления своего присутствия в Арктике исключительно через большее участие ЕС и НАТО. В частности,

⁴⁷ Joint Statement of the Russian Federation and the Kingdom of the Netherlands on Scientific Cooperation in the Russian Arctic Region and the Settlement of a Dispute. URL: <https://www.government.nl/documents/diplomatic-statements/2019/05/17/joint-statement-of-the-russian-federation-and-the-kingdom-of-the-netherlands-on-scientific-cooperation-in-the-russian-arctic-region-and-the-settlement-of-a-dispute> (дата обращения: 4.07.2019).

⁴⁸ Russian-Dutch settlement on Arctic Sunrise is a recognition of international law. URL: <https://raamoprusland.nl/dossiers/europa/1297-russian-dutch-settlement-on-arctic-sunrise-is-a-recognition-of-international-law> (дата обращения: 4.07.2019).

⁴⁹ Michał Łuszczuk, Piotr Graczyk, Adam Stępień, Małgorzata Śmieszek. Poland's Policy towards the Arctic: Key Areas and Priority Actions. URL: [https://www.files.ethz.ch/isn/191034/PISM%20Policy%20Paper%20no%2011%20\(113\).pdf](https://www.files.ethz.ch/isn/191034/PISM%20Policy%20Paper%20no%2011%20(113).pdf) (дата обращения: 19.06.2019).

Польша до сих пор не имеет разработанной арктической стратегии именно по той простой причине, что её взгляды на регион полностью совпадают с теми, которые зафиксированы в документах ЕС. Что же касается Североатлантического альянса, то польские эксперты настаивают на том, что безопасность в регионе должна быть обеспечена исключительно усилиями блока, хотя и без излишнего провоцирования России на ответные действия⁵⁰.

Азиатские союзники и конкуренты

Индия традиционно отдавала приоритет антарктическим исследованиям, но за последние годы, принимая во внимание важность проблематики изменения климата, стала уделять более пристальное внимание и Арктике⁵¹. Индия является полноправным участником Договора о Шпицбергене 1920 г. и имеет свою научную станцию на архипелаге. Дели имеет статус наблюдателя в Арктическом Совете, что, безусловно, выгодно и Российской Федерации, принимая во внимание двухстороннее взаимодействие по линии БРИКС. В условиях санкционного режима сотрудничество Дели и Москвы в таких областях, как судостроение, энергетика (прежде всего, инвестиции в эту область), изучение климата действительно может быть существенно расширено.

Однако позиция Индии в отношении ключевых вопросов в Арктике — модели правового регулирования, осуществления военно-морской деятельности, правового статуса СМП — не всегда совпадает с национальными интересами России. В частности, Индия продолжает рассматривать Арктику в большей степени как «общий» морской регион, где для внерегиональных стран было бы гораздо выгоднее иметь некое подобие Договора об Антарктике с целью равного доступа для всех государств к её пространствам и ресурсам [9, с. 5–17]. Помимо этого, Дели поддерживает идею применения безъядерного статуса к Арктике, что вряд ли когда-либо будет отвечать военно-стратегическим интересам не только России, но и США. В отношении же СМП Индия проявляет определённый скептицизм, опасаясь, что его развитие заберёт на себя часть того грузопотока, который сейчас идёт через Индийский океан.

Япония проводит полярные исследования с 1959 г., когда присоединилась к Договору об Антарктике. Сам этот факт свидетельствует о том, что в Японии воспитано не одно поколение полярных исследователей, знания и опыт которых могут быть полезны и для изучения арктического региона. Ещё ранее, в 1935 г., Япония стала участницей Парижского Договора о Шпицбергене, хотя до сих пор не сформулировала своей чёткой позиции в отношении политики Осло по его замещению нормами и положениями Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [10, Гутенев М.Ю.]. При этом Япония, как островное (архипелажное), государство обосновывает свой интерес к Арктике тем, что происходящие здесь климатические измене-

⁵⁰ Piotr Kościński, Wojciech Lorenz, Lidia Puka. Poland in the Arctic: Seeking the Balance. URL: <https://slidex.tips/download/introduction-piotr-kociski-wojciech-lorenz-lidia-puka> (дата обращения: 13.06.2019).

⁵¹ Лунев С. Индия устремилась в Арктику. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-ustremilas-v-arktiku/?sphrase_id=28510615 (дата обращения: 19.06.2019).

ния могут иметь последствия для всего Мирового океана (включая повышение его уровня), что может непосредственным образом отразиться и на Японии⁵².

Токио традиционно, ещё с советских времён, проявляет интерес к развитию Северного морского пути, который в том числе может замыкаться на японский порт Йокогама. Этот интерес особо проявился после знаменитой речи М.С. Горбачева 1987 г. в Мурманске, где он предложил открыть СМП для международного судоходства. В 1990-е и 2000-е гг. Токио был одним из организаторов целой серии исследований и экспедиций, призванных оценить все плюсы и минусы использования СМП. Следует также учитывать, что одна Япония по объёму своих экспортно-импортных перевозок представляла до недавнего времени около 10% объёма мировой морской торговли [11, Могилевкин И.М., с. 197], а японский морской флот по тоннажу занимал 2-е место в мире⁵³.

Однако Япония, являясь последовательным сторонником исполнения норм и положений международного права, выступает с поддержкой исключительного применения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. к Арктике и отстаивает необходимость соблюдения принципа свободы судоходства в регионе, что в значительной мере расходится с позицией Российской Федерации по данному вопросу, настаивающей на применимости национального уровня регулирования судоходства.

Более того, в своих программных документах по Арктике Токио позиционирует себя как активного участника формирующейся системы управления регионом, выступающего своеобразным гарантом соблюдения всех международно-правовых норм⁵⁴. Такие претензии Токио по усилению своего влияния в Арктике достаточно понятны, особенно в свете растущей активизации арктической политики со стороны Пекина и Сеула, однако для арктических государств они могут представляться излишне амбициозными.

Сингапур, являясь, наряду с Японией, островным государством, также проявляет интерес к Арктике, обусловленный возможным влиянием этого региона на всю климатическую систему и Мировой океан⁵⁵. Кроме того, занимая около 70% мирового рынка плавучих установок для добычи, хранения и транспортировки нефти, Сингапур заинтересован в расширении своего участия в нефтегазовых проектах в регионе. Его портовые мощности и флот (более 3,5 тыс. судов), направленные сегодня на обслуживание грузовой базы, идущей через Суэцкий канал, могли бы быть задействованы для развития транзитного потенциала Северного морского пути [9, с. 48–55].

⁵² Федотова А. Япония в Арктике: комплексная стратегия развития региона. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/arctic/31245/?sphrase_id=28424984 (дата обращения: 11.05.2019).

⁵³ The Review of Maritime Transport 2018 by UNCTAD. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2018_en.pdf (дата обращения: 10.06.2019).

⁵⁴ Japan's Arctic Policy. October 16th, 2015. URL: https://www8.cao.go.jp/ocean/english/arctic/pdf/japans_ap_e.pdf (дата обращения: 19.03.2019).

⁵⁵ Дерещук А. Интересы Сингапура в Арктике. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/arctic/31229/?sphrase_id=28424984 (дата обращения: 12.04.2016).

Республика Корея, как и многие другие азиатские страны, рассматривает своё вовлечение в Арктику как неоспоримый элемент повышения своего международного статуса⁵⁶. Очевидно, что усиления присутствия в Арктике, участие в освоении её пространств и ресурсов по силу только развитым, «состоявшимся» государствам⁵⁷, равно как и участие в антарктических исследованиях, начало которым было положено Сеулом ещё в 1986 г.

Транспортный потенциал Арктики, точно так же как разведка и разработка энергетических ресурсов — темы, вызывающие прямой интерес Сеула, а, например, вылов водных биологических ресурсов рассматривается всеми азиатскими странами как ключевой элемент обеспечения собственной продовольственной безопасности и залог дальнейшего социально-экономического развития. Имея высокоразвитый судостроительный сектор, Республика Корея крайне заинтересована в получении новых заказов на проектирование и строительство судов для плавания в арктических водах [12, Журавель В.П.]. Здесь стоит вспомнить, что около 2/3 всего мирового рынка газозовов были в то или иное время построены на корейских судостроительных верфях [13, Гутенев М.Ю.], а российская компания НОВАТЭК разместила заказ на целую серию танкеров-ледоколов для проекта Ямал-СПГ.

При этом Корея активно вовлечена в процессы развития научной дипломатии посредством инициации тех или иных форм международного сотрудничества, совместных научных исследований и бизнес-проектов в Арктике. В частности, это проявляется в том, что Сеул вовлечён в формирование прогнозов изменения климата в Арктике, участвует в составлении карт рельефа дна Северного Ледовитого океана, развивает багаж знаний о технологиях глубоководной добыче энергоресурсов [14, Dongmin Jin]. Такой взвешенный и бесконфликтный подход, безусловно, не может не находить поддержки со стороны российского руководства и профильных экспертов.

Достаточно противоречивую позицию в отношении Арктики занимает **КНР**⁵⁸. Так, Китай заявляет о том, что само развитие ситуации в Арктике выходит за пределы этого региона и интересов исключительно арктических стран, имея жизненно важное значение не только для внерегиональных игроков, но и для всего международного сообщества в целом⁵⁹. Ни много ни мало декларируется, что от развития ситуации здесь зависит «выживание, развитие и общее будущее всего человечества».

КНР рассматривает себя как государство, которое готово отвечать за выработку и усовершенствование правил поведения в Арктике, более того — системы управления в Аркти-

⁵⁶ Национальная гордость и коммерческие возможности влекут Южную Корею в Арктику URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/natsionalnaya-gordost-i-kommercheskie-vozmozhnosti-vlekut-yu/> (дата обращения: 1.04.2019).

⁵⁷ Зачем Азии Арктика? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zachem-azii-arktiki/> (дата обращения: 2.04.2019).

⁵⁸ China's Arctic Policy URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2019/01/26/content_281476026660336.htm (дата обращения: 18.04.2019).

⁵⁹ Тулупов Д. Членство Китая в арктическом Совете URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chlenstvo-kitaya-v-arkticheskom-sovete/> (дата обращения: 12.04.2019).

ческом регионе в целом⁶⁰. Цель такой системы предельно универсалистская — создать условия для защиты, развития и управления Арктикой в интересах всего человечества⁶¹. Весьма амбициозно Китай рассматривает себя как государство, которое из категории «norm-taker» хочет перейти в категорию «law-maker» [15, Timo Koivurova, с. 26].

Для этого Пекин готов сотрудничать не только с арктическими государствами, но и со всеми другими странами и участниками международного сообщества, включая международные государственные и негосударственные институты и организации. Фактически это весьма амбициозная попытка возглавить процесс усиления роли внерегиональных игроков в Арктике, успешно закамуфлированное желание играть среди них одну из ведущих ролей в формировании арктической повестки дня.

Китай позиционирует себя как околоарктическое государство, ссылаясь на то, что он является полноправным участником Парижского Договора 1920 г. по Шпицбергену. Очевидно, что ссылка на Договор по Шпицбергену чрезвычайно важна для Китая, так как она позволяет ему позиционировать себя как государство, которое с 1925 г. — то есть уже более 90 лет — вовлечено в арктическую проблематику. Кроме того, Шпицберген с начала 2000-х гг. стал для КНР своеобразным научным плацдармом в Арктике, и Китай не готов ослабить здесь своё присутствие. Правда, ссылка на такую богатую историю присутствия в Арктике выглядит немного странной, так как, в отличие от СССР и России, имеющих не только многолетнюю историю присутствия на архипелаге, но и определённые правовые основания для этого (русские поморы открыли и активно осваивали пространства и воды архипелага), первый интерес Пекина к Шпицбергену пришёлся лишь на начало 1990-х гг.

Кроме того, позиция Пекина в отношении правового статуса архипелага и масштабов проецирования суверенитета Норвегии над ним до сих пор чётко не сформулирована. Несмотря на то, что КНР заявляет о равных правах его участников по осуществлению различных видов деятельности на архипелаге и водах вокруг него, Китай вряд ли готов идти на усиление конфронтации с Осло по этому вопросу. Это связано с тем, что для Китая ссылка на безапелляционность применения исключительно норм и положений Конвенции 1982 г. к Арктике, апологетизация её значения — основа его правопритязаний на освоение и эксплуатацию пространств и ресурсов этого морского региона. В результате стратегия поведения Пекина в этом вопросе предельно проста: он будет выступать против любых ограничений прав стран-участниц Договора о Шпицбергене, но никогда не заявит о приоритете последнего над Конвенцией 1982 г.

Позиция Китая в отношении СМП также характеризуется определённой противоречивостью. Так, с одной стороны, заявляется, что КНР уважает законодательные, правоприменительные и судебные полномочия арктических стран в водах, находящихся под их юрисдик-

⁶⁰ Более подробно см.: Гудев П.А. Арктические амбиции Поднебесной URL: <https://globalaffairs.ru/number/Arkticheskie-ambicii-Podnebesnoi-19751> (дата обращения: 12.05.2019).

⁶¹ Бочков Д. зачем Китаю Арктика? URL: https://russiancouncil.ru/blogs/danil-bochkov/33820/?sphrase_id=28424984 (дата обращения: 11.05.2019).

цией. То есть речь идёт, как можно подумать, о том, что национальный уровень регулирования здесь признается со стороны Пекина. Однако, с другой стороны, подчёркивается тот факт, что управление арктическими судоходными маршрутами должно осуществляться в соответствии с договорами, включая Конвенцию 1982 г. и общее международное право, и что свобода судоходства, которой пользуются все страны, и их права на использование арктических морских путей, должны быть обеспечены.

Нет сомнений в том, что для КНР, крайне заинтересованной в вывозе российских минеральных и энергетических ресурсов по трассе СМП на свой внутренний рынок, а также во включении СМП в проект «Полярного шёлкового пути» с целью расширения возможностей экспорта китайских товаров на рынки других стран, свобода судоходства и максимально либеральный режим навигации по трассе СМП даёт гораздо больше преимуществ, чем достаточно жёстко регламентированный уровень регулирования, на котором настаивает Россия [9, с. 17–31].

Россия в принципе не возражает против прихода китайских инвестиций, в том числе направленных на развитие инфраструктуры на трассе СМП, включая строительство и модернизацию портов, терминалов, железных дорог. Включение СМП как составной части проекта «Один пояс и один путь» — под названием «Ледовый шёлковый путь» — с целью соединить Европу и Китай через Северный Ледовитый океан тоже не противоречит экономическим интересам Москвы, которая могла бы получать дивиденды от прихода сюда зарубежных судоходных компаний, включая китайские ⁶². С другой стороны, выпуск Министерством транспорта КНР ещё в 2014 г. своих национальных Руководств для китайского судоходства по Северному морскому пути, равно как и в отношении канадского Северо-Западного прохода, даже с юридической точки зрения выглядит не совсем уместно [16, Киенко Е.В., с. 22].

Интерес Китая к освоению и использованию арктических живых и неживых ресурсов совершенно понятен, так как этот процесс рассматривается в Поднебесной как залог её дальнейшего социально-экономического развития. Однако, принимая во внимание тот факт, что Арктика — это чрезвычайно уязвимый морской регион, здесь возникает резонный вопрос: а готов ли технологически Китай к освоению этих ресурсов, есть ли у него соответствующие, включая «зелёные», технологии?

Более того, несмотря на то, что Пекин активно рекламирует свою озабоченность климатическими изменениями, состоянием морской среды и её биоразнообразием в Арктике, целый ряд фактов вызывает определённое удивление. Так, например, по статистике Китай является крупнейшим в мире источником выбросов углекислого газа, на долю которого приходится примерно 30% от их общего объёма. Энергетика (угольная) и тяжёлая промышленность — основные источники выбросов в Китае [15, Тимо Коивурова, с. 39–43]. При этом

⁶² В ходе Питерского экономического форума 2019 г. состоялось подписание договора о создании совместного предприятия «Новатэка», «Совкомфлота», китайской Cosco Shipping и Фонда Шёлкового пути, которое будет работать для обеспечения круглогодичного судоходства на СМП. URL: <http://www.morvesti.ru/detail.php?ID=79016> (дата обращения: 3.07.2019).

огромное количество загрязнителей воздуха поступает в арктический регион напрямую из Китая и других государств Юго-Восточной Азии. Примечательно, что Пекин никак не сотрудничает и не обсуждает эти проблемы в рамках Арктического Совета.

Забота КНР об уровне жизни коренного населения Севера также выглядит достаточно лицемерной: эта проблематика активно педалируется Пекином не только в рамках ООН, но и Арктического Совета, однако для самого Пекина тематика, связанная с населением Тибета и Синдзянь-Уйгурского автономного округа — абсолютно табуированные темы, которые он нигде и ни с кем не готов обсуждать.

В итоге общая позиция Китая касательно Арктики строится на том, что это некий «общий морской регион», где интересы всех государств, в том числе и внерегиональных, имеют свои законные основания на существование. Китай при этом ставит перед собой основную задачу — сделать режим управления в Арктике ещё более совершенным, разработать и внедрить некие новые международные правила поведения в Арктике, с целью гарантировать права всех заинтересованных стран в регионе. Очевидно, что такая позиция означает ровно одно: Пекин всячески стремится размыть эксклюзивный характер сотрудничества и взаимодействия стран арктической пятёрки (Дания, Канада, Норвегия, Россия, США), заменив его на более инклюзивный, то есть основанный на более широком привлечении внерегиональных государств и игроков. Фактически речь идёт о максимальной интернационализации арктических пространств и ресурсов в угоду некоему абстрактному «международному сообществу». Такой подход, как представляется, не только не отвечает национальным интересам Российской Федерации, но и, без сомнений, вряд ли найдёт должную поддержку среди других арктических государств.

Заключение

Очевидно, что все арктические государства крайне заинтересованы в том, чтобы северный полярный регион оставался зоной мира и сотрудничества. Развитие международной кооперации и взаимодействия, с этой точки зрения, всегда будет оставаться залогом того, что диалог в Арктике будет возможен, даже несмотря на отдельные межгосударственные противоречия.

Здесь, безусловно, можно провести аналогию с Договором об Антарктике, равно как с другими международными соглашениями времён холодной войны по управлению «общими» пространствами (Договор по Космосу 1966 г.⁶³; Договор по морскому дну 1970 г.⁶⁴), за осно-

⁶³ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 18.05.2019).

⁶⁴ Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/seabed_wmd_prohibition.shtml (дата обращения: 18.05.2019).

ву которых был взят принцип ограниченного «сотрудничества». Арктика, в правовом смысле, никогда не может быть приравнена к Антарктике, однако развитие совместных научных исследований, общие интересы в области защиты морской среды и её биоразнообразия — это то, что объединяет эти два полярных региона. В конце концов, общение между экспертами и исследователями — это создание атмосферы большего доверия, которое будет неизбежно отражаться и на более высоком политическом уровне. В связи с этим 2017 г. было заключено Соглашение об усилении научного сотрудничества в Арктике, которое закладывает новые основы взаимоотношений как между арктическими странами, так и между ними и остальными внерегиональными государствами [17, Berkman P.A., Vylegzhanin A.N., Young O.R.].

Как ни парадоксально, но большая часть тезисов М.С. Горбачёва, озвученных им в 1987 г. во время визита в Мурманск — мирное сотрудничество по рациональному освоению ресурсов Севера и Арктики, в том числе путём создания совместных и смешанных фирм для разработки североморского шельфа; научное изучение Арктики и координация международных усилий в этой области; исследование проблематики коренного населения Севера; охрана окружающей среды Севера, включая и мониторинг радиационной безопасности во всех средах (земле, воздухе и воде); открытие СМП для прохода иностранных судов при советской ледокольной проводке (с правом захода в советские порты) [18, Фокин Ю.Е., Смирнов А.И., с. 9–10] — никуда не исчезли из российской повестки для Арктики.

Основная проблема в этой области заключается в том, что для многих государств мира вовлечение в арктические исследования и изыскания становится наиболее простым и удобным инструментом приобщения к арктической проблематике, включая её пространственную и ресурсную составляющие. Недаром в отношении Арктики уже давно употребляют такую концепцию как «научная дипломатия»⁶⁵. Нет сомнений, что многие глобальные проблемы, существующие и здесь — изменение климата, таяние арктических льдов, загрязнение морей и океана, защита морской среды и биоразнообразия — не могут быть решены в одиночку или даже в рамках государств арктической пятёрки. Однако для региональных государств чрезвычайно важным является установление некоего баланса между интересами устойчивого развития и решением собственных проблем в области обеспечения экологической, ресурсной, продовольственной и других аспектов национальной безопасности.

Российская Федерация поставлена в достаточно непростые условия. Находясь под санкционным прессом, она, с одной стороны, сохраняет крайнюю заинтересованность в восстановлении регионального взаимодействия, а с другой, — вынуждена искать новых партнёров и союзников в Арктике, хотя не всегда их интересы и целеполагания полностью совпада-

⁶⁵ См., например: Научная дипломатия: сотрудничество России и США в Арктике. URL: <https://russiancouncil.ru/news/v-rsmd-obsudili-vklad-nauchnoy-diplomatii-v-razvitie-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-v-arktike/> (дата обращения: 10.07.2019).

ют. Именно поэтому выбор арктических партнёров должен быть предельно взвешенным и стратегически выверенным.

Литература

1. Pedersen T. International Law and Politics in U.S. Policymaking: The United States and the Svalbard Dispute // *Ocean Development & International Law*. 2011. Vol. 42. Issue 1–2. Pp. 120–135.
2. Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К., Савва В.М. Правовой режим Шпицбергена и прилегающих морских районов. М.: Норма, 2019. 284 с.
3. Пилясов А.Н., Котов А.В. Потенциал российской Арктики для международного сотрудничества: доклад № 17 / 2015. М.: Спецкнига, 2015. 120 с.
4. Pedersen T. The Svalbard Continental Shelf Controversy: Legal Disputes and Political Rivalries // *Ocean Development & International Law*. 2006. Vol. 37. Issue 3–4. Pp. 339–358.
5. Anderson D.H. The Status under International Law of the Maritime Areas around Svalbard // *Ocean Development & International Law*. 2009. Vol. 40. Issue 4. Pp. 373–384.
6. Vylegzhanin A.N., Young O.R., Berkman P.A. Governing the Barents Sea Region: Current Status, Emerging Issues, and Future Options // *Ocean Development & International Law*. 2018. Vol. 49. Issue 1. Pp. 52–78.
7. Pedersen T. Denmark's Policies Toward the Svalbard Area // *Ocean Development & International Law*. 2009. Vol. 40. Issue 4. Pp. 319–332.
8. Страны-наблюдатели в Арктическом совете: позиция и мотивы деятельности. М.: АНО, 2014. 102 с.
9. Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы. Доклад № 26 / 2016. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2016. 56 с.
10. Гутенев М.Ю. Арктическая политика Токио: история и современность // *Вестник ЗабГУ*. 2017. Т. 23. № 9. С. 75–83.
11. Могилевкин И.М. Транспорт и коммуникации: прошлое, настоящее, будущее. М.: Наука, 2005. 356 с.
12. Журавель В.П. Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность // *Арктика и Север*. 2016. № 24. С. 112–144.
13. Гутенев М.Ю. Национальные интересы Южной Кореи в Арктике // *Проблемы дальнего Востока*. 2019. № 1. С. 46–53.
14. Dongmin J., Won-sang S., Seokwoo L. Arctic Policy of the Republic of Korea // *Ocean and Coastal Law Journal*. 2017. Vol. 22. No. 1. Pp. 85–96.
15. Timo Koivurova, Liisa Kauppila, Sanna Kopra, Marc Lanteigne, Mingming Shi, Malgorzata (Gosia) Smieszek, and Adam Stepien, in co-operation with Juha Kärpylä, Harri Mikkola, Egill Þór Níelsson and Matti Nojonen. China in the Arctic; and the Opportunities and Challenges for Chinese-Finnish Arctic Co-operation. Publications of the Government's analysis, assessment and research activities, 2019. 106 p.
16. Киенко Е.В. Международно-правовая характеристика арктической политики Китая // *Московский журнал международного права*. 2017. № 3. С. 18–30.
17. Berkman P.A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. Application and Interpretation of the Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation // *Московский журнал международного права*. 2017. № 3. С. 6–17.
18. Фокин Ю.Е., Смирнов А.И. Киркенесская Декларация о сотрудничестве в Баренцевом / Евро-арктическом регионе: взгляд из России 20 лет спустя. М., 2012. 88 с.

References

1. Pedersen T. International Law and Politics in U.S. Policymaking: The United States and the Svalbard Dispute. *Ocean Development & International Law*, 2011, vol. 42, issue 1–2, pp. 120–135.
2. Vylegzhanin A.N., Zilanov V.K., Savva V.M. *Pravovoj rezhim Shpicbergena i prilegayushchih morskikh rajonov* [Legal regime of Svalbard and adjacent marine areas]. Moscow, Norma Publ., 2019, 284 p.

3. Pilyasov A.N., Kotov A.V. *Potencial rossijskoj Arktiki dlya mezhdunarodnogo sotrudnichestva* [The potential of the Russian Arctic for international cooperation]: doklad № 17/2015 [report no. 17/2015]. Moscow, Spekniga Publ., 2015, 120 p. (In Russ.)
4. Pedersen T. The Svalbard Continental Shelf Controversy: Legal Disputes and Political Rivalries. *Ocean Development & International Law*, 2006, vol. 37, issue 3–4, pp. 339–358.
5. Anderson D.H. The Status under International Law of the Maritime Areas around Svalbard. *Ocean Development & International Law*, 2009, vol. 40, issue 4, pp. 373–384.
6. Vylegzhanin A.N., Young O.R., Berkman P.A. Governing the Barents Sea Region: Current Status, Emerging Issues, and Future Options. *Ocean Development & International Law*, 2018, vol. 49, issue 1, pp. 52–78.
7. Pedersen T. Denmark's Policies Toward the Svalbard Area. *Ocean Development & International Law*, 2009, vol. 40, issue 4, pp. 319–332.
8. *Strany-nablyudateli v Arkticheskom sovete: pozitsiya i motivy deyatel'nosti* [Observer countries in the Arctic Council: position and motives]. Moscow: ANO Publ., 2014, 102 p. (In Russ.)
9. *Aziatskie igroki v Arktike: interesy, vozmozhnosti, perspektivy* [Asian players in the Arctic: interests, opportunities, prospects]. Doklad № 26/2016 [Report no. 26/2016]. Ed. by I.S. Ivanov. Moscow, RIAC Publ., 2016, 56 p. (In Russ.)
10. Gutenev M.Yu. Arkticheskaya politika Tokio: istoriya i sovremennost' [The Arctic policy of Tokyo: history and modernity]. *Vestnik ZabGU* [Transbaikal State University Journal], 2017, vol. 23, no. 9, pp. 75–83.
11. Mogilevkin I.M. *Transport i kommunikacii: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Transport and communications: past, present, future]. Moscow, Nauka Publ., 2005, 356 p. (In Russ.)
12. Zhuravel V.P. Kitay, Respublika Koreya, Yaponiya v Arktike: politika, ekonomika, bezopasnost' [China, Republic of Korea and Japan in the Arctic: politics, economy, security]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2016, no. 24, pp. 112–144.
13. Gutenev M.Yu. Nacional'nye interesy Yuzhnoj Korei v Arktike [National interests of South Korea in the Arctic]. *Problemy dal'nego Vostoka*, 2019, no. 1, pp. 46–53.
14. Dongmin J., Won-sang S., Seokwoo L. Arctic Policy of the Republic of Korea. *Ocean and Coastal Law Journal*, 2017, vol. 22, no. 1, pp. 85–96.
15. Timo Koivurova, Liisa Kauppila, Sanna Kopra, Marc Lanteigne, Mingming Shi, Malgorzata (Gosia) Smieszek, and Adam Stepien, in co-operation with Juha Kämpylä, Harri Mikkola, Egill Þór Níelsson and Matti Nojonen. *China in the Arctic; and the Opportunities and Challenges for ChineseFinnish Arctic Co-operation. Publications of the Government's analysis, assessment and research activities*, 2019, 106 p.
16. Kienko E.V. Mezhdunarodno-pravovaya harakteristika arkticheskoy politiki Kitaya [International legal framework of the Arctic policy of the people's republic of China]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law], 2017, no. 3, pp. 18–30.
17. Berkman P.A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. Application and Interpretation of the Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law], 2017, no. 3, pp. 6–17.
18. Fokin Yu.E., Smirnov A.I. *Kirkenesskaya Deklaratsiya o sotrudnichestve v Barentsevom/Evroarkticheskom regione: vzglyad iz Rossii 20 let spustya* [Kirkenes declaration on cooperation in the Barents / Euro-Arctic region: a view from Russia 20 years later]. Moscow, 2012, 88 p. (In Russ.)

УДК 327(410+98)(98+410)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.84

Интересы Великобритании в Арктике *

© **ТОДОРОВ Андрей Андреевич**, кандидат юридических наук, научный сотрудник

E-mail: atodorov85@gmail.com

ИМЭМО РАН, Москва, Россия

© **ЛЫЖИН Дмитрий Николаевич**, ведущий научный сотрудник

E-mail: lyzhin.dmitry@gmail.com

Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Аннотация. В статье анализируются приоритеты государственной политики Великобритании в Арктике. Великобритания имеет давние традиции в изучении Арктики и является одной из первых стран-наблюдателей Арктического совета. В то же время арктическая стратегия Лондона в последние годы претерпевает ряд важных изменений, что является закономерной реакцией на меняющуюся ситуацию в регионе. Анализ доклада внешнеполитического ведомства Британии 2018 г. позволяет выделить четыре основных области интересов Соединённого королевства в Арктике. Во-первых, экономика страны продолжает в значительной степени опираться на углеводородные и биологические ресурсы Арктики. Во-вторых, после начала украинского кризиса и в условиях ухудшения отношений с Москвой власти Великобритании стали уделять гораздо большее внимание сфере безопасности, прежде всего, военной. В-третьих, важным направлением арктической политики страны, считающейся одним из мировых лидеров по сокращению выбросов парниковых газов, является решение проблемы изменения климата. Наконец, к приоритетам британской арктической политики относится развитие международного сотрудничества в регионе с опорой на научную дипломатию. Однако, несмотря на наличие официальных документов, закрепляющих приоритеты арктической стратегии Британии, политика Лондона в Арктике носит пассивный характер, что делает её объектом критики со стороны британских экспертов.

Ключевые слова: Великобритания, Арктика, Россия, международное сотрудничество в Арктике, судоходство, безопасность, нефть и газ, Арктический совет, Парижское соглашение.

The UK's interests in the Arctic

© **Andrey A. TODOROV**, Cand. Sci. (Law), research fellow

E-mail: atodorov85@gmail.com

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

© **Dmitriy N. LYZHIN**, leading researcher

E-mail: lyzhin.dmitry@gmail.com

Russian Institute for Strategic Studies, Moscow, Russia

Abstract. The article analyzes the priorities of British policy in the Arctic. The UK has a long tradition of studying the Arctic and is one of the first observer countries of the Arctic Council. At the same time, the Arctic strategy of London has undergone several significant changes, which are a natural reaction to the changing situation in the region. An analysis of the British Foreign Ministry report 2018 reveals four primary areas of the UK's interest in the Arctic. First, the country's economy continues to rely heavily on the hydrocarbon and bioresources of the Arctic. Secondly, after the outbreak of the Ukrainian crisis and in the conditions of deteriorating relations with Moscow, the British authorities have begun to pay more attention to

* Для цитирования:

Тодоров А.А., Лыжин Д.Н. Интересы Великобритании в Арктике // Арктика и Север. 2019. № 36. С. 84–95. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.84

For citation:

Todorov A.A., Lyzhin D.N. The UK's interests in the Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 36, pp. 84–95.

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.84

the security, primarily the military one. Third, an important direction of the UK Arctic policy is to solve the problem of climate change since the country considered one of the world leaders in reducing greenhouse gas emissions. Finally, the development of international cooperation in the region based on scientific diplomacy is one of the priorities of British Arctic politics. However, despite the official documents fixing the priorities of the UK's Arctic strategy, London's Arctic policy is passive. This fact is a reason for British expert criticism.

Keywords: *the UK, the Arctic, Russia, international cooperation in the Arctic, navigation, security, oil and gas, the Arctic Council, Paris Agreement.*

Введение

Продолжающиеся климатические изменения в Арктике и ускоренное таяние льдов, открывающие доступ к морям Северного Ледовитого океана, неизбежно ведут к повышению внимания к региону со стороны мирового сообщества. Помимо арктических стран, многие из которых увеличивают активность в регионе, к нему проявляют интерес нерегинальные государства и объединения [1, Конышев В.Н., Сергуни А.А., Рыхтик М.И., с. 156]. Вслед за Евро-союзом, принявшим в 2016 г. документ об интегрированной политике в Арктике, Китаем, в начале 2018 г. опубликовавшим Белую книгу об арктической стратегии ¹, и некоторыми европейскими странами о своих северных амбициях заявила Великобритания. В апреле 2018 г. Департамент полярных регионов британского министерства иностранных дел (Polar Regions Department of the Foreign and Commonwealth Office) Великобритании опубликовал доклад «Beyond the Ice: UK Policy Towards the Arctic» (далее — доклад 2018 г.) ², дополнивший другой официальный документ о политике государства в Арктике — «Adapting To Change UK policy towards the Arctic» 2013 г. ³ Доклад 2018 г. сигнализирует о желании Британии занимать ведущие позиции в решении арктических вопросов.

По мнению экспертов, активное включение нерегинальных игроков может привести к обострению экономических и политических противоречий в Арктике [2, Иванов И.С., с. 112]. Данный тезис не бесспорен, поскольку Арктика всегда являлась и остаётся регионом взаимовыгодного сотрудничества, характеризующимся правовой определённости, низким уровнем конфликтного потенциала и военных угроз [3, Загорский А.В., с. 15–18]. В то же время ухудшение отношений между Россией и Западом на фоне украинского кризиса сказалось и на Арктике. Речь идёт, прежде всего, о сфере военной безопасности, в которой западные страны свернули взаимодействие с Россией. Продолжаются взаимные обвинения сто-

¹ China's Arctic Policy The State Council Information Office of the People's Republic of China January 2018 http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (дата обращения 26.05.2019).

² Beyond the Ice UK policy towards the Arctic / HM Government. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/697251/beyond-the-ice-uk-policy-towards-the-arctic.pdf (дата обращения 26.05.2019).

³ Adapting To Change: UK policy towards the Arctic. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/251216/Adapting_To_Change_UK_policy_towards_the_Arctic.pdf (дата обращения 26.05.2019).

рон в милитаризации региона и агрессивном поведении⁴. На этом фоне примечательна появившаяся в СМИ в феврале 2019 г. информация о том, что Вооружённые силы Великобритании планируют увеличить своё присутствие в Арктике, «чтобы обеспечить защиту северного фланга НАТО от России»⁵.

Данные обстоятельства актуализируют вопрос о роли Британии в регионе, о её приоритетах и об оценке официальных документов в этой области.

Основные положения

Не являясь арктическим государством, Великобритания следует логике некоторых других неарктических стран, проявляющих интерес к Арктике (прежде всего, Китая), и позиционирует себя как «околоарктическое» государство [Depledge D., с. 31]. Главными аргументами Лондона по обоснованию своего интереса к полярному региону часто называются история и география. Британцы подчёркивают значительный вклад своих представителей в исследование Арктики начиная с XVI в. Важным периодом роста значимости Арктики для Британии стала Вторая мировая война, во время которой в условиях отправки арктических конвоев в помощь СССР Баренцево и Норвежское моря стали районом стратегического характера [5, Murray R.W., Dey Nuttall A., с. 551]. Что касается географического аргумента, власти Великобритании подчёркивают, что северная граница исключительной экономической зоны Шотландских островов заходит за Полярный круг. В этих условиях Шотландия является значительным аргументом Великобритании по обоснованию присутствия в Арктике. Доклад 2018 г. упоминает участие Шотландии в крупной международной конференции Arctic Circle. Более того, Шотландия намеревается в ближайшее время разработать собственную национальную стратегию в Арктике и выступает за более тесное взаимодействие с арктическими странами⁶. Однако не следует считать, что присутствие Британии в Арктике обосновывается властями только географически или исторически [6, Ананьева Е.В., Антюшина Н.М., с. 70].

В стратегии Великобритании в Арктике можно выделить четыре ключевых аспекта: экономика, безопасность, экология и международное сотрудничество. При этом в государстве отсутствует какой-либо единый орган, ответственный за проведение государственной линии в Арктике. Полномочия поделены между несколькими органами в зависимости от сферы деятельности и образуют достаточно сложную систему [7, Depledge D., с. 132]. Например, полномочия по решению климатических вопросов и вопросов, связанных с эксплуатацией энергоресурсов, закреплены за Департаментом энергетики и изменения климата (Department of Energy and Climate Change). Департамент транспорта (Department for Transport) и

⁴ MP Argues That Pompeo Provoked Unnecessarily – Fears for High North Cooperation/ High North New. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/argues-pompeo-provoked-unnecessary-fears-high-north-cooperation> (дата обращения 26.05.2019).

⁵ Telegraph: Британия нарастит военное присутствие в Арктике из-за России. РИА новости. URL: <https://ria.ru/20190218/1550999617.html> (дата обращения 26.05.2019).

⁶ Cool Britannia: The UK Updates its Arctic Policy. Over the Circle Arctic Politics and Foreign Policy URL: <https://overthecircle.com/2018/04/06/cool-britannia-the-uk-updates-its-arctic-policy/> (дата обращения 26.05.2019).

Агентство морской безопасности и береговой охраны (Maritime and Coastguard Agency) отвечает за сферу судоходства. Департамент окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства (Department for Environment, Food and Rural Affairs) занимается вопросами, связанными с эксплуатацией живых ресурсов, включая рыболовство, а также защитой окружающей среды. Научно-исследовательскими арктическими проектами занимается Департамент предпринимательской деятельности, инноваций и ремёсел (Department for Business, Innovation and Skills). Вопросы военной безопасности отнесены к Министерству обороны (Ministry of Defence), а международное сотрудничество в Арктике координируется Министерством иностранных дел (Foreign and Commonwealth Office).

Экономика

Одним из главных интересов страны за Полярным кругом остаётся решение энергетических проблем. Великобритания имеет собственные мощности по добыче нефти и газа, однако при этом испытывает значительный дефицит углеводородов, который покрывается за счёт импорта. Британия занимает одно из первых мест в мире по объёму импорта газа и нефти [6, Ананьева Е.В., Антюшина Н.М., с. 71]. При этом самым крупным партнёром Британии в данной сфере является арктическое государство — Норвегия. Например, в 2017 г. только из Норвегии импортировалось около 75% газа, а также 50% нефти⁷. По прогнозам, к 2030 г. общий импорт нефти может увеличиться до 73% [8, Еремина Н.В., с. 9].

При этом британские нефтегазовые компании относятся к самым крупным в мире. По данным за 2018 г., англо-голландская Shell занимает первое место в мире в нефтегазовой сфере (по совокупным критериям дохода, товарооборота, активов и др.), British Petroleum — седьмое⁸. Обе корпорации, несмотря на присоединение Лондона к антироссийским санкциям Вашингтона и Брюсселя, тесно сотрудничают с российскими партнёрами именно по арктическим инициативам. Так, BP владеет 19,75% акций Роснефти, в 2017 г. компании запустили ряд совместных проектов в российской Арктике⁹. Такая противоречивая позиция объясняется тем, что Великобритания традиционно связывала свои энергетические интересы с Россией, которая стала для неё приоритетным рынком углеводородов после распада СССР [8, Еремина Н.В., с. 16]. В то же время, стремясь диверсифицировать источники энергии, в 2012 г. британское правительство заключило соглашение с Исландией об обеспечении электроснабжения из геотермальных источников Исландии с помощью подводных кабелей [4, Depledge D., с. 84].

⁷ UK ENERGY IN BRIEF 2018. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/728374/UK_Energy_in_Brief_2018.pdf (дата обращения 26.05.2019).

⁸ The World's Largest Oil & Gas Companies 2018: Royal Dutch Shell Surpasses Exxon As Top Dog. URL: <https://www.forbes.com/sites/clairepoole/2018/06/06/global-2000-oil-gas/#6a0f02801d1b> (дата обращения 26.05.2019).

⁹ BP Strategic Report 2018. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/investors/bp-annual-report-and-form-20f-2017.pdf> (дата обращения 26.05.2019).

Помимо этого, определённые экономические перспективы в Арктике Великобритании связывает с открывающимися транспортными маршрутами. В докладе 2018 г. отмечается важность Северного морского пути и Северо-Западного прохода, которые обладают потенциалом по обеспечению дополнительного короткого товарного маршрута между рынками Азии и Европы¹⁰. Лондон является мировым лидером в области страхования судовых компаний, выполняющих рейсы, в том числе и в Арктике. В лондонских компаниях на многомиллионные суммы страхуются риски, связанные с нефтеразливами, подъёмом затонувших судов, жизнью и здоровьем экипажа и пассажиров и т.д. Судовой регистр Ллойда (Lloyd's Register) ведёт освидетельствование около 25% всего действующего в мире ледокольного флота и является вторым крупнейшим классификационным сообществом (после Российского морского регистра)[4, Depledge D., с. 86].

Кроме того, традиционный интерес британские власти проявляют к рыболовству в арктических морях. Страна остаётся одним из крупнейших импортёров трески и пикши [4, Depledge D., с. 90]. В 2014 г. годовой оборот рыбной индустрии Великобритании составил около 3 млрд фунтов. 95% трески в магазинах Британии вылавливается в арктических водах. Среди крупнейших поставщиков — Канада, Дания, Фарерские острова и Норвегия [4, Depledge D., с. 91]. В этих условиях Лондон следит за развитием ситуации вокруг рыбной индустрии в Арктике. Это относится и к районам за пределами национальной юрисдикции Северного Ледовитого океана, в отношении которого в 2018 г. было заключено международное соглашение о введении временного запрета на коммерческое рыболовство¹¹.

Безопасность

Гораздо больше внимания в докладе 2018 г., по сравнению с документом 2013 г., уделяется вопросам безопасности. Как отмечают британские эксперты, это является показателем возросшей озабоченности Лондона в отношении меняющейся обстановки в Арктике¹². Причём речь идёт не только о возникающих угрозах в связи с интенсификацией судоходства и нехватки поисково-спасательных ресурсов, но и о вызовах в области военной безопасности. Об этом свидетельствует заявление Министерства обороны Великобритании в сентябре 2018 г. о разработке военной стратегии в Арктике [9, Depledge D., Dodds K., Kennedy-Pipe C., с. 28]. В данный момент документ находится в стадии разработки и должен быть опубликован до конца 2019 г. Великобритания признает право арктических государств по защите своих интересов на Крайнем Севере, но вместе с тем отмечает, что «наращивание военных ресурсов некоторыми арктическими странами делает будущее региона менее

¹⁰ Beyond the Ice UK policy towards the Arctic.

¹¹ Участниками соглашения являются пять арктических прибрежных государств — Дания, Канада, Норвегия, Россия, США — четыре крупных рыболовецких держав — Исландия, Китай, Республика Корея, Япония, а также Евро-союз. Россия подписала соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в Арктике // ТАСС, 3 октября 2018 г. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5633940> (дата обращения 26.05.2019).

¹² Cool Britannia: The UK Updates its Arctic Policy.

определённым»¹³. Хотя конкретные страны не упоминаются прямо, с учётом серьёзного ухудшения отношений Москвы и Лондона на фоне скандального дела Скрипалей, не остаётся сомнений в том, что в заявлении имелось в виду наше государство¹⁴.

Необходимо отметить, что рост внимания британских властей к военной безопасности в Арктике неразрывно связан с событиями на Украине в 2014 г. Последующий кризис в отношениях с Россией сказался на оценках некоторых политиков Великобритании действий России по модернизации военной инфраструктуры в регионе [9, Depledge D., Dodds K., Kennedy-Pipe C., с. 35]. Лондон видит в Северном флоте ВМФ России угрозу северному флангу НАТО. Однако, как отмечают британские эксперты, Арктика сама по себе не должна стать поводом для начала военного конфликта¹⁵.

В этих условиях Арктика стала важной составляющей в обосновании британскими военными необходимости увеличения финансирования оборонных нужд в целях обеспечения адекватного ответа на «угрозу» России. В этих же целях проводится ряд мероприятий совместно с союзными государствами. Так, в 2017 г. подводные лодки королевских ВМС возобновили работу в Арктике в рамках совместных с США учений ICEX. В 2018 г. подводная лодка HMS Trenchant провела всплытие в арктических льдах впервые за последнее десятилетие. Кроме того, британские морские пехотинцы по плану должны будут составлять основную долю в военном контингенте из 800 бойцов, проводящих ежегодные учения в Норвегии с целью протестировать и подготовить военные ресурсы в полярных условиях [9, Depledge D., Dodds K., Kennedy-Pipe C., с. 35].

В вопросах сотрудничества в области военной безопасности в Арктике центральной площадкой доклад 2018 г. называет НАТО. Военно-морские силы Британии проводят регулярные учения в Норвегии совместно со своими союзниками по НАТО (Британия, Польша, Германия, Нидерланды, северные и прибалтийские страны)¹⁶. В то же время, как известно, серьёзному продвижению НАТО в Арктике препятствует отсутствие единства по данной проблеме среди государств-членов. Противоположные позиции занимают Норвегия и Канада: норвежцы являются наиболее последовательными сторонниками расширения деятельности альянса на Севере, тогда как Оттава не видит необходимости в более заметной роли альянса в Арктике [3, Загорский А.В., с. 244–248]. В этих условиях Великобритания стремится к координации усилий с Норвегией и США, формируя так называемый «Северный треугольник» Североатлантической военной сотрудничества [9, Depledge D., Dodds K., Kennedy-Pipe C., с. 36].

¹³ Beyond the Ice UK policy towards the Arctic.

¹⁴ Cool Britannia: The UK Updates its Arctic Policy.

¹⁵ The United Kingdom, Scotland and the Arctic. Arctic Institute. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/united-kingdom-scotland-arctic/> (дата обращения 26.05.2019).

¹⁶ House of Lords Select Committee on the Arctic - Report of Session 2014–15, UK Parliament. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld201415/ldselect/ldarctic/118/11809.html> (дата обращения 26.05.2019).

В целом за последние пять лет Британия демонстрирует своё желание военного присутствия в Арктике, мотивируя это в основном угрозой со стороны России. Такой подход несколько противоречит более традиционной составляющей британской политики в регионе, опирающейся на сотрудничество с арктическими государствами по решению проблем невоенного характера — прежде всего, связанных с изменением климата. Несмотря на такую трансформацию и очевидный рост напряжённости в отношениях с Москвой, британские эксперты призывают не рассматривать новую военную стратегию страны в Арктике как объявление холодной войны и гонки вооружений [9, Depledge D., Dodds K., Kennedy-Pipe C., с. 36]. Об этом свидетельствует и тот факт, что с 2010 г. технические ресурсы Министерства обороны в полярных регионах сокращались¹⁷.

Помимо участия в арктических мероприятиях НАТО, Великобритания была задействована в других форматах сотрудничества в области безопасности в регионе. Так, с 2011 г. проводились встречи Круглого стола по вопросам арктической безопасности. Цель заключалась в неформальном обсуждении развития обстановки в области безопасности в Арктике. В мероприятиях, помимо арктических стран, участие принимали военные Великобритании, Германии, Нидерландов и Франции. Однако с 2014 г. заседания Круглого стола проходят без участия представителей России [10, Загорский А.В., с. 99].

Что касается невоенных угроз, в национальной стратегии Великобритании по безопасности на море 2014 г.¹⁸ отмечалось, что открытие северных маршрутов наряду с экономическим интересом представляет потенциальную угрозу безопасности судоходства. Интерес к проблемам судоходства обуславливает и тот факт, что Лондон принимал активное участие — через Международную морскую организацию и рабочую группу Арктического совета РАМЕ — в разработке и принятии Полярного кодекса, вступившего в силу в 2017 г. и содержащего требования к судам, функционирующим в арктических водах. Британия является сторонником жёстких экологических ограничений в области судоходства: в частности, выступает за постепенное введение требования о нулевых выбросах с судов в полярных морях¹⁹.

Климатическое направление

Как и другие неарктические государства, Британия делает акцент на взаимосвязи климатических изменений в Арктике и процессов, происходящих в других регионах мира, в частности и на своей территории. В связи с этим Соединённое королевство подчёркивает необходимость добиваться устойчивого развития Арктики с учётом важности природоохранных мер. Как отмечено в докладе Департамента полярных регионов британского МИД 2018 г., страна намерена активно участвовать в выработке мер по защите морской среды

¹⁷ House of Lords Select Committee on the Arctic.

¹⁸ The UK National Strategy for Maritime Security 2014. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/310323/National_Strategy_for_Maritime_Security_2014.pdf (дата обращения 27.05.2018).

¹⁹ Beyond the Ice UK policy towards the Arctic.

Арктики, предотвращению загрязнения пластиком, сохранению биоразнообразия и экосистем. В данной области Лондон отмечает свой вклад в сокращение выбросов парниковых газов, в том числе в рамках глобальных климатических инструментов. Важнейшим из них называется Парижское соглашение к Рамочной конвенции ООН об изменении климата (ООН) [11, Копылов М.Н., Копылов С.М., Мохаммад С.М.А., с. 139]. Этот международный документ призывает не допустить превышения глобальной среднегодовой температуры на 2 градуса Цельсия, а также принять меры, чтобы не превысить уровень в 1,5 градуса²⁰. Парижское соглашение по климату вступило в силу в 2016 г., набрав требуемое число подписантов — его одобрили 55 стран, на которые приходится 55% мировых выбросов парниковых газов. Лондон ратифицировал соглашение в конце ноября 2016 г.

Следует отметить, что Соединённое королевство стояло у истоков формирования глобальных подходов к решению климатических проблем [12, Gray T.S., с. 125]. Ещё в 1989 г., выступая с трибуны ООН, премьер-министр страны М. Тэтчер заявила о необходимости развития международного сотрудничества в данном направлении²¹.

Ключевым законодательным актом Британии, в рамках которого реализуется национальная климатическая политика, является принятый в 2008 г. Закон об изменении климата (Climate Change Act 2008). Документ стал первой в мире юридически обязывающей нормой национального законодательства, направленной на борьбу с изменением климата через сокращение выбросов парниковых газов. Основная цель закона заключается в уменьшении суммарного объёма эмиссии парниковых газов в стране к 2050 г. (на 80% ниже, чем в базовом 1990 г.²²). Эта цель впоследствии была закреплена в национальном вкладе страны в сокращение глобальных выбросов в рамках Парижского соглашения.

Несмотря на сохраняющуюся заинтересованность Британии в освоении арктических углеводородных ресурсов, страна является одним из мировых лидеров по сокращению выбросов парниковых газов, делая акцент на декарбонизации энергетики [13, Пугачев А.В., с. 109]. Соединённое королевство стремительно снижает использования угля. В 2015 г. Министерством энергетики был озвучен план по полному отказу от данного вида топлива к 2025 г. В 2019 г. экономика Соединённого королевства впервые с начала индустриального периода смогла на неделю отказаться от использования угля. Важным инструментом должен стать налог на выбросы парниковых газов, который будет поэтапно увеличиваться²³.

²⁰ Paris agreement // United Nations Framework Convention on Climate Change. 2019. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (дата обращения: 16.05.2019).

²¹ Пророческий дар Маргарет Тэтчер и изменение климата // Новости ООН. 19.04.2013. URL: <https://news.un.org/ru/audio/2013/04/1017611> (дата обращения: 16.05.2019).

²² UK Climate Change Act 2008 // The National Archive. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2008/27/pdfs/ukpga_20080027_en.pdf (дата обращения: 16.05.2019).

²³ S. Evans UK coal use to fall to lowest level since industrial revolution // Carbon Brief. 15.01.2015 URL: <https://www.carbonbrief.org/uk-coal-use-to-fall-to-lowest-level-since-industrial-revolution> (дата обращения: 16.05.2019).

По данным Департамента окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства, реализация положений Закона об изменении климата и продвижение идей низкоуглеродной экономики позволили стране к 2018 г. сократить эмиссию на 40% относительно 1990 г.²⁴ Это на 6% больше промежуточных показателей, заложенных в Законе. При этом можно отметить, что за прошедшие 10 лет экономика Британии выросла более чем на две трети. Это является лучшим показателем на душу населения, чем в любой другой стране «большой семёрки». В настоящее время на ВИЭ приходится около 23% от общей энергетической мощности страны.

Британия планирует и в дальнейшем наращивать свои действия по борьбе с климатическими изменениями. После анализа вышедшего в октябре 2018 г. специального доклада Межправительственной группы экспертов по изменению климата²⁵, правительством страны было сделано заявление о том, что Лондон намерен пересмотреть свою климатическую политику в сторону ужесточения. Новым целевым показателем может стать «нулевая эмиссия» парниковых газов в 2050 г.²⁶ Таким образом, Соединённое Королевство будет способствовать достижению амбициозных целей Парижского соглашения. Важно подчеркнуть, что в вопросах реализации климатической политики Соединённое королевство не ориентируется на США, которые заявили о своём выходе из Парижского соглашения и всячески саботируют его реализацию на международном уровне, в том числе и в рамках работы арктических организаций²⁷. Трудности в достижении Лондоном новых задач климатической политики можно связать с намеченным на ближайшее время выходом страны из Европейского союза, т.к. ряд важных экологических программ Британии финансируется из консолидированного бюджета ЕС.

Международное сотрудничество и научная дипломатия

Международное сотрудничество в Арктике является одним из приоритетов Британии. В арктической стратегии Великобритании, принятой в 2013 г., подчёркивается, что отправной точкой международного управления и регулирования в регионе являются суверенные права собственно арктических государств, а также международные договоры и конвенции, среди которых особенно выделяется Конвенция 1982 г. Страна стала одним из первых наблюдателей в Арктическом совете в 1998 г., через два года после образования форума. Доклады 2013 и 2018 гг. отмечают важную роль совета в налаживании конструктивного сотрудниче-

²⁴ Most detailed picture yet of changing climate launched // UK Department for Environment Food & Rural Affairs 2018. URL: <https://www.gov.uk/government/news/most-detailed-picture-yet-of-changing-climate-launched> (дата обращения: 16.05.2019).

²⁵ Global Warming of 1.5 °C // IPCC Special Report. 2018. URL: <https://www.ipcc.ch/sr15/> (дата обращения: 16.05.2019).

²⁶ Великобритания пересмотрит долгосрочные цели по климату // ИА ТАСС. 20.04.2019. URL: <https://tass.ru/plus-one/5146239> (дата обращения: 16.05.2019).

²⁷ Somini Sengupta United States Rattles Arctic Talks With a Sharp Warning to China and Russia // The New York Times. 06.05.2019. <https://www.nytimes.com/2019/05/06/climate/pompeo-arctic-china-russia.html> (дата обращения: 16.05.2019).

ства в регионе, несмотря на отсутствие у совета компетенции по решению вопросов военной безопасности. Развивая двустороннее сотрудничество с арктическими странами, а также другими заинтересованными игроками, Британия, согласно документу, опирается на научную дипломатию²⁸.

Как отмечается в протоколах слушаний в парламенте Британии по арктическим вопросам, самым значимым, с точки зрения арктических стран, вкладом Британии в сотрудничество в регионе являются достижения страны в области науки²⁹. Великобритания считается одним из лидеров по исследованиям в Арктике среди нерегиональных государств. Около 9% всех научных публикаций по арктическим вопросам проходят под авторством (и в соавторстве) британских организаций³⁰. В частности, королевство является мировым лидером в области изучения криосферы и биологического разнообразия, процессов изменения климата в Арктике, а также изменения состояния льдов Гренландии. С 1991 г. в Нью-Оллесунд на Шпицбергене работает британская научно-исследовательская станция. Головной государственной организацией в научной сфере является Британский научный совет по изучению природной среды (Natural Environmental Research Council). В его функции входит финансирование и координация научно-исследовательской деятельности британских научных организаций [6, Ананьева Е.В., Антюшина Н.М., с. 72]. В рамках NERC было учреждено «Бюро по изучению природы Арктики» (NERC Arctic Office) со штаб-квартирой в Кэмбридже. За период 2012–2017 гг. NERC произвела инвестиции в изучение Арктики на сумму более 30 миллионов фунтов стерлингов³¹. На следующие пять лет запланировано финансирование программы Changing Arctic Ocean на сумму 16 миллионов фунтов стерлингов³².

Вместе с тем британский парламент отмечает, что в Арктике реализуется далеко не весь научный потенциал страны. Наука в регионе финансируется ситуативно, в зависимости от реализации конкретных проектов, отсутствует чёткая государственная стратегия по научным исследованиям, ощущается недостаточность присутствия британских учёных в международных арктических институтах, в том числе в рабочих группах Арктического совета³³.

Помимо проведения собственных исследований в Арктике, Великобритания является участником европейских совместных проектов и программ, например, EU-PolarNet. Финансирование таких проектов (до выхода Британии из ЕС) частично или полностью происходит из бюджета ЕС. Доклад 2018 г. отмечает, что сотрудничество с ЕС в данной сфере может быть существенно осложнено после «брекзита». Однако многое будет зависеть от будущего соглашения о выходе Британии из объединения³⁴.

²⁸ Beyond the Ice UK policy towards the Arctic.

²⁹ House of Lords Select Committee on the Arctic.

³⁰ Там же.

³¹ The United Kingdom, Scotland and the Arctic.

³² Beyond the Ice UK policy towards the Arctic.

³³ House of Lords Select Committee on the Arctic.

³⁴ Beyond the Ice UK policy towards the Arctic.

Заключение

В целом анализ доклада 2018 г. позволяет сделать вывод о росте значения Арктики во внешней политике Великобритании. Однако британские эксперты отмечают, что поведение страны в Арктике всегда было скорее «реактивным», чем «проактивным» [8, Еремина Н.В., с. 10]. С одной стороны, продолжается поиск причин, по которым Арктика будет выгодна британской экономике и безопасности. Власти Британии, осознавая, что её будут приветствовать в регионе только в качестве партнёра, с помощью доклада стремятся убедить мировое сообщество в своей собственной полезности для Арктики.

В то же время именно эти обстоятельства позволяют считать, что, несмотря на очевидное ухудшение отношений с Москвой и попытки увидеть в развитии военной инфраструктуры в Арктике агрессивные намерения России, Крайний Север продолжит рассматриваться Лондоном как регион взаимовыгодного сотрудничества всех заинтересованных стран, а не как арена военного противостояния.

Литература

1. Конышев В.Н., Сергунин А.А., Рыхтик М.И. Арктическая стратегия европейских стран: проблемы и перспективы // Арктика: зона мира и сотрудничества / Под ред. А.В. Загорского. М.: ИМЭМО РАН, 2011. Гл. 10. С. 156–169.
2. Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: хрестоматия : в 3 т. / Под ред. И.С. Иванова. Российский совет по межд. делам (РСМД). М.: Аспект Пресс, 2013. Т. 3. 663 с.
3. Международно-политические условия развития Арктической зоны Российской Федерации / Под. ред. А.В. Загорского; ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2015. 304 с.
4. Depledge D. Britain and the Arctic / Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018. 142 p. DOI 10.1007/978-3-319-69293-7
5. Murray R.W., Nuttall A.D. International Relations and the Arctic: Understanding Policy and Governance / Cambria Press, 2014. 725 p.
6. Ананьева Е.В., Антюшина Н.М. Арктическая политика Великобритании // Арктика и Север. 2016. № 24. С. 68–79. DOI 10.17238/issn2221-2698.2016.24.68
7. Depledge D. The United Kingdom and the Arctic in the 21st Century / Arctic Yearbook 2012. Ed. by Heininen L. Akureyri, Iceland: Northern Research Forum. Pp. 130–138.
8. Еремина Н.В. Арктический вектор британской углеводородной стратегии // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 3. С. 6–28.
9. Depledge D., Dodds K., & Kennedy-Pipe C. The UK's Defence Arctic Strategy // The RUSI Journal. 2019. No. 164 (1). Pp. 28–39. DOI 10.1080/03071847.2019.1605015
10. Загорский А.В. Нестратегические вопросы безопасности и сотрудничества в Арктике. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 104 с. DOI 10/20542/978-5-9535-0492-8
11. Копылов М.Н., Копылов С.М., Мохаммад С.М.А. Формирование глобальной экологической политики и международных режимов международного экологического управления: per aspera ad astrum // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 2. С. 138–148.
12. Gray T.S. UK Environmental Policy in the 1990s / Palgrave Macmillan, London, 2016. 308 p. DOI <https://doi.org/10.1007/978-1-349-24237-5>
13. Пугачев А.В. Экологическая политика в некоторых европейских странах: различные подходы // Вестник КемГУ. 2014. № 3 (59). С. 109–111.

References

1. Konyshov V.N., Sergunin A.A., Rykhtik M.I. Arkticheskaya strategiya evropeyskikh stran: problemy i perspektivy [Arctic strategy of European states: problems and prospects]. *Arktika: zona mira i sotrudnichestva* [Arctic: zone of peace and cooperation]. Ed. by Zagorskiy A. Moscow, IMEMO Publ. pp. 156–169. (in Russ.)
2. *Arkticheskii region: Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva: khrestomatiya : v 3 t.* [Arctic region: problems of international cooperation]. Ed. by I.S. Ivanov. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2013, vol. 3, 663 p. (in Russ.)
3. *Mezhdunarodno-politicheskie usloviya razvitiya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii* [International political development of the Arctic Zone of the Russian Federation]. Ed. by A. V. Zagorskiy. Moscow, Magistr Publ., 2015, 304 p. (in Russ.)
4. Depledge D. *Britain and the Arctic*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018, 142 p. DOI: 10.1007/978-3-319-69293-7
5. Murray R.W., Nuttall A.D. *International Relations and the Arctic: Understanding Policy and Governance*. Cambria Press Publ., 2014, 725 p.
6. Anan'eva E.V., Antyushina N.M. Arkticheskaya politika Velikobritanii [The Arctic policy of the UK]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2016, no. 24, pp. 61–70. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.24.68
7. Depledge D. The United Kingdom and the Arctic in the 21st Century. *Arctic Yearbook 2012*. Ed. by Heininen L. Akureyri, Iceland: Northern Research Forum, pp. 130–138.
8. Eremina N.V. Arkticheskii vektor britanskoy uglevodorodnoy strategii [Arctic vector of British energetic strategy]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Russian Journal of Education and Psychology], 2017, vol. 8, no. 3, pp. 6–28.
9. Depledge D., Dodds K., & Kennedy-Pipe C. The UK's Defence Arctic Strategy. *The RUSI Journal*, 2019, no. 164 (1), pp. 28–39. DOI 10.1080/03071847.2019.1605015
10. Zagorskiy A.V. *Nestrategicheskie voprosy bezopasnosti i sotrudnichestva v Arktike* [Conventional security and cooperation in the Arctic]. Moscow, IMEMO Publ., 2016, 104 p. DOI 10/20542/978-5-9535-0492-8 (In Russ.)
11. Kopylov M.N., Kopylov S.M., Mokhammad S.M.A. Formirovanie global'noy ekologicheskoy politiki i mezhdunarodnykh rezhimov mezhdunarodnogo ekologicheskogo upravleniya: per aspera ad astrum [Formation of global ecological policy and international regimes for international ecological management: per aspera ad astrum]. *Vestnik VolGU. Seriya 5: Yurisprudentsiya* [Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence], 2015, no. 2, pp. 138–148.
12. Gray T.S. *UK Environmental Policy in the 1990s*. Palgrave Macmillan Publ., London, 2016, 308 p. DOI <https://doi.org/10.1007/978-1-349-24237-5>.
13. Pugachev A.V. Ekologicheskaya politika v nekotorykh evropeyskikh stranakh: razlichnye podkhody [Environmental policies in some European countries: different approaches]. *Vestnik KemGU* [Bulletin of Kemerovo State University], 2014, no. 3 (59), pp. 109–111.

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

УДК 325-053.81(985)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.96

Миграционные установки и механизмы привлечения молодёжи в Арктическую зону Российской Федерации *

© ГАЛИМУЛЛИН Эдуард Зульфатович, аспирант

E-mail: edmsk11@gmail.com

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Аннотация. В данной статье автор рассматривает проблему миграционного оттока населения из регионов Арктической зоны Российской Федерации, значительную часть которого составляют представители социально активной части молодёжи. Проведённое исследование мотиваций молодых людей к переезду на постоянное или временное место жительства в Арктику показало, что в сознании данной социальной группы доминирует представление о регионе, характеризующееся скорее негативными ассоциациями, вроде «льда», «холода» и «снега». Несмотря на это, было выявлено существование конкретных материальных стимулов, которые, по оценкам респондентов, положительным образом повлияли бы на возможное решение о переезде, — речь идёт о предоставлении дополнительных оплачиваемых отпусков и арендного жилья. Удалось также установить примерные границы минимальной заработной платы, достаточной для принятия решения о переезде. Автор утверждает, что в изменившихся после распада СССР социально-экономических условиях, государственная политика в отношении привлечения в Арктику трудовых ресурсов требует окончательной определённости в выборе обсуждаемых вариантов развития макрорегиона, а также согласованности всех принятых на законодательном уровне мер в контексте скорого принятия базового закона об Арктической зоне Российской Федерации. Необходимо продолжать и политику поддержки различных волонтерских организаций как наиболее активных и мобильных структур по информированию молодёжи о возможностях трудоустройства в регионах Арктики и вовлечению её представителей в общественно полезную деятельность.

Ключевые слова: Россия, Арктика, АЗРФ, молодёжь, государственная политика, демография, волонтер, Север.

Migration attitudes and mechanisms for attracting young people to the Russian Arctic

© Eduard Z. GALIMULLIN, postgraduate student

E-mail: edmsk11@gmail.com

Russian Presidential Academy of National Economic and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. In this article, the author considers the migration outflow of the population from the Russian Arctic, a significant part of which are representatives of the socially active youth. A study of young people's motivations to move to a permanent or temporary place of residence in the Arctic showed that the idea of a region dominates the consciousness of this social group, characterized more by negative associations, such as "ice", "cold" and "snow". Nevertheless, some specific material incentives that, according to re-

* Для цитирования:

Галимуллин Э.З. Миграционные установки и механизмы привлечения молодёжи в Арктическую зону Российской Федерации // Арктика и Север. 2019. № 36. С. 96–109. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.96

For citation:

Galimullin E.Z. Migration attitudes and mechanisms for attracting young people to the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 36, pp. 96–109. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.96

spondents, would positively influence a possible decision to relocate revealed. We are talking about providing additional paid vacations and rental housing. It was also possible to establish approximate boundaries of the minimum wage enough to decide on moving. The author claims that in the socio-economic conditions changed after the collapse of the USSR. The state labor policy in the Arctic requires clarification concerning the discussed development options. Also, it demands the coherence of all measures taken at the legislative level in the context of speedy adoption of the fundamental law on the Russian Arctic. It is necessary to continue the policy of supporting various volunteer organizations as the most active and mobile structures for informing young people about employment opportunities in the Arctic and involving their representatives in socially useful activities.

Keywords: *Russia, the Arctic, the Russian Arctic, youth, government policy, demography, volunteer, North.*

Введение

Одной из главных проблем российской Арктики остаётся стремительная убыль населения. Распад СССР и последующая деградация коммунального хозяйства ряда городов Заполярья [1, Конышев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В., с. 1190] стали причиной массовой миграции населения в центральные и южные регионы России, составившей порядка 30–50% от всей арктической территории [2, Pilyasov A.N., с. 232]. Некоторые исследователи отмечают, что ещё более массовая эмиграция не стала возможной благодаря тому факту, что около 95% из числа резидентов Севера не располагали достаточными для переезда накоплениями [3, Andrienko Y., Guriev S., с. 11].

Фактором, располагающим к более заметным показателям миграции из регионов Севера в сравнении с остальной страной, было изначально относительно молодое и образованное население региона [4, Heleniak T.E., с. 39]. Возвращение на историческую родину этой преимущественно социально активной группы привело к увеличению на Севере доли социально незащищённых граждан, что губительно сказалось на территориальных бюджетах [5, Витязева В.А., Котырло Е.С., с. 85], ухудшая и без того негативную ситуацию. Сегодня, когда Россия в полной мере «возвращается» в Арктику, определяет для себя приоритеты развития региона на долгосрочной основе [6, Mikkola J., Kärnä H., с. 163] и реализует крупные инфраструктурные проекты, очевидно, что проблема дефицита трудовых ресурсов требует внимания и решения.

В таблице ниже мы видим, что в подавляющем большинстве субъектов Арктической зоны Российской Федерации наблюдается стабильный отток населения. В абсолютных значениях больше всего жителей в период с 2010 по 2018 гг. потеряла Мурманская область — 41 852 человек. Но это — самый населённый субъект АЗРФ. В процентном же выражении наибольшие потери понесли Республики Карелия и Коми (-17,11% и -19,34% по отношению к 2010 году соответственно).

Таблица 1

Динамика численности населения субъектов, входящих (частично или полностью) в Арктическую зону Российской Федерации в период с 2010 по 2018 гг.

Регион	Год						Убыль всего (2010- 2018)
	2010	2014	2015	2016	2017	2018	
Архангельская область	664 465	656 624	655 100	652 867	650 755	646 899	-17 566 (-2,64%)
Красноярский край	229 392	228 493	226 935	227 546	227 220	227 972	-1 420 (-0,62%)
Мурманская область	795 409	771 058	766 281	762 173	757 621	753 557	-41 852 (-5,26)
Ненецкий АО	42 090	43 025	43 373	43 838	43 937	43 997	1 907 (4,53%)
Республика Карелия	51 634	47 432	46 186	45 070	44 301	42 799	-8 835 (-17,11%)
Республика Коми	95 854	84 707	82 953	81 442	80 061	77 314	-18 540 (-19,34%)
Республика Саха (Якутия)	28 325	26 488	26 182	26 147	26 210	26 063	-2 262 (-7,99%)
Чукотский АО	50 526	50 555	50 540	50 157	49 822	49 348	-1 178 (-2,33%)
Ямало-Ненецкий АО	522 904	539 671	539 985	534 104	536 049	538 547	15 643 (2,99%)

Положительную динамику демонстрируют автономные округа: Ненецкий (4,53%) и Ямало-Ненецкий (2,99%). Совсем небольшие показатели убыли у арктических территорий Красноярского Края (-0.62%) и Чукотского АО (-2.33%). На основании этих данных мы можем сделать вывод о том, что наиболее существенный отток населения происходит именно в Европейской части российской Арктики — наиболее урбанизированной и промышленно развитой.

Рост численности по субъектам Арктической зоны Российской Федерации в целом был обусловлен включением в её состав в 2017 г. некоторых территорий Республики Карелии (рис. 1). Без соответствующего включения убыль составила бы примерно 8 000 человек, что, в целом, соответствовало бы общему тренду [7, Галимуллин Э.З., с. 271].

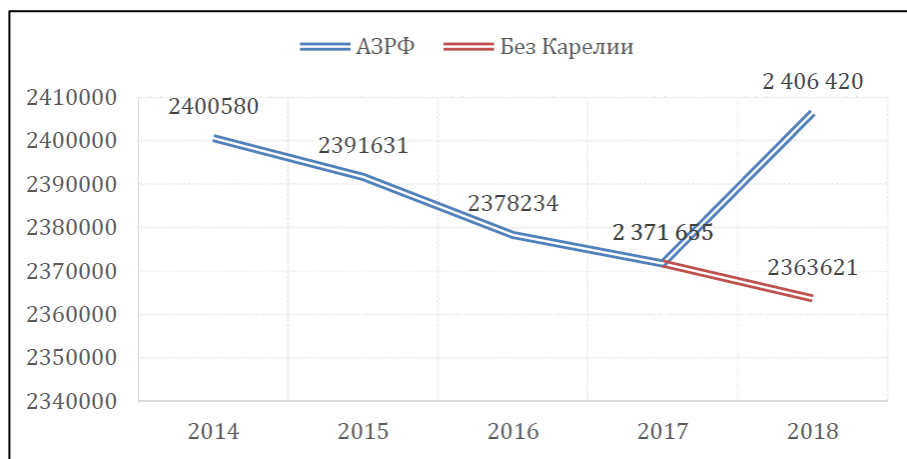

Рисунок 1. Динамика численности населения АЗРФ.

Мы говорим именно об оттоке, потому что, как отмечают исследователи, убыль населения обеспечивается преимущественно не естественным движением, а за счёт миграционного оттока населения [8, Иванова М.В., с. 184]. Более того, в последнее время сокращение происходит на фоне естественного прироста, что, в некоторой степени, выполняет компенсирующую функцию [9, Tatarkin A.I., Loginov V.G., Zakharchuk E.A., с. 15].

Постановка проблемы

Опрос, проведённый Нидерландским экономическим институтом (Netherlands Economic Institute) ещё в 1998 г., выявил три основные причины миграции из северных регионов: «мы всегда рассматривали наше нахождение на Севере как временное» (29% респондентов), «оставаться на Севере стало бессмысленно» (27%) и «хочется вернуться к родным местам, к родственникам и друзьям» (23%) [10]. Сегодня люди покидают Арктику преимущественно в связи со снижением преимуществ в оплате труда [11, Волгин Н.А., Широкова Л.Н., Мосина Л.Л., с. 38] и отсутствием перспектив для продолжения образования и работы в своём населённом пункте [8, Иванова М.В.].

Некоторые авторы отмечают и более глубокие системные причины депопуляции регионов Арктической зоны, например, общую межрегиональную дифференциацию в социально-экономическом развитии субъектов РФ [12, Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н., с. 988]. Арктические проблемы, по мнению некоторых исследователей, являются следствием общероссийских, вызванных сложностью перехода к рыночной экономической системе, приватизацией государственной собственности [13, Andreassen N., с. 82] с единственной оговоркой: именно этот макрорегион страны в наибольшей степени вообрал в себя результаты политики социалистического размещения и развития производительных сил [14, Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н., с. 117]. А, соответственно, и проблемы здесь требуют гораздо больших усилий для их разрешения.

Наиболее мобильной группой населения в Арктике является молодёжь: желание её представителей получить качественное образование, а также неудовлетворённость социально-экономическим состоянием региона и отсутствием перспектив работы в своём насе-

лённом пункте соответствуют общероссийской тенденции [8, Иванова М.В., с. 187]. В Советском Союзе была выстроена целая система по привлечению в регионы Крайнего Севера специалистов и квалифицированных молодых рабочих, включающая различного рода надбавки и повышенные районные коэффициенты. В последнее же время действующие размеры данных коэффициентов ниже фактических различий в стоимости жизни по сравнению со средней по России [11, Волгин Н.А., Широкова Л.Н., Мосина Л.Л., с. 40], не говоря уже о различиях в уровне жизни населения в широком его понимании. Однако стоит отметить, что миграционные настроения среди молодых людей высоки не только в России. Результаты одного из крупных исследований по этой проблеме продемонстрировали, что 74% молодёжи всего Баренц-региона всерьёз задумывается о миграции [15, Tuhkunen A., с. 145].

В контексте продолжающихся ввиду отсутствия базового закона об Арктической зоне Российской Федерации дискуссий о путях развития макрорегиона, возможной ставке на вахтовый метод, большое значение имеет понимание современной мотивации наиболее мобильной части населения — молодёжи — относительно жизни и работы в Арктике.

Методы и результаты

В период с октября 2018 г. по январь 2019 г. нами при грантовой поддержке Проектного офиса по развитию Арктики (ПОРА) было проведено исследование установок российской молодёжи в возрасте от 18 до 33 лет (опрошено 100 человек), проживающей вне Арктического региона, на предмет выявления благоприятствующих и, напротив, препятствующих факторов возможного переезда на временное, или постоянное место жительства в регионы АЗРФ. Специально разработанный опросник включал 9 пунктов, по каждому из которых респондентам было предложено выбрать один, либо несколько вариантов ответов. Опрос проводился в два этапа:

- 31 октября — очное участие и ответы на вопросы анкеты в ходе проведения автором исследования мероприятия «День Арктики» по проекту, разработанному по итогам арктической экспедиции (Arctic Expedition) в городе Хельсинки с 5 по 7 сентября на грантовые средства «ПОРА»;
- 1 октября — 31 января — заполнение анкеты респондентами в сети Интернет (расылка анкеты производилась посредством социальных сетей через друзей и знакомых автора из разных городов, соответствующих критериям целевой группы).

В качестве рабочей гипотезы выступало предположение о том, что современная российская молодёжь, проживающая вне регионов АЗРФ, довольно плохо осведомлена об Арктике как о регионе в целом, но имеет фрагментарные, разрозненные представления о тяжёлых природных условиях и относительно высоких доходах северян. Среди задач исследования были представлены следующие: определение текущих миграционных настроений молодёжи, установление некоторых конкретных показателей мотивации к жизни и работе в Арктическом регионе, а также сравнение полученных данных с результатами похожих опросов.

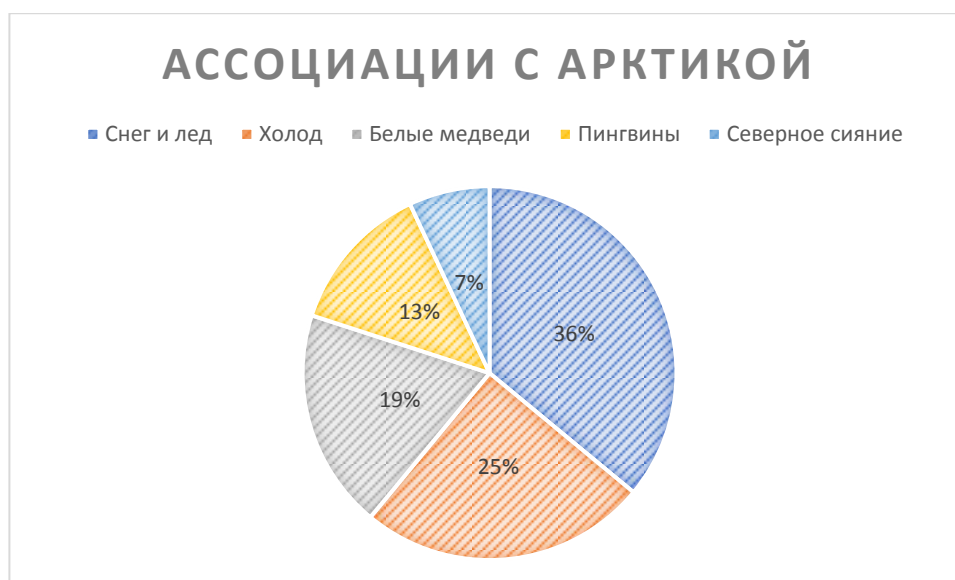

Рисунок 2. Процентное соотношение указанных респондентами ассоциаций.

Более чем в половине случаев Арктика ассоциируется у молодых людей с холодом, снегом и льдом (рис. 2), что полностью коррелирует с некоторыми аналогичными исследованиями [16, Назукина М.В., с. 61]. Последние два термина при анализе результатов мы объединили в одну позицию, поскольку это фактически два состояния одного и того же вещества. Третьей самой популярной ассоциацией оказались белые (полярные) медведи, затем — пингвины и северное сияние.

Хотелось бы отметить два момента. Во-первых, пингвины в Арктике не обитают. Очевидно, что здесь имеет место влияние различных рекламных роликов и неосведомлённость о разнице между Арктикой и Антарктикой (Антарктидой). В подтверждение этому — практически полное отсутствие ассоциаций с Северным Ледовитым океаном, составляющей частью всего региона в целом. Три самых популярных ассоциации мы считаем объективными, но негативно окрашенными, то есть не влияющими положительным образом на решение о возможном переезде в северные регионы.

Результаты, подчёркивающие достаточно слабую осведомлённость молодёжи об Арктическом регионе, подтверждаются и другими опросами (рис. 3) — в частности, проведённым ИА REGNUM в 2017 г., в котором приняли участие 61 895 человек ¹.

¹ Более половины молодёжи считает освоение Арктики важным: опрос. REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2344640.html> (дата обращения: 30.05.2019).

Рисунок 3. Доли граждан, по-разному оценивших собственную информированность о проблемах Арктики, в группах респондентов разного возраста, %.

Федеральные и региональные власти могли бы проводить информационные кампании, направленные не только на формирование Арктики как туристического бренда, но и на информирование молодых специалистов о высоких заработных платах в регионах Арктической зоны РФ. Причём не только для вахтовиков, но и для бюджетников².

Подавляющее большинство молодых людей (60%) не планирует в ближайшие 10–15 лет с той или иной целью переезжать в арктические регионы России (рис. 4).

Рисунок 4. Процентное соотношение ответов респондентов в соответствии с указанным ими баллом (1 — минимальная вероятность; 5 — максимальная).

Среди факторов, отрицательно влияющих на решение о возможном переезде, респондентами были особенно обозначены суровые климатические условия (ровно половина опрошенных оценила негативное влияние данного фактора на максимальный балл), низкое качество жизни и удалённость части субъектов АЗРФ от крупных городов европейской части России (рис. 5). Любопытно, что преступность и плохая экология практически не повлияли бы

² Как заинтересовать молодёжь оставаться в Арктике. Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/social/kak-zainteresovat-molodezh-ostavatsya-v-arktike.html> (дата обращения: 05.05.2019).

на решение о переезде для 56% и 46% соответственно. Суть комментариев, которыми некоторые участники очного этапа сопровождали отдельные вопросы, сводилась примерно к следующему: качество жизни не настолько важно, если ты приезжаешь на непродолжительное время с целью заработка, а преступность и плохая экология в равной степени присутствуют во всей нашей стране, независимо от региона.

Рисунок 5. Процентное соотношение ответов респондентов в соответствии с указанным ими баллом (1 — минимальная вероятность; 5 — максимальная).

Дополнительные оплачиваемые отпуска и предоставление арендного жилья были названы основными для принятия положительного решения о переезде (рис. 6).

Рисунок 6. Процентное соотношение ответов респондентов в соответствии с указанным ими баллом (1 — минимальная вероятность; 5 — максимальная).

Данные факторы определяют миграционное поведение молодёжи на протяжении последних десятилетий. По результатам похожих опросов, проводимых ранее по данной тематике, было установлено, например, что 76% и 26% опрошенных студентов Мурманской области назвали высокую заработную плату и возможность получения жилья стимулами проживания и работы в регионах Арктики [17, Лаженцев В.Н., с. 199]. Среди других важных

факторов, помимо рассмотренных, присутствуют такие как «улучшение бытовых условий», «улучшение качества медицины», «регулирование цен».

Интересен был вопрос о наименьшей приемлемой границе заработной платы — для половины респондентов она находится в пределах 100–200 тысяч рублей. Практически каждого пятого (18%) устроила бы сумма до 100 тысяч рублей, а для 26% эта сумма превышает 200 тысяч рублей (рис. 7). Исследовательская группа Санкт-Петербургского горного университета в прошлом году получила данные, согласно которым молодые люди, не планирующие переезжать в Арктику, готовы это сделать за заработную плату в 270 тысяч рублей, а для рассматривающих такую возможность диапазон приемлемых значений составляет 150–200 тысяч рублей [18, Nikulina A. и др., с. 94].

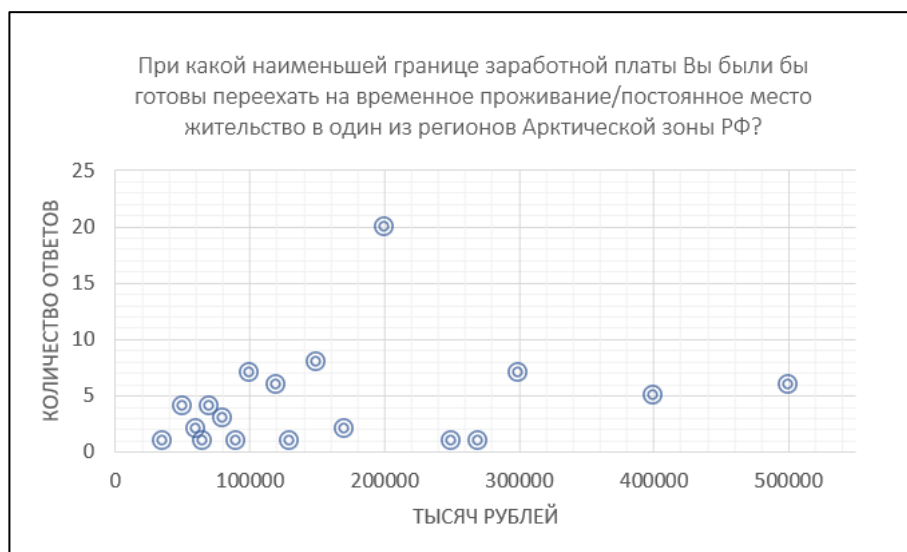

Рисунок 7. Процентное соотношение ответов респондентов в соответствии с указанным ими баллом (1 — минимальная вероятность; 5 — максимальная).

Дискуссия

Таким образом, несмотря на понятное и вполне логичное отсутствие желания российской молодёжи переезжать в регионы АЗРФ, существуют вполне определяемые и измеряемые факторы, которые могли бы способствовать привлечению нужных специалистов в регион. Даже при учёте наличия солидного советского опыта в данной области очевидно, что в современных условиях нужен принципиально новый социально-экономический механизм привлечения и закрепления населения во вновь осваиваемые районы Севера и Арктики — некоторые авторы здесь отмечают возможность разработки концепции молодёжной миграционной политики и экономического механизма кредитования демографических и миграционных мер привлечения и закрепления населения во вновь осваиваемых районах Севера и Арктики [19, Фаузер В.В., с. 78]. К данному вопросу необходимо подходить комплексно,

поскольку молодых людей интересуют не только арендное жильё и высокий доход, но и развитая инфраструктура: кинотеатры, парки, аэропорты, гипермаркеты и так далее³.

Нельзя сказать, что российские власти не уделяют внимания привлечению молодёжи в Арктические регионы: несколько инициатив в этом направлении были предприняты Росмолодёжью^{4,5}, непосредственно в целях подготовки кадров для Арктики в 2009 г. был основан Архангельский Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (САФУ). Снижение оттока научно-технических кадров, повышение спроса на высококвалифицированные научно-технические кадры и более активное привлечение молодых специалистов и учёных были обозначены в качестве ожидаемых результатов одной из подпрограмм Государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации», срок реализации которой недавно был продлён до 2025 г.⁶

С 2014 г. функционирует и постоянно набирает добровольцев, преимущественно для решения экологических задач, Межрегиональная общественная организация «Зелёная Арктика»⁷ со штаб-квартирой в г. Салехард. На региональном уровне нужно отметить Арктический молодёжный центр компетенций⁸, созданный в 2016 г. при Комитете по молодёжной политике и взаимодействию с общественными организациями Правительства Санкт-Петербурга. Заслуживает внимания и просветительская деятельность национального парка «Русская Арктика»⁹, образованного в 2011 г. Министерством природных ресурсов и экологии. Работу в этом направлении нужно продолжать.

Возможности для инициативных представителей общества популяризировать арктическую тематику предоставляют различные грантовые программы. Например — Проектного офиса развития Арктики, с момента своего создания в 2017 г. распределившего уже более 100 грантов. По Президентским грантам за аналогичный период лишь 4 проекта, в названии которых упоминается слово «Арктика», получили финансирование — здесь очевидны возможности роста¹⁰.

Не менее значимыми являются и меры, предпринимаемые организациями, осуществляющими свою деятельность в Арктическом регионе с целью формирования устойчи-

³ Молодёжь не хочет работать в Арктике даже за 270 тысяч в месяц. Форпост Северо-Запад. URL: <https://forpost-sz.ru/a/2019-05-24/molodyozh-ne-khochet-rabotat-v-arktike-dazhe-za-270-tysyach-v-mesyac> (дата обращения: 30.05.2019).

⁴ Международный молодёжный образовательный форум «Арктика. Сделано в России». Росмолодёжь. URL: <https://fadm.gov.ru/activity/events/arctic> (дата обращения: 06.05.2019).

⁵ Молодёжный день Международного арктического форума "Арктика — территория диалога". Росмолодёжь. URL: <https://myrosmol.ru/measures/view/24234> (дата обращения: 06.05.2019).

⁶ РФ потратит на освоение Арктики более 160 млрд рублей до 2025 года. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4521028> (дата обращения: 07.05.2019).

⁷ Зелёная Арктика. О нас. URL: <http://greenarctic.ru/about/> (дата обращения: 06.05.2019).

⁸ Арктический молодёжный центр компетенций. Правительство Санкт-Петербурга. URL: <https://krmp.gov.spb.ru/arkticheskij-molodezhnyj-centr-kompetencij/> (дата обращения: 06.05.2019).

⁹ Русская Арктика. О парке. URL: <http://www.rus-arc.ru/ru/AboutPark/History> (дата обращения: 06.05.2019).

¹⁰ Фонд Президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф> (дата обращения: 30.05.2019).

вого кадрового резерва и повышения мотивации сотрудников. Предоставление путёвок в отель на черноморское или средиземноморское побережье, к примеру, практикуется в ПАО «ФосАгро», флагманское предприятие которого — АО «Апатит», — расположено в Мурманской области¹¹.

Однако действительно большое значение в контексте развития АЗРФ и решения проблемы дефицита трудовых ресурсов имеет базовый закон об Арктической зоне, который, возможно, будет принят уже в этом году. Неудачу всех предыдущих попыток его принятия некоторые авторы объясняют отсутствием некоего целостного основания, «идеологического ядра» [20, Pilyasov A.N., Kuleshov V.V, Seliverstov V.E., с. 15] для подобного фундаментального нормативно-правового акта, детального знания проблемы, а также абстрагированием от предшествующего опыта у каждой новой команды [21, Жуков М.А., Крайнов В.Н., с. 4]. Окончательное оформление им АЗРФ как особого объекта государственного регулирования позволит, мы полагаем, сформировать полноценное понимание перспективных целей и задач, а также конкретных механизмов их достижения и реализации.

Главы регионов должны провести значительную работу в направлении брендинга территорий. Её результатами могут стать не только привлечение молодёжи на постоянное / временное проживание, но и возможное увеличение туристического потока, для чего, в частности, законодателям необходимо сформировать логичную структуру организационно-правовых условий, принимая во внимание имеющийся опыт других арктических государств [22, Dawson D., Johnston M., Stewart E.]. Позитивным шагом в этом направлении, задающим стратегические приоритеты развития, явилось недавнее утверждение Правительством Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 гг.)», в которой целая глава посвящена вопросам развития перспективного туристского укрупнённого инвестиционного проекта «Русская Арктика», а также подчёркнута важность реализации программных мероприятий для создания условий по стимулированию интереса молодёжи к историческому и культурному наследию России¹².

Заключение

Очевидно, что решение проблем оттока населения из российской Арктики и привлечения в регион трудовых ресурсов требует комплексного подхода. Многочисленные инициативы государства в этом направлении, на наш взгляд, будут работать значительно лучше в контексте существования базового закона об АЗРФ, который планируется принять уже в ближайшее время. Условия, при которых формировалась политика арктического расселения

¹¹ Молодёжь не хочет работать в Арктике даже за 270 тысяч в месяц. Форпост Северо-Запад. URL: <https://forpost-sz.ru/a/2019-05-24/molodyozh-ne-khochet-rabotat-v-arktike-dazhe-za-270-tysyach-v-mesyac> (дата обращения: 30.05.2019).

¹² Концепция федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)» (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 мая 2018 г. № 872-р).

в СССР, изменились, и, при наличии общих с остальной Россией причин происходящих на Крайнем Севере изменений, эта политика требует пересмотра в контексте стратегических государственных приоритетов целей и задач по долгосрочному развитию Арктики.

В результате проведённого нами исследования мы выяснили, что, несмотря на общее нежелание российской молодёжи переезжать в регионы АЗРФ, а также поверхностные представления о регионе в целом, существуют довольно определённые, измеряемые количественные показатели. В первую очередь, это материальные стимулы — предоставление арендного жилья, высокая заработная плата, дополнительные оплачиваемые отпуска. И только после этого следуют мотивы личного характера, переезд родственников и т.д. На эти показатели, а также на широкую информационно-просветительскую кампанию относительно возможностей, которые существуют в Арктике для молодых людей, должна опираться современная государственная политика в регионе, которая постепенно получает институциональное и нормативно-правовое оформление.

Мы надеемся, что выводы нашего исследования и рассмотренные результаты иных опросов послужат как в качестве необходимой базы для дальнейшего мониторинга ситуации, так и непосредственно для совершенствования социально-экономической политики в отношении российской Арктики, принятия необходимых мер и решений.

Благодарности и финансирование

Автор выражает благодарность Проектному офису развития Арктики (ПОРА) за предоставленный 21 октября 2018 года грант в размере 50 тысяч рублей на реализацию проекта «Проведение образовательного мероприятия «День Арктики».

Литература

1. Конышев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В. Социальная мобильность в российской Арктике // Национальные интересы приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 6. С. 1189–1196.
2. Pilyasov A.N. Russia's Arctic frontier: Paradoxes of development // Reg. Res. Russ. 2016. Т. 6. № 3. С. 227–239.
3. Andrienko Y., Guriev S. Understanding Migration in Russia, 2005. 46 с.
4. Heleniak T.E. The role of attachment to place in migration decisions of the population of the Russian North // Polar Geogr. 2009. Т. 32. № 1–2. С. 31–60.
5. Витязева В.А., Котырло Е.С. Социально-экономическое развитие Российского и зарубежного Севера. Сыктывкар: Федеральное агентство по образованию Российской Федерации Сыктывкарский государственный университет, 2007. 298 с.
6. Mikkola J., Kämpylä H. Contemporary Arctic Meets World Politics: Rethinking Arctic Exceptionalism in the Age of Uncertainty // The Global Arctic Handbook. Springer International Publishing, 2019. Вып. Springer I. С. 153–169. DOI: 10.1007/978-3-319-91995-9_10
7. Галимуллин Э.З. Социально-экономическое развитие субъектов «Арктической зоны Российской Федерации» в контексте устойчивого развития региона // Материалы II Международной научно-практической конференции «Безопасность природопользования в условиях устойчивого развития». ФГБОУ ВО «ИГУ», Геогр. Фак, 2018. С. 269–273.
8. Иванова М.В. Современные предпосылки будущего арктических трудовых ресурсов // Социология труда. 2017. Т. 6. № 142. С. 180–198. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.08
9. Tatarkin A.I., Loginov V.G., Zakharchuk E.A. Socioeconomic problems in development of the Russian Arctic zone // Herald of the Russian academy of sciences. 2017. Т. 87. № 1. С. 12–21.

10. Netherlands Economic Institute. Migration From the Russian North: Profile, Mechanisms of Migration and Adjustment in Recipient Regions. Rotterdam and Moscow, 1998.
11. Волгин Н.А., Широкова Л.Н., Мосина Л.Л. Актуальные вопросы развития российского севера: компенсационные и стимулирующие системы, направленные на привлечение и закрепление населения в северных и арктических регионах // Уровень жизни населения регионов России. 2018. Т. 2. № 208. С. 34–46. DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10013
12. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Социально-экономические приоритеты устойчивого развития Арктического макрорегиона России // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 4. С. 985–1004. DOI: 10.17059/2017-4-2
13. Andreassen N. Arctic energy development in Russia — How «sustainability» can fit? // Energy Research & Social Science. 2016. Т. 16. С. 78–88.
14. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Состояние и задачи государственного управления социально-экономическим развитием российской Арктики: правовой аспект // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. Т. 2. С. 114–138.
15. Tuhkunen A. Between Location and a Sense of Place Observations Regarding Young People's Migration Alacrity in Northern Europe. Tampere: University of Tampere, 2007. 2002 p.
16. Назукина М.В. Основные тренды позиционирования регионов Российской Арктики // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. Т. 5. С. 59–68.
17. Лаженцев В.Н. Пространственные и временные тенденции социально-экономических процессов на Российском Севере / Под ред. В.Н. Лаженцева. Москва-Сыктывкар, 2012, с. 198–200.
18. Nikulina A. и др. Factors for mobilizing human resources to work in the Arctic // Арктика: история и современность: труды ежегодной международной научной конференции. Saint-Petersburg: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. С. 90–98.
19. Фаузер В.В. Демографический потенциал северных регионов России — фактор и условие экономического освоения арктики // Экономика региона. 2014. Т. 34. № 985. С. 69–81.
20. Pilyasov A.N., Kuleshov V.V., Seliverstov V.E. Arctic Policy in an Era of Global Instability : Experience and Lessons for Russia // Reg. Res. Russ. 2015. Т. 5. № 1. С. 10–22. DOI: 10.1134/S2079970515010086
21. Жуков М.А., Крайнов В.Н. Проблемы нормативно-правового закрепления Арктической зоны Российской Федерации // Новый Дальний Восток. 2008. Спецприложение «Русская Арктика». С. 2–33.
22. Dawson D., Johnston M., Stewart E. The unintended consequences of regulatory complexity: The case of cruise tourism in Arctic Canada // Mar. Policy. 2017. Т. 76. February. С. 71–78.

References

1. Konyshov V.N., Sergunin A.A., Subbotin S.V. Sotsial'naya mobil'nost' v rossiyskoy Arktike [Social mobility in the Russian Arctic]. *Natsional'nye interesy priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2017, vol. 13, no. 6, pp. 1189–1196.
2. Pilyasov A.N. Russia's Arctic frontier: Paradoxes of development. *Reg. Res. Russ.*, 2016, vol. 6, no. 3, pp. 227–239.
3. Andrienko Y., Guriev S. *Understanding Migration in Russia*, 2005. 46 p.
4. Heleniak T.E. The role of attachment to place in migration decisions of the population of the Russian North. *Polar Geogr.*, 2009, vol. 32, no. 1–2, pp. 31–60.
5. Vityazeva V.A., Kotyrlo E.S. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossiyskogo i zarubezhnogo Severa* [Socio-economic development of the Russian and foreign North.]. Syktyvkar, Syktyvskarskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2007. 298 p. (In Russ.)
6. Mikkola J., Kämpylä H. Contemporary Arctic Meets World Politics: Rethinking Arctic Exceptionalism in the Age of Uncertainty. *The Global Arctic Handbook*, Springer International Publishing, 2019, iss. Springer I., pp. 153–169. DOI: 10.1007/978-3-319-91995-9_10
7. Galimullin E.Z. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie sub"ektov «Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii» v kontekste ustoychivogo razvitiya regiona [Socio-economic development of the sub-projects of the “Arctic zone of the Russian Federation” in the context of sustainable development of the region]. *Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Bezopasnost' pri-*

- rodopol'zovaniya v usloviyakh ustoychivogo razvitiya»* [Materials and the International scientific-practical conference "Environmental Management in Sustainable Development"]. FGBOU VO «IGU», Geogr. Fak, 2018, pp. 269–273.
8. Ivanova M.V. Sovremennye predposylki budushchego arkticheskikh trudovykh resursov [Modern background for the future of Arctic labor]. *Sotsiologiya truda*, 2017, vol. 6, no. 142, pp. 180–198. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.08
 9. Tatarkin A.I., Loginov V.G., Zakharchuk E.A. Socioeconomic problems in development of the Russian Arctic zone. *Herald of the Russian academy of sciences*, 2017, vol. 87, no. 1, pp. 12–21.
 10. Netherlands Economic Institute. *Migration From the Russian North: Profile, Mechanisms of Migration and Adjustment in Recipient Regions*. Rotterdam and Moscow, 1998.
 11. Volgin N.A., Shirokova L.N., Mosina L.L. Aktual'nye voprosy razvitiya rossiyskogo severa: kompensatsionnye i stimuliruyushchie sistemy, napravlennye na privlechenie i zakreplenie naseleniya v severnykh i arkticheskikh regionakh [Topical Questions of Developing the Russian North: Compensation and Incentive Systems Intended to Attract and Consolidate the Population in the Northern and Arctic Regions]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living standards of the population in the regions of Russia], 2018, vol. 2, no. 208, pp. 34–46. DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10013
 12. Leksin V.N., Porfir'ev B.N. Sotsial'no-ekonomicheskie priority ustoychivogo razvitiya Arkticheskogo makroregiona Rossii [Socio-Economic Priorities for the Sustainable Development of Russian Arctic Macro-Region]. *Ekonomika regiona* [Economy of region], 2017, vol. 13, no. 4, pp. 985–1004. DOI: 10.17059/2017-4-2
 13. Andreassen N. Arctic energy development in Russia — How «sustainability» can fit? // *Energy Research & Social Science*, 2016, vol. 16, pp. 78–88.
 14. Leksin V.N., Porfir'ev B.N. Sostoyanie i zadachi gosudarstvennogo upravleniya sotsial'no-ekonomicheskimi razvitiem rossiyskoy Arktiki: pravovoy aspekt [Current State and Goals of Russian Arctic Legal Regulation of Socio-Economic Development]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Public administration issues], 2018, vol. 2, pp. 114–138.
 15. Tuhkunen A. *Between Location and a Sense of Place Observations Regarding Young People's Migration Alacrity in Northern Europe*. Tampere: University of Tampere Publ., 2007. 2002 p.
 16. Nazukina M.V. Osnovnye trendy pozitsionirovaniya regionov Rossiyskoy Arktiki [Major trends ranking of Russia's Arctic regions]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences], 2013, vol. 5, pp. 59–68.
 17. Lazhentsev V.N. Prostranstvennye i vremennye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov na Rossiyskom Severe [Spatial and temporal trends of socio-economic processes in the Russian North]. Ed. by V.N. Lazhentseva. Moscow-Sykt'ykar, 2012, pp. 198–200.
 18. Nikulina A. i dr. Factors for mobilizing human resources to work in the Arctic. *Arktika: istoriya i sovremennost' : trudy ezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Arctic: history and modernity: proceedings of the annual international scientific conference]. Saint-Petersburg: POLITEKH-PRESS Publ., 2019, pp. 90–98.
 19. Fauzer V.V. Demograficheskiy potentsial severnykh regionov Rossii — faktor i uslovie ekonomicheskogo osvoeniya arktiki [The demographic potential of the northern regions of Russia — a factor and condition for the economic development of the Arctic]. *Ekonomika regiona* [Economy of region], 2014, vol. 34, no. 985, pp. 69–81.
 20. Pilyasov A.N., Kuleshov V.V., Seliverstov V.E. Arctic Policy in an Era of Global Instability : Experience and Lessons for Russia. *Regional research of Russia*, 2015, vol. 5, no. 1, pp. 10–22. DOI: 10.1134/S2079970515010086
 21. Zhukov M.A., Kraynov V.N. Problemy normativno-pravovogo zakrepleniya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii [Problems of legal consolidation of the Arctic zone of the Russian Federation]. *Novyy Dal'niy Vostok, Special application "Russian Arctic"*, 2008, pp. 2–33.
 22. Dawson D., Johnston M., Stewart E. The unintended consequences of regulatory complexity: The case of cruise tourism in Arctic Canada. *Mar. Policy*, 2017, vol. 76, February, pp. 71–78.

УДК 316:[364-3+364.2+364.642](470.11)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.110

Восстановительные технологии социальной работы как важное условие сохранения и обеспечения безопасности семьи (на примере Архангельской области) *

© ФЕДУЛОВА Анна Борисовна, кандидат философских наук, доцент

E-mail: fedulova.ann@mail.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Аннотация. Обеспечение социальной безопасности современной семьи является актуальной проблемой и приоритетом национальной политики Российской Федерации. В современном обществе прослеживается взаимосвязь между системой социальной безопасности общества и ресурсностью семьи. Семейная ресурсность выступает как совокупность потенциалов, направленных на поддержание стабильности семьи, развитие её компетентности в решении семейных проблем. В связи с этим актуальность представляют технологии социальной работы, направленные на активизацию ресурсов семьи, включение в процесс сопровождения семьи ближайшего окружения, которое становится активным субъектом в изменении семейного неблагополучия. Таким инструментом выступают восстановительные технологии, ориентированные на ресурсный потенциал семьи и ресурсы социального капитала. Данные технологии получили широкое распространение в зарубежном опыте социальной работы и являются перспективным направлением в российской практике. Использование восстановительных технологий может рассматриваться как фактор повышения эффективности институциональных ресурсов семьи в сфере социальной защиты населения. В статье проанализирована роль восстановительных технологий в вопросе обеспечения социальной безопасности семьи, рассмотрен опыт реализации восстановительных технологий социальной работы в Архангельской области.

Ключевые слова: социальная безопасность семьи, восстановительные технологии социальной работы, социальная работа с семьёй, семейное неблагополучие, семья, находящаяся в социально опасном положении, институциональные ресурсы, семейная ресурсность, социальный капитал.

Recovery technology of social work — an important condition for maintaining and ensuring family safety (case of the Arkhangelsk Oblast)

© Anna B. FEDULOVA, Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor

E-mail: fedulova.ann@mail.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Abstract. Ensuring the social security of the modern family is an urgent issue and a priority of the national policy of the Russian Federation. In contemporary society, the relationship between the social security system and the resource of the family is visible. Family resource acts as a set of potentials aimed at maintaining the stability of the family and the development of its competence in solving family problems. So, the technology of social work aimed at enhancing the resources of the family is essential. The same is fair for the role of the immediate environment in supporting the family since it becomes an active subject in solving family problems. Such an instrument is restoration technologies focused on the resource potential of the family and the resources of social capital. These technologies are widely used in foreign social work and

* Для цитирования:

Федулова А.Б. Восстановительные технологии социальной работы как важное условие сохранения и обеспечения безопасности семьи (на примере Архангельской области) // Арктика и Север. 2019. № 36. С. 110–127. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.110

For citation:

Fedulova A.B. Recovery technology of social work — an important condition for maintaining and ensuring family safety (case of the Arkhangelsk Oblast). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 36, pp. 110–127. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.110

are a promising area for the Russian one. The use of these technologies can be a factor in increasing the effectiveness of family institutional resources in the social protection of the population. Also, the author analyzed the role of recovery technologies in ensuring the social security of the family and examined the use of these technologies in the Arkhangelsk Oblast.

Keywords: *social security of the family, recovery technologies of social work, social work with the family, family trouble, family in a socially dangerous situation, institutional resources, family resources, social capital.*

Введение

В настоящее время сфера семьи и детства подвергается различным угрозам социального, психологического, экономического характера. Воздействие социальных рисков как на личность, так и на социум в целом рассматривается исследователями в качестве основного дестабилизирующего фактора, [1, Воронцов Д.Б., Воронцова А.В.; 2, Дрегалю А.А., Ульяновский В.И.; 3, Станиславский П.В.]. Как справедливо отмечает Шрага М.Х., социальная безопасность человека как гуманистическая концепция основывается на убеждении, что понятие «безопасность» должно включать основные потребности и права людей: питание, жилье, здравоохранение, образование, осмысленный труд, защиту окружающей среды и т.д. [4, Шрага М.Х., Кудря Л.И.]. Современное общество риска, с одной стороны, проецирует множество стрессоров, которые оказывают влияние на человека и его социальное окружение. С другой стороны, образ жизни в условиях конкретного социума может выступать фактором стресса как для индивида, так и для социальной группы.

Для семьи, проживающей на территории Архангельской области и в Северо-Арктическом регионе, характерны проблемы, которые испытывает семья, находящаяся в состоянии риска. Индикаторами рисков выступают: невысокий уровень развития экономики области (без Ненецкого АО), немодернизированность предприятий главной отрасли специализации — лесной и целлюлозно-бумажной промышленности; утрата преимущества более высоких доходов населения за 2000-е гг.; естественная убыль и устойчивый миграционный отток населения, вызванный неблагоприятными условиями и низким качеством жизни; невысокий уровень благоустройства жилищного фонда и его сильный износ, слаборазвитость Архангельска как центра услуг ¹.

По рейтингу качества жизни регионов Российской Федерации, опубликованному «РИА Новости», в 2018 г. Архангельская область занимала 75 место среди 85 субъектов Российской Федерации (в 2017 — 74 место, в 2016 — 71 место, в 2015 — 74 место) ². Среди субъектов Северо-Арктического региона Российской Федерации рейтинговый балл анализа показателей качества жизни в Архангельской области является самым низким и составляет 35,676 (Республика Карелия — 36,324, Ненецкий автономный округ — 39,255, Республика Коми — 39,984, Мурманская область — 47,308).

¹ Независимый институт социальной политики. Социальный атлас российских регионов. URL: <http://www.socpol.ru/atlas/portraits/arkh.shtml> (дата обращения 10.03.19).

² Рейтинг российских регионов по качеству жизни. URL: <https://ria.ru/20190218/1550940417.html> (дата обращения 10.03.2019).

Анализ объективных условий жизнедеятельности семьи, проживающей на территории Архангельской области, позволяет говорить о нестабильности социально-экономического положения семьи, наличии социальной дифференциации населения по уровню жизни, нарастании стереотипных проблем семьи (недоступность покупки жилья и улучшения жилищных условий, отсутствие достойного заработка), наличии психологических факторов, осложняющих социальное самочувствие членов семей, а также об усилении недоверия населения региона к органам власти.

Таким образом, социально-экономическая и политическая нестабильность региона прямо или косвенно отражается на семье и её членах. А часть семей, не готовая к самостоятельному решению проблем и не обладающая достаточной семейной ресурсностью, переходит в категорию социально опасного положения, когда родители или законные представители не способны осуществлять должный уход за детьми и отрицательно влияют на семейное благополучие³. Согласно статистическим данным, представленным в информационно-аналитическом справочнике, в Архангельской области в 2017 г. на учёт в категорию «социально опасное положение» было поставлено 1 185 семей, в которых проживало 2 103 ребёнка. На 1 января 2018 г. на учёте в государственных учреждениях социального обслуживания семьи и детей уже состояло 1 620 семей, находящихся в социально опасном положении⁴.

В целом наличие социальных рисков осложняет качество жизнедеятельности семьи и выступает угрозой безопасности. В связи с этим актуальным становится обеспечение социальной безопасности семьи, под которой мы понимаем систему взаимодействия семьи как субъекта деятельности с окружающим миром, которая характеризуется защищённостью от рисков, свободой от угроз, сохранением ценностей, семейной интеграцией. Социальная безопасность неразрывно связана с качеством жизни и выражается в создании благоприятных условий жизнедеятельности личности, социальной группы, а также в деятельности государственных институтов и организаций гражданского общества, целью которых является обеспечение наиболее эффективных решений экономических, демографических, политических и иных проблем общества.

В современных реалиях проблема укрепления и поддержки семьи является самым эффективным вложением нравственного, культурного и социального капитала общества. Социальная безопасность семьи в данном контексте выступает как состояние защищённости от угроз нарушения жизненно важных интересов, социальных прав и свобод: право на жизнь; на труд и его справедливую оплату; право на образование; охрану здоровья и меди-

³ Семья, имеющая детей, находящихся в социально опасном положении, а также семья, где родители или иные законные представители несовершеннолетних не выполняют своих обязательств по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними / статья 1 Федерального закона от 24.06.1999 №129-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

⁴ О положении детей и семей, имеющих детей, в Архангельской области в 2017 году: информационно-аналитические материалы / Сост. Иванова Е.А. Архангельск, 2018. С. 102.

цинское обслуживание; на доступный отдых, а также право на гарантированную социальную защиту и социальное обслуживание со стороны государства. На базе современных компонентов социальной работы с семьёй, сформированных в Российской Федерации и совокупности институциональных региональных ресурсов, нами была разработана модель социальной безопасности семьи, проживающей в Архангельской области. Модель представляет собой комплекс социальных, экономических, психологических и иных мер, реализуемых в социальных учреждениях региона [5, Федулова А.Б., Туралькина Н.А.].

Модель социальной безопасности семьи направлена на систематизацию и координацию деятельности формальных социальных институтов по оказанию помощи и поддержки семье с целью повышения её эффективности и активизации внутренних ресурсов семьи по выходу из кризисной ситуации. Компонентами модели выступает макроуровень — социальная политика государства, мезоуровень — институциональные и внеинституциональные региональные ресурсы органов и социальных служб и микроуровень — ресурсность семьи, социальная работа с клиентом (индивидом или группой).

Особая роль в обеспечении социальной безопасности семьи отводится институциональным ресурсам органов и служб социальной защиты и поддержки семьи как инструментам проводимой политики государства. Одним из приоритетных направлений деятельности учреждений Архангельской области является создание модели социально-реабилитационной работы с семьёй и детьми⁵, направленной на активизацию внутренних ресурсов семьи, профилактику и выявление жестокого обращения с несовершеннолетними. Однако это возможно, если в регионе будут активнее использоваться технологии социального сопровождения семьи с детьми, новые формы и методы проведения профилактических мероприятий, а между органами и учреждениями будет отлаженная межведомственная система работы.

При этом социальная работа с семьёй должна быть направлена на разные типы семей, а семья должна иметь возможность выбора форм социальной поддержки. В этой связи важно понимать, насколько действующая система социальной защиты и поддержки способна эффективно решать проблемы семей разных типов, а также готова ли действующая система к реализации инновационных подходов к решению проблем семьи, находящейся в состоянии риска.

Социальная работа с семьёй: проблемы и перспективы обеспечения социальной безопасности

В настоящее время традиционная практика социальной работы с семьёй постепенно теряет свою эффективность в силу недостаточного материального и кадрового обеспечения учреждений, загруженности специалистов документосопровождением процесса реабилитации семьи (80–90% — это работа с документами: ведение личных дел, запросы, справки, ак-

⁵ О положении детей и семей, имеющих детей, в Архангельской области в 2017 году: информационно-аналитические материалы / Сост. Иванова Е.А. Архангельск, 2018. С. 110.

ты, протоколы, ответы), отсутствием отлаженного межведомственного взаимодействия между органами и службами и, как следствие, дублированием услуг. В практике работы с семьёй недостаточно представлена профилактическая работа, которая должна способствовать раннему выявлению обстоятельств и причин социальных отклонений в семье, а также предупреждению и уменьшению их последствий. Важно отметить, что зачастую относительно благополучные семьи и семьи, балансирующие на грани, не обращаются за социальной поддержкой в специализированные учреждения, что способствует позднему выявлению семейного неблагополучия и зачастую запускает механизм «откладывания проблем».

Как отмечает уполномоченный по правам детей в г. Москве Евгений Бунимович, «в последние годы мы сталкиваемся с детскими проблемами, возникающими в семьях совсем не бедного уровня. Возможно, это связано с общим состоянием тревожности, агрессии, взвинченности в обществе, которое транслируется в семью». Часто семейные проблемы приобретают системный характер, что может быть основанием для изъятия ребёнка из семьи. При этом «зачастую, если органы опеки подают в суд на ограничение или лишение родительских прав, то дорога в эту сторону прописана досконально. А вот обратная, по восстановлению, — нет»⁶.

По мнению Чудовой С.Г. и Захаровой Т.В., недостатками современной социальной работы с семьёй в России являются: позднее выявление семейного неблагополучия; рассмотрение специалистами проблемы отдельных членов семьи, а не семьи в целом, недостаточность учёта внутренних ресурсов семьи; патерналистский подход к решению проблем семьи, когда специалист по социальной работе пытается решать проблему за клиента; навязывание клиенту личной системы ценностей, что приводит к тому, что клиент утрачивает самоуважение, у него развивается чувство полной зависимости от специалиста и формируется иждивенческая позиция [6, Чудова С.Г., Захарова Т.В., с. 255–257].

Таким образом, традиционные технологии работы, ориентированные на семьи групп риска, становятся малоэффективными, а обеспечение безопасности путём привлечения только внешних институциональных ресурсов (действующей системы органов и служб) является недостаточным. В зарубежной практике работа с семьёй строится на ранней профилактике с учётом восстановительного подхода, когда семья самостоятельна и автономна в принятии решений относительно своего развития. При этом используется ресурс социального капитала и сетей социальной поддержки [7, Wheelock J., Jones K.; 8, Prang K.H., Newnam S., Berecki-Gisolf J.; 9, Tømmerås T., Kjøbli J.].

Во многих странах применяется временное помещение ребёнка в замещающую профессиональную семью на период кризиса, а с родителями идёт работа по восстановлению семейных отношений. Также используются технологии ранней профилактики семейного неблагополучия, когда семье предлагают оценить проблемы и найти решение, при этом спе-

⁶ Соколов Д. Жалобы на детский плач из соседней квартиры у нас считаются стукачеством // Собеседник. 2019. №12. С. 7.

циалисты сопровождают семью. Дополнительной ценностью является вовлечение общины в процесс помощи и поддержки. Таким образом происходит включение ресурсов социальных сетей в социальную работу, что способствует осознанию участниками своих позиций и интересов в отношениях с другими людьми, пониманию интересов другой стороны, совместному поиску выхода из проблемной ситуации, а также формированию культуры коммуникации и культуры доверия между людьми. Это представляет особую значимость для современной социальной работы в России, когда «жалобы на детский плач из соседней квартиры у нас считаются стукачеством»⁷.

В России действующая система социальной работы ориентирована в основном на семьи групп риска, а профилактическая работа с семьёй нередко носит формальный характер, что не позволяет говорить об эффективности социальной работы. Привлечение ресурсов семьи в профилактическую работу социальных служб позволит семье нести ответственность за решение проблем и тем самым обеспечивать социальную безопасность семьи и каждого её члена, а также повысить эффективность действующей практики социальной работы.

Понимание необходимости как можно более раннего начала решения возникающих проблем семьи, в том числе неявно выраженных, с целью своевременного их решения и сохранения семейных связей, привело к поиску новых подходов к социальной работе с семьёй. Таким инструментом, который задействует обозначенные ресурсы, выступают восстановительные технологии, ориентированные на семью и способствующие актуализации её ресурсного потенциала. Данные технологии получили широкое распространение в зарубежном опыте социальной работы и являются перспективным направлением в российской практике, что отмечается многими исследователями и специалистами в области социальной работы [10, Абашина А.Д., Зилинских И.А.; 11, Апполонова А.А.; 12, Котлярова В.В., Савченко С.В.; 13, Хованская Т.В.].

К восстановительным технологиям, которые реализуются в России и за рубежом, относят: семейные групповые конференции (семейные конференции), сетевую семейную терапию, восстановительную медиацию (прямую и челночную), школьные службы примирения, круги сообщества, социальное партнёрство, сеть социальных контактов и др. [10, Абашина А.Д., Зилинских И.А.; 14, Левинцева Е.Н.; 15; 16, Коноплева С.В.; 17, Максудов Р.Р.; 18, Мухаметгалиева С.Х.; 19, Васецкая А.С.; 20, Хагеманн О.; 21, Doolan M.; 22, Pagee van R. Van., 23, Jackson S., Morris K.]. Также выделяют различные типы восстановительных программ: «Встреча по заглаживанию вреда», «Семейное примирение», «Круги заботы», «Школьная конференция», «Восстановительное правосудие», «Школьный родительский совет» и др. [15; 24, Карнозова Л.М.].

В России реализация восстановительного подхода осуществляется деятельностью территориальных и школьных служб примирения. На 2016 г. в 18 субъектах действовало 102

⁷ Соколов Д. Жалобы на детский плач из соседней квартиры у нас считаются стукачеством // Собеседник. 2019. №12. С. 7.

территориальных службы примирения [24, Карнозова Л.М.], в 23 субъектах — 852 школьные службы примирения⁸. В 2017 — 121 служба примирения в 15 субъектах (на основании мониторинга регионов, предоставивших результаты) [25, Карнозова Л.М.], что в целом является недостаточным. Среди восстановительных технологий часто используемой является восстановительная медиация (прямая — 68,7% и челночная — 4,4% от всех проведённых программ), менее освоенной — семейная групповая конференция (менее 1%). В настоящее время самыми востребованными являются программы восстановительного правосудия по преступлениям несовершеннолетних [24–25].

При этом использование восстановительных технологий в России сопряжено с рядом трудностей, среди которых отмечается: сложность и трудоёмкость процесса подготовки и реализации технологий, неготовность специалистов к проведению восстановительных программ, отсутствие административного регламентирования деятельности служб примирения на базе социальных учреждений, недостаточное материальное и кадровое обеспечение социальных учреждений, низкая заинтересованность семьи в решении собственных проблем [26, Федулова А.Б.; 27, Герасимова Д.Е., Хованская Т.В.].

Реализация восстановительного подхода в Архангельской области

В рамках ранее проведённых исследований [5; 26] было выявлено, что на территории Архангельской области деятельность формальных институтов по решению вопросов социальной защиты и поддержки семьи, а также предоставлению социальных услуг, является недостаточной. Во-первых, учреждения не обеспечены в полной мере финансовыми и кадровыми возможностями для осуществления эффективной работы по профилактике и сопровождению семей групп риска. Во-вторых, реализуемая учреждениями деятельность по профилактике семейного неблагополучия имеет недостаточную эффективность ввиду незаинтересованности и отсутствия информированности населения в данном направлении; низкую эффективность традиционных технологий социальной работы с семьями групп риска. В-третьих, деятельность учреждений носит обобщённый характер. В практической работе присутствует «патронажно-наказывающий» метод, принижающий роль раннего выявления и профилактики семейного неблагополучия. В-четвёртых, в деятельности учреждений недостаточно представлены методы и технологии социальной работы с семьёй, направленные на развитие семейной ресурсности и реализацию собственного потенциала семьи [5, Федулова А.Б., Туралькина Н.А., с. 123].

В настоящее время в регионе происходит процесс реорганизации действующей системы социальных учреждений помощи семье и несовершеннолетним в сторону оптимизации процесса управления, что потребует дополнительного времени для решения организа-

⁸ Коновалов А.Ю. Мониторинг деятельности школьных служб примирения за 2016 год, проводимый в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации. URL: www.8-926-145-87-01.ru (дата обращения: 19.01.2019).

ционно-методических вопросов, но, возможно, приведёт к повышению качества оказания услуг населению.

В данных условиях современная практика работы с семьёй не позволяет в полной мере обеспечивать социальную безопасность семьи на региональном уровне. Воздействие социальных рисков зачастую делает семью слабoresурсной, а невозможность самостоятельно преодолеть кризисную ситуацию будет способствовать переходу семьи в категорию социально опасного положения, что в дальнейшем осложнит её функционирование, сделает проблематичным оказание мер социальной поддержки.

Внедрение восстановительных технологий социальной работы с семьёй и несовершеннолетними в Архангельской области получило своё развитие с 2011 г., в рамках проекта «Дети и молодёжь группы риска в Баренцевом регионе 2008–2012» [28, с. 44], однако данное направление по-прежнему является инновационным подходом в региональной практике социальной работы. Например, из 68 специалистов, прошедших обучение по методу семейной групповой конференции, к 2016 г. только в трёх учреждениях области: ГБУ АО «Центр “Надежда”» (г. Архангельск); МОУ СОШ № 4 (структурное подразделение «Центр “Гармония”», г. Новодвинск); ГБСУ АО «Каргопольский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» (г. Каргополь) продолжали применять данный метод на практике [29, с. 73–74].

По состоянию на июнь 2015 г. в 6 муниципальных образованиях Архангельской области было создано 9 территориальных служб примирения, в которых работали 23 медиатора. За период действия Концепции⁹ численность территориальных служб примирения достигла 14 в 10 муниципальных образованиях (г. Архангельск; г. Северодвинск; Каргопольский район; г. Коряжма; Устьянский район; г. Вельск; г. Котлас; муниципальное образование «Приводинское» Котласского района; Коношский район; г. Новодвинск), количество медиаторов — 43¹⁰.

В сравнении с 2015–2016 гг., в 2017 г. увеличилось количество территориальных служб примирения. В целом, как показал мониторинг, рост и укрепление позиций служб примирения является результатом систематической работы регионов. В Архангельской области создана двухуровневая система территориальных служб: ТСП в территориях и областная служба примирения, которая помимо проведения восстановительных программ осу-

⁹ Об утверждении Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность: распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.07.2014, №1430. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/, доступ СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 20.05.2018).

¹⁰ Информация по реализации Концепции развития до 2017 года сети служб медиации (примирения) в Архангельской области. URL: <http://nadejdaarh.ru/poleznaya-informatsiya/vosstanovitelnye-tehnologii/informatsiya-po-realizatsii-kontseptsii-razvitiya-do-2017-goda-seti-sluzhb-mediatsii-primireniya-v-arkhangel'skoj-oblasti> (дата обращения: 17.01.2019).

ществляет методическое сопровождение и координацию деятельности служб [25, Карнозова Л.М., с. 171].

В соответствии с распоряжением министерства образования и науки Архангельской области, информационно-методическое сопровождение служб примирения в регионе осуществляет ГБУ АО «Центр «Надежда». Центр имеет лицензию на осуществление программ по восстановительным технологиям: «Медиация в восстановительном правосудии», «Восстановительные технологии для педагогов школьных служб примирения», «Восстановительные технологии как метод урегулирования семейных конфликтов с участием детей», «Семейная конференция — эффективный метод работы с семьёй».

Согласно материалам Общественного центра «Судебно-правовая реформа», в Архангельской области за период 2016 г. территориальными службами примирения было получено 411 обращений. Общее количество участников завершённых программ составило — 460 человек [24, Карнозова Л.М., с. 112]. В 2017 г. уже было получено 608 обращений, общее количество участников завершённых программ составило 779 человек [25, Карнозова Л.М.]. По данным мониторинга деятельности школьных служб примирения за 2015 г., в 30 Школьных службах примирения региона программы примирения систематически проводились в 8 образовательных учреждениях. В 2016 г. восстановительные программы вели 35 педагогов образовательных учреждений [27, Герасимова Д.Е., Хованская Т.В., с. 83–84].

Потребность в восстановительных технологиях работы с семьёй и несовершеннолетними в области остаётся высокой. Несмотря на то что Архангельская область является лидером в развитии восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве в отношении несовершеннолетних [25], в регионе недостаточно представлены восстановительные технологии, ориентированные на семью.

Для обоснования актуальности восстановительных технологий в современной практике социальной работы в 2018 г. на кафедре социальной работы и социальной безопасности САФУ им. М.В. Ломоносова было проведено эмпирическое исследование, цель которого: изучить региональный опыт реализации восстановительных технологий социальной работы с семьёй, находящейся в социально опасном положении. Эмпирическое исследование включало два этапа: анкетный опрос, направленный на изучение проблем и возможностей реализации восстановительных технологий в Архангельской области и экспертное интервью со специалистами социальных учреждений региона.

В рамках первого этапа был проведён анкетный опрос, в котором приняли участие (n=74 чел.): студенты (35%) и преподаватели кафедры и других образовательных учреждений Архангельской области (19%), специалисты (46%) учреждений социальной помощи семье и детям (МО «Город Архангельск», «Вельский муниципальный район», «Шенкурский муниципальный район», «Каргопольский муниципальный район», «Устьянский муниципальный район», «Няндомский муниципальный район»). Выбор респондентов обусловлен подходом к исследованию, в соответствии с которым данные респонденты выступают в роли

экспертов в анализе профессиональной социальной работы, что в целом недоступно (или может быть представлено недостоверно) для респондентов, которые не владеют категориальным аппаратом социальной работы, не знакомы с опытом практической работы и не готовы видеть, формулировать и понимать необходимость применения научных знаний для решения проблем в области социальной работы.

В рамках второго этапа было проведено экспертное интервью со специалистами (n=4 чел.), непосредственно реализующими восстановительные технологии. В исследовании приняли участие специалисты ГБУ АО «Центр “Надежда”» (г. Архангельск), МОУ СОШ № 4 (структурное подразделение «Центр “Гармония”», г. Новодвинск), ГБУ АО «Шенкурский КЦСО» (п. Шенкурск, Архангельская область), ГБУ АО «Архангельский ЦСПСид» (г. Архангельск).

На первом этапе исследования (в рамках анкетного опроса) был определён уровень информированности респондентов о восстановительных технологиях, проанализирована готовность респондентов к выстраиванию открытого диалога с клиентом, обозначены трудности реализации восстановительных технологий в практике работы социальных учреждений, а также выделены основные источники информирования населения о восстановительных технологиях.

Исследование показало, что большинство респондентов информированы о восстановительных технологиях и считают их реализацию актуальным и перспективным направлением. Восстановительные технологии необходимо внедрять и развивать в практике работы специалистов социальных учреждений. Для успешной реализации восстановительного подхода в работе с семьёй необходима высокая степень готовности общества, семей и специалистов к формированию доверительных отношений и выстраиванию открытого диалога со специалистами и ближайшим окружением.

По результатам исследования был сделан вывод, что только часть семей и самих специалистов готова к развитию таких форм взаимодействия. 41% преподавателей, 36% студентов и 24% специалистов не готовы к использованию восстановительных программ в своей деятельности. Высокий уровень готовности к реализации восстановительных технологий показали студенты (49%) и специалисты (35%), уже знакомые с восстановительными технологиями и практикующими их в своей деятельности. Однако готовность к реализации не означает их использование в практической деятельности. Несмотря на высокий уровень мотивации специалистов к внедрению новых форм взаимодействия клиент — специалист, недостаток кадровых и финансовых ресурсов учреждений, а также действующая система оказания услуг ограничивают возможности для активного внедрения восстановительных программ в практику работы с семьёй и несовершеннолетними.

Неготовность респондентов к использованию восстановительных практик обусловлена трудностями их применения. Среди трудностей респонденты отмечают: низкую информированность населения о восстановительных технологиях (24,3%), слабую инфраструктуру

учреждений, недостаток финансирования (14,9%), низкую заинтересованность и патерналистские установки членов семей (13,5%), сложности адаптации технологий к практике социальной работы в России (13,5%), низкий уровень социального капитала российских граждан (12,2%).

Основной сложностью в реализации и использовании восстановительных технологий социальной работы респондентами была обозначена низкая степень информированности населения о восстановительных технологиях. По мнению респондентов, самыми эффективными источниками информирования населения являются: информация на сайтах учреждений и активное продвижение методов в социальных сетях (32,4%), социальная реклама: стенды, билборды, ролики (21,6%), информационно-раздаточные материалы социальных учреждений: буклеты, листовки (17,6%), привлечение средств массовой информации к освещению опыта использования восстановительных технологий в социальной практике (16,2%).

Успешное применение восстановительных технологий, как показало исследование, возможно только в том случае, когда клиенты готовы взять на себя ответственность за принятие решений и их последствия. Большая часть опрошенных преподавателей (39%) согласны, что клиенты могут самостоятельно разрешать возникающие трудности и проблемы. Большинство специалистов (46%) и студентов (42%) лишь частично согласны с утверждением, считая, что это возможно только при наличии у семьи необходимых личных и институциональных ресурсов. Среди студентов 21% не согласен с данным утверждением и придерживается мнения о том, что семьи совершенно не готовы брать ответственность за решение семейных проблем, предпочитая перекладывать её на специалистов.

Экспертное интервью специалистов (второй этап исследования) показало, что реализация восстановительных технологий в практической работе социальных учреждений — это перспективное направление социальной работы в регионе. В современной практике социальное сопровождение семьи, чаще всего, имеет навязанную форму социального обслуживания, что не позволяет семье нести ответственность за собственное благополучие и изменить иждивенческую позицию. Использование восстановительных технологий в практической деятельности социальных учреждений, как отметили специалисты, позволит активизировать личностный потенциал членов семей по выходу из кризисной ситуации, и сделает возможным повышение эффективности и результативности использования внешних институциональных ресурсов, обеспечивая социальную безопасность семьи на институциональном и внеинституциональном уровнях.

При этом специалисты отмечают, что в настоящее время существует ряд сложностей в реализации восстановительных технологий социальной работы с семьёй и несовершеннолетними в Архангельской области, это: низкая мотивация членов семей к изменению ситуации, территориальная удалённость семей, нуждающихся в помощи, временные и финансовые затраты на подготовку и проведение восстановительных программ, отсутствие единой

системы оценивания результатов, неготовность специалистов к проведению восстановительных программ и дополнительная профессиональная нагрузка, а также неготовность руководства социальных учреждений региона к внедрению и реализации восстановительных технологий, что связано со спецификой формирования государственного и муниципального заказа на оказание социальных услуг, а также низкий уровень информированности населения региона об инновационных формах социальной работы.

Заключение

Обеспечение социальной безопасности семьи является как приоритетом национальной политики Российской Федерации, так и основой региональной социальной политики в соответствии со «Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года». Социальная работа с семьёй, в данном контексте, становится процессом управления риском, ресурсом обеспечения социальной безопасности семьи и каждого её члена, поскольку профессиональная социальная работа, объединяя социальную защиту и социальную поддержку, помогает людям решать социальные проблемы и адаптироваться к изменениям.

Согласно концепции «общества риска» У. Бека, управление риском станет возможным при условии перехода обществ к высшей стадии развития — рефлексирующей современности, которая состоит в умении социальных субъектов осознавать и поддерживать постоянное теоретическое понимание оснований своей деятельности, определять меры безопасности и оценивать перспективы индивидуального и коллективного воздействия на риск [30, Бек У.]. В связи с этим особая роль в обеспечении социальной безопасности должна быть отведена самой семье.

Инструментом актуализации ресурсов семьи и обеспечения её социальной безопасности выступает реализация восстановительного подхода в практике социальной работы с семьёй. Использование данного подхода в работе с семьёй позволит повысить эффективность использования внешних институциональных ресурсов семьи (ресурсов государственных органов и служб) и сделать получателей социальных услуг полноправными акторами процесса взаимодействия, тем самым способствуя повышению социальной безопасности семьи.

Деятельность социальных учреждений по профилактике семейного неблагополучия в настоящее время не сопровождается качественным изменением работы на первичном уровне. Что может быть обусловлено превалированием традиционных форм социальной работы, которые зачастую носят «санкционный» характер и способствуют закрытости семьи. В практике социально-реабилитационных центров недостаточно представлена семейно-ориентированная работа, зачастую специалисты оказывают помощь семье, которая находится в глубочайшем кризисе и не готова к решению собственных проблем без участия специалистов.

Для повышения эффективности профилактическая работа с семьёй в России должна быть направлена на восстановление семейных и детско-родительских отношений и ориентирована на сохранение семьи и воспитание детей. При этом важно использовать технологии, активизирующие ресурсы семьи. Такими технологиями выступают программы восстановительного правосудия: восстановительная медиация, школьные службы примирения, круги сообщества и семейная конференция.

Данные технологии получили широкое развитие в зарубежной практике работы с семьёй и несовершеннолетними как технологии, ориентированные на ресурсы семьи. При этом в работе используется ресурс социального капитала, основными компонентами которого являются: доверие друг к другу, склонность к сотрудничеству в общих интересах не только с близкими, но и малознакомыми людьми, личная ответственность за происходящее, проявление гражданской культуры.

Ценность восстановительных технологий заключается в том, что они направлены на активизацию возможностей семьи для самостоятельного выхода из сложной жизненной ситуации, ориентированы на укрепление и восстановление семейного потенциала, способность семьи нести ответственность за решение семейных проблем, и на наш взгляд, выступают связующим звеном между условиями формирования социальной безопасности российской семьи: наличием ресурсов самой семьи и институциональными ресурсами действующей государственной системы социальной защиты и поддержки семьи.

В ходе анализа нормативно-правовых документов, регламентирующих обеспечение социальной безопасности семьи, результатов эмпирического исследования и опыта социальной работы в России и за рубежом мы пришли к выводу, что использование восстановительных технологий в практике работы с семьёй является необходимым условием и актуальным ресурсом, обеспечивающим социальную безопасность российской семьи, поскольку ресурсный подход в работе с семьёй условно аккумулирует в себе две составляющие: институциональные ресурсы, выраженные представленностью формальных государственных и негосударственных учреждений системы социальной защиты и поддержки семьи и внеинституциональные ресурсы, обусловленные наличием неформальных ресурсов родственных и дружеских связей, ресурсов сетей социальной поддержки.

Реализация восстановительных технологий в регионе — важное направление профессионализации современной социальной работы. В план основных мероприятий до 2020 г., проводимых на территории Архангельской области в рамках Десятилетия детства, предусмотрено развитие на территории области в 2018–2020 гг. технологий программы «Дети и молодёжь групп риска», что показывает готовность региона к реализации восстановительного подхода. Однако использование восстановительных технологий в практической деятельности социальных учреждений — это сложный процесс, требующий реорганизации действующей практики работы с семьёй.

Для этого необходимо: обучение специалистов и их мотивирование к проведению восстановительных программ, дополнительное финансовое обеспечение учреждений, заинтересованность и поддержка реализации технологий со стороны руководства учреждений, методическое сопровождение и обмен опытом между специалистами, реализующими восстановительные технологии.

В целом для успешного внедрения восстановительных технологий в практику требуется их адаптация к условиям российской системы социальной защиты населения, пересмотр и изменение нормативов оказания социальных услуг населению, системная подготовка специалистов, способных к использованию восстановительных технологий, ориентированных на ресурсность семьи, закрепление восстановительных технологий на законодательном уровне, в том числе через введение профессиональных стандартов в практическую деятельность, а также популяризация восстановительных программ среди населения.

Важно отметить, что реализация восстановительных технологий в Архангельской области может быть перспективным направлением для социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) в системе государственно-частного партнёрства. В регионе на 2018 г. функционировало 17 негосударственных поставщиков социальных услуг, что составило 24,2% от общего количества поставщиков услуг, а доля получателей социальных услуг у негосударственных поставщиков всего составила 5% ¹¹. При этом среди услуг практически отсутствуют услуги для семьи и несовершеннолетних. В регионе действует только одна некоммерческая организация «Центр по работе с гражданами в сложной жизненной ситуации “Доверие”» (г. Северодвинск), которая в своей деятельности использует восстановительные технологии работы с населением.

Оказание социальных услуг населению негосударственными поставщиками (в том числе СО НКО), на наш взгляд, является эффективным способом обеспечения качества предоставления услуг семье и несовершеннолетним, а также может использоваться как дополнение к действующей государственной системе социальной защиты семьи и несовершеннолетних, которая осуществляется на основе государственного и муниципального заказа.

Литература

1. Воронцов Д.Б., Воронцова А.В. Социальные риски, влияющие на современную семью // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. XLV междунар. науч.-практ. конф. № 10 (45). Новосибирск: СИБАК, 2014.
2. Дрегало А.А. Социокультурная динамика социального пространства Севера: монография / А.А. Дрегало, В.И. Ульяновский. С(А)ФУ им. М.В Ломоносова. Архангельск: САФУ, 2017. 252 с.
3. Станиславский П.В. Социальная защищенность семьи, материнства и детства в России в контексте обеспечения демографической безопасности России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 10–1. С. 104–108.

¹¹ Газета Архангельск. 24 января, 2019. № 3(4881).

4. Социальная безопасность (безопасность жизнедеятельности людей): учебное пособие / М.Х. Шрага, Л.И. Кудря. Под ред. проф. М.Х. Шрага; С(А)ФУ им. Ломоносова. Архангельск: ИД САФУ, 2014. 280 с.
5. Федулова А.Б., Туралькина Н.А. Структурно-ресурсные элементы модели социальной безопасности семьи в Архангельской области // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2018. № 1 (33). С. 118–126.
6. Чудова С.Г., Захарова Т.В. Семьи, находящиеся в социально опасном положении: специфика социальной работы с учётом их жизненных стратегий // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2013. № 5. С. 245–264.
7. Wheelock J., Jones K. Grandparents are the next best thing': informal childcare for working parents in urban Britain // Journal of social policy. 2002. Vol. 31. No. 3. Pp. 441–463.
8. Prang K.H., Newnam S., Berecki-Gisolf J. The impact of family and work-related social support on musculoskeletal injury outcomes: a systematic review // Journal of occupational rehabilitation. 2015. Vol. 25. No. 1. Pp. 207–219.
9. Tømmerås T., Kjøbli J. Family resources and effects on child behavior problem interventions: a cumulative risk approach // Journal of child and family studies. 2017. T. 26. No. 10. Pp. 2936–2947.
10. Абашина А.Д., Зилинских И.А. Инновационные технологии в системе социальной работы с семьёй // Вестник ТОГИРРО. 2015. № 1 (31). С. 278–279.
11. Апполонова А.А. Технологизация социальной работы с семьёй в системе социальной защиты населения // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 35-2. С. 11–14.
12. Котлярова В.В., Савченко С.В. Технологии и инновационные методы социальной работы с семьёй // Аллея науки. 2017. Т. 4. № 10. С. 319–322.
13. Хованская Т.В. Саша и восстановительные технологии // Вестник восстановительной юстиции. 2016. № 13. С. 139–141.
14. Ливенцева Е.Н. Восстановительный подход в работе специалистов системы профилактики правонарушений и поддержки социализации несовершеннолетних / Е.Н. Ливенцева, Р.Р. Максудов, А.Н. Кузнецова, А.Л. Рябинин. Методическое пособие. Череповец, 2015. 30 с.
15. Восстановительные программы в работе с детьми и семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации (сборник материалов). Москва, МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2014. 152 с.
16. Коноплева С.В. Семейные групповые конференции в России: теория и практика: методическое пособие. Мурманск, 2012. 96 с.
17. Максудов Р.Р. Программы восстановительного разрешения конфликтов от уникальных эпизодов к заживлению социальной ткани. Москва, МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. 256 с.
18. Мухаметгалиева С.Х. Медиация и восстановительные технологии как форма профилактики правонарушений несовершеннолетних // Юридические и социально-педагогические аспекты профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Елабуга, 17 апреля, 2015 г.). Елабуга, 2015. С. 17–20.
19. Васецкая А.С. Восстановительные практики в школах: зарубежный опыт // Вестник восстановительной юстиции. Восстановительные программы в работе с детьми и семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации. 2018. № 15. С. 242–246.
20. Хагеманн Отмар Восстановительное правосудие как общая основа для двух форм конференций в Германии // Вестник восстановительной юстиции. Восстановительные программы в работе с детьми и семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации. 2018. № 15. С. 233–241.
21. Doolan M. Family group conferences: a partnership method // Riepl B., Wilk L. & Berman Y., Policies and Services for Children at Risk. Vienna: European Centre, 2002. P. 107.
22. Pagee van R. Van. Family Group Conferencing. Manual for Independent Coordinators. Eigen Kracht — Center for Restorative Action: Zwolle, the Netherlands, 2006. 64 p.
23. Jackson S., Morris K. Family group conferences: User empowerment or family self-reliance? A development from Lupton // British journal of social work. 1999. Vol. 29. No. 4.

24. Карнозова Л.М. Мониторинг деятельности территориальных служб примирения за 2016 год, проведенный в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации // Вестник восстановительной юстиции. 2017. № 14. С. 108–151.
25. Карнозова Л.М. Мониторинг деятельности территориальных служб примирения за 2017 год, проведенный в рамках Всероссийской ассоциации восстановительной медиации // Вестник восстановительной юстиции. Восстановительные программы в работе с детьми и семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации. 2018. № 15. С. 145–201.
26. Федулова А.Б. Проблемы и возможности применения технологии «Семейные групповые конференции» в социальной работе с семьёй в России // Известия Саратовского государственного университета. Новая Серия. Серия: Социология и Политология. 2018. Вып 3. С. 269–273.
27. Герасимова Д.Е., Хованская Т.В. Развитие школьных служб примирения в Архангельской области // Вестник восстановительной юстиции. 2017. № 14. С. 82–84.
28. Территориальные службы примирения: условия функционирования и организационное устройство / Сборник материалов / Сост. Л.М. Карнозова. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2015. 184 с.
29. Восстановительные программы в работе с детьми и семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации. Работа с трудными случаями (сборник материалов). М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2018. 142 с.
30. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

References

1. Vorontsov D.B., Vorontsova A.V. Sotsial'nye riski, vliyayushchie na sovremennuyu sem'yu [Social Risks Affecting the Modern Family]. *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii: sb. st. po mater. XLV mezhdunar. nauch.-prakt. konf* [The Individual, the Family and Society: Pedagogical and Psychological Issues]. Release no. 10 (45). Novosibirsk, SIBAC Publ., 2014. (In Russ.)
2. Dregalo A.A. *Sotsiokul'turnaya dinamika sotsial'nogo prostranstva Severa: monografiya* [Sociocultural Dynamics of Social Environment of the North: the monograph]. Ed by A.A. Dregalo, V.I. Ulyanovskii. NArFU Publ., 2017, 252 p. (In Russ.)
3. Stanislavskiy P.V. Sotsial'naya zashchishchennost' sem'i, materinstva i detstva v Rossii v kontekste obespecheniya demograficheskoy bezopasnosti Rossii [Social safety of family, maternity and children in Russia in the context of providing demographic safety of Russia]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Social-economic and Social Sciences], 2015, no. 10–1, pp. 104–108.
4. Sotsial'naya bezopasnost' (bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti lyudey): uchebnoe posobie [Social safety (human activity safety): study book]. M.Kh. Shraga, L.I. Kudrya. Ed. by prof. M.Kh. Shraga. Arkhangelsk, NArFU Publ., 2014, 280 p. (In Russ.)
5. Fedulova A.B., Tural'kina N.A. Strukturno-resursnye elementy modeli sotsial'noy bezopasnosti sem'i v Arkhangel'skoy oblasti [Structural and resource components of the model of family's social safety in Arkhangelsk region]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* [Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences], 2018, no. 1 (33), pp. 118–126.
6. Chudova S.G., Zakharova T.V. Sem'i, nakhodyashchiesya v sotsial'no opasnom polozhenii: spetsifika sotsial'noy raboty s uchetom ikh zhiznennykh strategiy [Families in socially dangerous situation: specifics of social work taking into account their life strategies]. *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo* [Sociology in the modern world: science, education, creativity], 2013, no. 5, pp. 245–264.
7. Wheelock J., Jones K. Grandparents are the next best thing: informal childcare for working parents in urban Britain. *Journal of social policy*, 2002, vol. 31, no. 3, pp. 441–463.
8. Prang K.H., Newnam S., Berecki-Gisolf J. The impact of family and work-related social support on musculoskeletal injury outcomes: a systematic review. *Journal of occupational rehabilitation*, 2015, vol. 25, no. 1, pp. 207–219.
9. Tømmerås T., Kjøbli J. Family resources and effects on child behavior problem interventions: a cumulative risk approach. *Journal of child and family studies*, 2017, vol. 26, no. 10, pp. 2936–2947.

10. Abashina A.D., Zilinskikh I.A. Innovatsionnye tekhnologii v sisteme sotsial'noy raboty s sem'ey [Innovative technologies in system of social work with family]. *Vestnik TOGIRRO* [Herald of Tumen Regional State Institute of the Development of Regional Education], 2015, no. 1 (31), pp. 278–279.
11. Appolonova A.A. Tekhnologizatsiya sotsial'noy raboty s sem'ey v sisteme sotsial'noy zashchity naseleniya [Technologies in social work with family in the system of social protection of the population]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2018, no. 35–2, pp. 11–14.
12. Kotlyarova V.V., Savchenko S.V. Tekhnologii i innovatsionnye metody sotsial'noy raboty s sem'ey [Technologies and innovative methods in social work with family]. *Alleya nauki*, 2017, vol. 4, no. 10, pp. 319–322.
13. Khovanskaya T.V. Sasha i vosstanovitel'nye tekhnologii [Sasha and rehabilitation technologies]. *Vestnik vosstanovitel'noy yustitsii* [Rehabilitation justice herald], 2016, no. 13, pp. 139–141.
14. Liventseva E.N. *Vosstanovitel'nyy podkhod v rabote spetsialistov sistemy profilaktiki pravonarusheniy i podderzhki sotsializatsii nesovershennoletnikh* [Rehabilitation approach in work of specialists of the system of prevention of crimes and support of minors' socialization]. Ed. by E.N. Liventseva, R.R. Maksudov, A.N. Kuznetsova, A.L. Ryabinin. Metodicheskoe posobie. Cherepovets Publ., 2015, 30 p. (In Russ.)
15. *Vosstanovitel'nye programmy v rabote s det'mi i sem'yami, nakhodyashchimisya v trudnoy zhiznennoy situatsii (sbornik materialov)*. [Rehabilitation programs in work with children and families in difficult life situation]. Moscow, Community Centre "Sudebno-pravovaya reforma" Publ., 2014, 152 p.
16. Konopleva S.V. *Semeynye gruppovye konferentsii v Rossii: teoriya i praktika: metodicheskoe posobie* [Family group conferences in Russia: theory and practice: study guide], Murmansk, 2012. 96 p. (In Russ.)
17. Maksudov R.R. *Programmy vosstanovitel'nogo razresheniya konfliktov ot unikal'nykh epizodov k zazhivleniyu sotsial'noy tkani* [Restorative conflict resolution programs from unique episodes to healing social tissue]. Moscow, Community Centre "Sudebno-pravovaya reforma", 2012, 256 p. (In Russ.)
18. Mukhametgalieva S.Kh. Mediatsiya i vosstanovitel'nye tekhnologii kak forma profilaktiki pravonarusheniy nesovershennoletnikh [Mediation and rehabilitative technologies as a form of prevention of crimes among minors]. *Yuridicheskie i sotsial'no-pedagogicheskie aspekty profilaktiki pravonarusheniy nesovershennoletnikh i molodezhi. Materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Elabuga, 17 aprelya, 2015 g.)* [Legal and socio-pedagogical aspects of prevention of crimes of minors and youth. Materials of the II All-Russian scientific and practical conference (Elabuga, April 17th, 2015)], Elabuga, 2015, pp. 17–20. (In Russ.)
19. Vasetskaya A.S. Vosstanovitel'nye praktiki v shkolakh: zarubezhnyy opyt [Rehabilitative technologies at school: foreign experience]. *Vestnik vosstanovitel'noy yustitsii. Vosstanovitel'nye programmy v rabote s det'mi i sem'yami, nakhodyashchimisya v trudnoy zhiznennoy situatsii* [Herald of rehabilitative justice. Rehabilitative programs at work with children and families in difficult life situation], 2018, no. 15, pp. 242–246.
20. Khagemann Otmar Vosstanovitel'noe pravosudie kak obshchaya osnova dlya dvukh form konferentsiy v Germanii [Rehabilitative justice as a common base for 2 forms of conferences in Germany]. *Vestnik vosstanovitel'noy yustitsii. Vosstanovitel'nye programmy v rabote s det'mi i sem'yami, nakhodyashchimisya v trudnoy zhiznennoy situatsii* [Herald of rehabilitative justice. Rehabilitative programs at work with children and families in difficult life situation], 2018, no. 15, pp. 233–241.
21. Doolan M. Family group conferences: a partnership method. Riepl B., Wilk L. & Berman Y. *Policies and Services for Children at Risk*. Vienna, European Centre, 2002, p. 107.
22. Pagee van R. Van. *Family Group Conferencing. Manual for Independent Coordinators*. Eigen Kracht — Center for Restorative Action, Zwolle, the Netherlands, 2006. p. 3–64.
23. Jackson S., Morris K. Family group conferences: User empowerment or family self-reliance? A development from Lupton. *British journal of social work*, 1999, vol. 29, no. 4, 621 p.
24. Karnozova L.M. Monitoring deyatel'nosti territorial'nykh sluzhb primireniya za 2016 god, provedenny v ramkakh Vserossiyskoy assotsiatsii vosstanovitel'noy mediatsii [Monitoring of work of territorial reconciliation services' in 2016, held in the frames of All-Russian Association of rehabilitative

- mediation]. *Vestnik vosstanovitel'noy yustitsii* [Herald of rehabilitative justice], 2017, no. 14, pp. 108–151.
25. Karnozova L.M. Monitoring deyatel'nosti territorial'nykh sluzhb primireniya za 2017 god, provedenny v ramkakh Vserossiyskoy assotsiatsii vosstanovitel'noy mediatsii [Monitoring of work of territorial reconciliation services' in 2017, held in the frames of All-Russian Association of rehabilitative mediation]. *Vestnik vosstanovitel'noy yustitsii. Vosstanovitel'nye programmy v rabote s det'mi i sem'yami, nakhodyashchimisya v trudnoy zhiznennoy situatsii* [Herald of rehabilitative justice. Rehabilitative programs at work with children and families in difficult life situation], 2018, no. 15, pp. 145–201.
26. Fedulova A.B. Problemy i vozmozhnosti primeneniya tekhnologii "Semeynye gruppovye konferentsii" v sotsial'noy rabote s sem'ey v Rossii [Problems and possibilities of applying the 'Family Group Conferences' technology in social work with family in Russia]. *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Sotsiologiya i Politologiya* [Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology], 2018, 3rd edition, pp. 269–273.
27. Gerasimova D.E., Khovanskaya T.V. Razvitie shkol'nykh sluzhb primireniya v Arkhangel'skoy oblasti [Development of reconciliation services at schools in Arkhangelsk region]. *Vestnik vosstanovitel'noy yustitsii* [Herald of rehabilitative justice], 2017, no. 14, pp. 82–84.
28. *Territorial'nye sluzhby primireniya: usloviya funktsionirovaniya i organizatsionnoe ustroystvo* [Territorial reconciliation services: conditions of functioning and organization]. Ed. by L.M. Karnozova. Moscow, Community Centre "Sudebno-pravovaya reforma", 2015, 184 p. (In Russ.)
29. *Vosstanovitel'nye programmy v rabote s det'mi i sem'yami, nakhodyashchimisya v trudnoy zhiznennoy situatsii. Rabota s trudnymi sluchayami (sbornik materialov)* [Rehabilitation programs in work with children and families in difficult life situation. Work with complicated cases (Sourcebook)]. Moscow, Community Centre "Sudebno-pravovaya reforma", 2018, 142 p. (In Russ.)
30. Bek U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. On the way to alternative modern], Moscow, Progress-Traditsiya, 2000, 384 p. (In Russ.)

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

УДК 332.1(985)(045)+336.22(985)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.128

Рецензия на монографию «Арктика: стратегия развития» коллектива авторов *

© **ВАЙСБЕРГ Леонид Абрамович**, доктор технических наук, профессор, академик РАН

E-mail: gornyi@mtspb.com

Научно-производственная корпорация «Механобр-техника», Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Рецензия подчёркивает важнейшие особенности монографии «Арктика: стратегия развития», подготовленной специалистами СОПС Минэкономразвития России и САФУ имени М.В. Ломоносова. Авторы научного труда провели системный анализ проблем развития Арктической зоны России и усилий государства по развитию этого макрорегиона, в частности, изучили льготные режимы осуществления хозяйственной деятельности и роль минерально-сырьевых центров — важных драйверов социально-экономического развития. По мнению рецензента, монография будет интересна как специалистам, так и широкому кругу читателей.

Ключевые слова: рецензия, монография, российская Арктика, Арктическая зона Российской Федерации, стратегия.

Review of the monograph “The Arctic: A Development Strategy”

© **Leonid A. VAISBERG**, Dr. Sci. (Tech.), Professor, RAS Academician

E-mail: gornyi@mtspb.com

Scientific and Production Corporation “Mechanobr-Technika”, St. Petersburg, Russia

Abstract. The review emphasizes the key features of the monograph “The Arctic: Development Strategy”, prepared by experts of the Council for the Study of Productive Forces of the Ministry of Economic Development of Russia and NArFU named after M.V. Lomonosov. The authors prepared a systematic analysis of the development issues of the Russian Arctic and the state development efforts in this macro-region. They studied the preferential regimes of economic activities and the role of mineral resource centers important drivers of socio-economic development. According to the reviewer, the monograph is of interest both to specialists and to a wide range of readers.

Keywords: a review, a monograph, the Russian Arctic, the Arctic zone of the Russian Federation, strategy.

Представленная на рецензию монография «Арктика: стратегия развития» является результатом исследований двух крупнейших научных организаций, занимающихся вопросами развития Арктического региона: Совета по изучению производительных сил ВАВТ Минэкономразвития России и Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.

Авторами выполнен системный анализ проблем развития Арктической зоны Российской Федерации, а также предпринимаемых государством усилий по развитию этого макро-

* Для цитирования:

Вайсберг Л.А. Рецензия на монографию «Арктика: стратегия развития» коллектива авторов // Арктика и Север. 2019. № 36. С. 128–130. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.128

For citation:

Vaisberg L.A. Review of the monograph “The Arctic: A Development Strategy”. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 36, pp. 128–130. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.128

региона. Основной фокус исследования состоит в определении мер экономического стимулирования и превращения региона в драйвер экономического развития России.

В монографии комплексно изложены подходы к определению южной границы региона, вопросы определения которой остаются актуальными не только с научной точки зрения, но и с точки зрения государственного управления.

Актуальность и своевременность данной монографии обусловлена, в первую очередь, необходимостью увязки инструментов территориального развития и механизмов поддержки масштабных инвестиционных проектов, реализация которых планируется в Арктической зоне Российской Федерации. Одобрённый Государственной комиссией по вопросам развития Арктики подход по формированию опорных зон в качестве основного инструмента реализации государственной политики в Арктической зоне России нормативно закреплён в новой редакции Государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации», утверждённой Постановлением Правительства Российской Федерации от 31.08.2017 № 1064.

В работе подробно исследованы основные характеристики льготных режимов осуществления хозяйственной деятельности, проведены анализ и оценка эффективности применения таких режимов, в первую очередь, на территории Арктической зоны России, а также на территориях, сходных с АЗРФ по природно-климатическим и социально-экономическим характеристикам. В частности, рассмотрены особенности налогообложения в части НДС, единого социального налога, налога на прибыль, налога на имущество и других. Кроме того, рассмотрены вопросы компетенций резидентов особых режимов и управляющих компаний; определены особенности установления каждого режима (сроки действия, территория, вопросы создания необходимой инфраструктуры, ограничения для резидентов, ответственность за достижение плановых показателей, особенности государственной поддержки и пр.). В рамках оценки эффективности применения особых режимов хозяйствования в монографии приведена оценка эффективности функционирования особых экономических зон и проанализированы причины, приведшие к неудачной реализации этого режима в АЗРФ. Также предпринята попытка оценки эффективности территорий опережающего социально-экономического развития.

На основе анализа федерального и регионального законодательства на предмет выявления мер, стимулирующих социально-экономическое развитие и определяющих особенности хозяйствования в каждом из арктических регионов, авторами сформулированы предложения по инструментарию особых режимов хозяйственной деятельности в соответствии с особенностями хозяйствования в различных субъектах Арктической зоны Российской Федерации с обоснованием специфики применения отдельных инструментов на конкретных территориях.

Кроме того, авторами проанализирована возможность применения таких режимов на территории макрорегиона с учётом формирования минерально-сырьевых центров, которые

должны выступать основными драйверами социально-экономического развития.

Стоит отметить, что авторским коллективом сформулированы основные научно-обоснованные предложения по инструментам создания и поддержки развития опорных зон в российской части Арктики, в том числе и для планируемых к созданию минерально-сырьевых центров. В частности, предложен ряд механизмов, которые могли бы лечь в основу реализации проектов опорных зон, рассмотрены механизмы государственной поддержки, в том числе и для субъектов малого и среднего предпринимательства, сформулированы предложения для поддержания бюджетной эффективности арктических территорий.

В целом полученные авторским коллективом научные результаты, изложенные в монографии, рекомендуются к публикации, поскольку имеют, в первую очередь, прикладной характер, в том числе при принятии управленческих решений по вопросам реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике. Книга, несомненно, будет интересна широкому кругу читателей.

УДК 323(987)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.131

Обзор последних законодательных инициатив США в области освоения арктического региона *

© **ВОРОНЕНКО Александр Леонидович**, заведующий научно-исследовательским сектором

E-mail: voronenko@sco-khv.org

Хабаровский государственный университет экономики и права, Хабаровск, Россия

Аннотация. В условиях значительного повышения внимания мирового сообщества к Арктике, а также интенсивного развития технологий по её изучению и освоению, примечательна низкая активность США в этой области. Статья посвящена обзору некоторых аспектов внутренней политики Соединённых Штатов в Арктике, а также содержит анализ двух законопроектов, внесённых на рассмотрение в Конгресс США, направленных на увеличение экономического присутствия в арктическом регионе. В статье отмечены факты повышающегося научного и практического интереса со стороны политических элит штата Аляска к изучению и освоению Арктики.

Ключевые слова: *Арктический регион, США, Дональд Трамп, Лиза Мурковски, Арктический исполнительный руководящий комитет, Корпорация по развитию инфраструктуры арктического морского маршрута США.*

Overview of the recent US legislative initiatives for the Arctic development

© **Alexander L. VORONENKO**, Head of the research sector

E-mail: voronenko@sco-khv.org

Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk, Russia

Abstract. In conditions of a significant increase in the world community's attention to the Arctic, as well as intensive development of technologies for its study and development, the low activity of the USA in this area is noteworthy. The article is devoted to a review of some aspects of the US home policy in the Arctic. It also contains an analysis of two bills submitted to the US Congress aimed at increasing the economic presence in the Arctic region. The author notes the increasing scientific and practical interest of the Alaska political elites in the study and development of the Arctic.

Keywords: *the Arctic region, the USA, Donald Trump, Lisa Murkovsky, the Arctic Executive Steering Committee, the US Arctic Sea Infrastructure Development Corporation.*

Освобождающаяся ото льда Арктика создаёт всё больше возможностей для роста экономической активности в регионе, привлекает всё больше внимания как циркумполярных, так и внерегиональных держав. В последние годы проблемы освоения Арктики всё активнее включаются во внешнеполитические повестки ведущих мировых держав. В том или ином виде Арктические стратегии и иные нормативные акты, регламентирующие политику государств в Заполярье, приняты более чем в 25 странах. Это обусловлено множеством факторов, в том числе возможностями по разработке минеральных ресурсов. По оценкам Геологической службы США, в Арктике расположено до 22% мировых запасов нефти и

* Для цитирования:

Вороненко А.Л. Обзор последних законодательных инициатив США в области освоения арктического региона // Арктика и Север. 2019. № 36. С. 131–136. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.131

For citation:

Voronenko A.L. Overview of the recent US legislative initiatives for the Arctic development. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 36, pp. 131–136. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.3.131

газа¹. Из внерегиональных государств наибольший интерес к региону проявляют страны Северо-Восточной Азии, в первую очередь КНР, Япония и Республика Корея.

На этом фоне необычно выглядит низкая активность США в регионе. В частности, Арктическая стратегия США не обновлялась с 2013 г., в очередной раз откладываются планы по модернизации ледокольного флота, Вашингтон прекратил участие в Парижском соглашении 2015 г. по климату (COP21) и т.д. Несмотря на упущенные возможности по разработке огромных территорий континентального шельфа и морского дна, Соединённые Штаты так и не ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года.

Особую пассивность в Арктике политика Вашингтона демонстрировала с приходом к власти администрации Дональда Трампа. При нём был упразднён созданный в 2015 г. указом Барака Обамы Арктический исполнительный координационный комитет (Arctic executive steering Committee), произошло снижение финансирования арктических исследований, сокращение контактов с зарубежными институтами по данной проблематике, отмечены негативные изменения в Управлении по науке и технологической политике Белого Дома (Office of Science and Technology Policy), а Агентство по охране окружающей среды (United States Environmental Protection Agency) было фактически лишено своего научно-консультативного совета².

Более того, Палата представителей в 2018 г. перенаправила средства, заложенные в бюджет на строительство ледокольного судна, на президентский проект — строительство стены на границе с Мексикой. В итоге, по состоянию на 2019 г., одно из 8 арктических государств обладает всего двумя ледоколами, при этом один из них находится в сухом доке в районе Сиэтл-Такома, а другой, «Полярная Звезда» (Polar Star), работает в Антарктиде³.

Крупным провалом политики США считается нежелание администрации президента понять стратегические последствия конкуренции арктических держав. В настоящее время американские национальные интересы в Арктике сосредоточены, по большей части, только на добыче нефти на северном шельфе Аляски (месторождение Прадхо-Бэй). В то время как Белый Дом полагает, что Арктика будет иметь ограниченную стратегическую ценность и нынешнее минимальное присутствие США в регионе достаточно для обеспечения своих интересов, два её конкурента, Россия и Китай, придерживаются отличной точки зрения и постепенно расширяют свои возможности в Заполярье.

Джон Гараменди, демократ, член палаты представителей от штата Калифорния, в своём интервью агентству NBC в декабре 2018 г. приходит к неутешительному выводу: «Ре-

¹ US Congressional Hearing: «Strategic Importance of the Arctic in US Policy». URL: https://fas.org/irp/congress/2009_hr/arctic.pdf (дата обращения: 19.07.2019).

² The White House's Science Division Is Now Completely Empty. URL: <https://www.iflscience.com/editors-blog/white-houses-science-division-completely-empty> (дата обращения: 19.07.2019).

³ Floor speech: Unveiling Arctic Legislation to Reinvigorate America's Arctic Role. URL: <https://www.murkowski.senate.gov/press/speech/floor-speech-unveiling-arctic-legislation-to-reinvigorate-americas-arctic-role> (дата обращения: 19.07.2019).

альность заключается в том, что Соединённые Штаты проигнорировали Арктику. Мы упустили то, что станет основным морским маршрутом между Европой и Азией»⁴.

Также обращает на себя внимание пренебрежительное отношение Д. Трампа к развитию штата Аляска — единственному арктическому региону США. Так, бюджет штата на 2020 г., предложенный законодательной властью Аляски, урезан почти на 410 млн долларов США⁵. Одна треть сокращений приходится на систему Университетов Аляски, государственное финансирование которой уменьшится на 130 млн долларов (или на 41%) по отношению к 2019 г.⁶

По мнению представителей политических элит Аляски, вся страна забыла, что у неё есть владения в Арктике, национальные интересы в регионе и что США являются полноценной арктической державой. Население штата озабочено таким отношением со стороны администрации Д. Трампа к вопросам развития и освоения Арктики и предпринимает попытки законодательно закрепить необходимость разработки и реализации арктической стратегии США и расширить участие штата в данном процессе.

В связи с этим в декабре 2018 г. сенатор от штата Аляска Лиза Мурковски (Lisa Murkowski, республиканская партия) в ходе 115-ой сессии внесла в Конгресс США сразу две законодательные инициативы, направленные на продвижение интересов Соединённых Штатов в арктическом регионе⁷.

Первый законопроект касается реформирования национальной арктической политики (Arctic Policy Act, № S.3739) и воссоздаёт учреждённый президентом Б. Обамой и упразднённый Д. Трампом Арктический исполнительный руководящий комитет (Arctic Executive Steering Committee, далее — Арктический Комитет) в интересах координации деятельности всех министерств и ведомств по разработке и реализации арктической политики США⁸.

В соответствии с проектом закона, Арктика признаётся одним из основных элементов национальной безопасности США, в связи с чем постоянным председателем комитета будет министр внутренней безопасности (Secretary of Homeland Security), а его заместителем — глава бюро по определению научно-технической политики (Office of Science and Technology Policy). Всего в состав Арктического Комитета войдут 25 представителей федеральных органов власти, в том числе:

⁴ The U.S. urgently needs new icebreaker ships to patrol the Arctic. Will Trump's border wall get in the way? URL: <https://www.nbcnews.com/news/us-news/u-s-urgently-needs-new-icebreaker-ships-patrol-arctic-will-n942236> (дата обращения: 19.07.2019).

⁵ Dunleavy vetoes \$409 million in general funds, cuts university by \$130 million. URL: http://www.newsminer.com/news/alaska_news/dunleavy-vetoes-million-in-general-funds-cuts-university-by-million/article_f3706a58-99d6-11e9-b799-fbe7e6d26fee.html (дата обращения: 19.07.2019).

⁶ Alaska's governor is trying to destroy its universities. The state may never recover. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/jul/06/mike-dunleavy-alaska-university-system-budget-cuts> (дата обращения: 19.07.2019).

⁷ Two U.S. bills could advance American presence in the Arctic. URL: <https://www.arctictoday.com/two-u-s-bills-could-advance-american-presence-in-the-arctic> (дата обращения: 19.07.2019).

⁸ Arctic Policy Act of 2018, № S.3739. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/3739/text> (дата обращения: 19.07.2019).

- руководители совета по качеству окружающей среды (Council on Environmental Quality), совета по внутренней политике (Domestic Policy Council), национального экономического совета (National Economic Council), совета экономических советников (Council of Economic Advisors) и совета национальной безопасности (National Security Council) при администрации президента США;
- представители министерств сельского хозяйства, коммерции, обороны, энергетики, здравоохранения и социального обеспечения (Department of Health and Human Services), природных ресурсов (Department of the Interior), юстиции (Department of Justice), труда, транспорта и государственного департамента (Department of State) в ранге не ниже заместителя министра;
- руководители аппарата директора национальной разведки (Office of the Director of National Intelligence), агентства защиты окружающей среды (Environmental Protection Agency), НАСА, национального научного фонда (National Science Foundation), арктической исследовательской комиссии (Arctic Research Commission) и службы управления и бюджета (Office of Management and Budget) или их заместители;
- другие представители органов власти по решению председателя Арктического Комитета.

Председатель также назначает администратора Арктического Комитета (Executive Officer of the Steering Committee), который отвечает за организацию совещаний и курирует исполнение решений органа. Встречи учреждения планируется проводить на плановой основе один раз в квартал. По решению председателя при необходимости могут назначаться дополнительные заседания. На указанных встречах будут определяться стратегические приоритеты и направления арктической политики США, будет рассматриваться исполнение прошлых рекомендаций и решений Арктического Комитета и обеспечиваться координация деятельности федеральных органов власти в регионе.

Одновременно при Арктическом Комитете создаются две консультационные группы из числа представителей штата Аляски: Консультационная группа аборигенов Берингова моря (Bering Sea Tribal Advisory Group) и Арктический консультационный комитет (Arctic Advisory Committee). Первая группа будет состоять из старейшин племён малочисленных народов побережья Берингова моря и пролива. Общины коренных жителей Аляски обладают глубокими знаниями Арктики и заслуживают собственного места в руководстве региона, заявила Л. Мурковски. По её словам, «в Арктике у нас есть возможность показать миру, как интегрировать знания и возможности коренных народов в политику и науку»⁹.

Во вторую группу войдут 8 представителей органов власти районов штата Аляска: Арктический склон (Arctic Slope), Северо-Западная Арктика (North West Arctic), Нортон-Саунд (Norton Sound), Внутренний район (Interior), Юкон-Кукоквим (Yukon-Kuskokwim), Бристольский залив (Bristol Bay), Алеутские острова (the Aleutian Islands) и острова Прибилоф (the Pribilof Islands). Арктический Комитет должен будет консультироваться и согласовывать

⁹ Two U.S. bills could advance American presence in the Arctic. URL: <https://www.arctictoday.com/two-u-s-bills-could-advance-american-presence-in-the-arctic> (дата обращения: 19.07.2019).

свои решения с указанными группами. Данный шаг, по задумке Лизы Мурковски, должен укрепить влияние Аляски на формирование и реализацию арктической политики США.

Кроме того, в интересах расширения роли штата в процессе освоения Арктики в законопроект внесён пункт, предусматривающий расширение состава членов Арктической исследовательской комиссии США (US Arctic research commission) за счёт включения в него двух дополнительных назначаемых президентом США комиссионеров из числа представителей коренных малочисленных народов Аляски.

По мнению Джона Фаррелла, исполнительного директора Комиссии по исследованию Арктики США (John Farrell), передача функций председательствующего министру внутренней безопасности позволит комитету не зависеть от вновь избранной администрации. «Будет реализована долгосрочная ответственность за свою деятельность, независимо от того, кто является президентом Соединённых Штатов»¹⁰.

Второй законопроект «Об организации судоходства и охраны окружающей среды в Арктике» (Shipping and Environmental Arctic Leadership Act, № S.3740) направлен на расширение возможностей США по регулированию морского трафика в акватории Арктического океана¹¹.

Законодательная инициатива создаёт Корпорацию по развитию инфраструктуры арктического морского маршрута США (US Arctic Seaway Infrastructure Development Corporation), основной целью которой будет предоставление платных услуг по обеспечению безопасного плавания в акватории Арктического океана для различных типов судов. В связи с этим в её основные обязанности войдёт:

- строительство, модернизация и обслуживание глубоководных портов штата, в том числе в целях бункеровки топлива и содержания ледоколов (совместно с корпусом армейских инженеров (United States Army Corps of Engineers) и властями Аляски);
- создание и реконструкция навигационной и иной инфраструктуры для организации безопасного судоходства, в том числе закрытых гаваней (совместно с береговой охраной США);
- обеспечение готовности и конкурентоспособности американских ледоколов для сопровождения грузовых судов в акватории арктических морей (совместно с береговой охраной США).

Примечательно, что законопроект предусматривает оказание услуг ледокольной проводки не только в водах Аляски, но и в акватории Северного морского пути и Северо-западного прохода. При этом в статье 9 секции 2 проекта прописано, что США не признаёт юрисдикцию России над СМП за пределами 12-мильной зоны. Кроме того, Корпорацию планируется уполномочить фрахтовать ледоколы других стран для оказания услуг по ледокольной проводке.

¹⁰ Two U.S. bills could advance American presence in the Arctic. URL: <https://www.arctictoday.com/two-u-s-bills-could-advance-american-presence-in-the-arctic> (дата обращения: 19.07.2019).

¹¹ Shipping and Environmental Arctic Leadership Act, № S. 3740. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/3740/text> (дата обращения: 19.07.2019).

Руководящим органом Корпорации станет Совет директоров из 9 членов:

- председатель (назначается президентом США);
- представитель государственного секретаря;
- представитель министерства транспорта;
- представитель береговой охраны;
- представитель национальной океанической и атмосферной администрации (National Oceanic and Atmospheric Administration);
- четыре представителя штата Аляска.

Совет директоров по согласованию с министром транспорта назначает управляющего Корпорацией, который осуществляет общее руководство деятельностью, разрабатывает структуру и штат организации. Совет директоров собирается по решению председателя, но не реже одного раза в 90 дней. На указанных встречах будет разрабатываться общая стратегия и политика организации, включая правила расчёта тарифов за предоставляемые услуги.

Начальный капитал Корпорации будет обеспечен за счёт выпуска доходных облигаций государственного казначейства США (Department of Treasury), объём которых согласуется министерством транспорта и министерством финансов. Указанные средства должны пойти на создание структуры, а также реализацию первоначальных инфраструктурных проектов. В дальнейшем предполагается, что Корпорация перейдёт на самообеспечение за счёт оказания платных услуг.

Корпорация будет подконтрольна Конгрессу США, в частности, обязана представлять на утверждение ежегодный отчёт о результатах своей деятельности. Кроме того, доклады о деятельности Корпорации могут предоставляться по запросу Президента, Конгресса и Совета директоров.

Одновременно, в интересах укрепления влияния Аляски в организации, помимо введения в Совет директоров 4 представителей штата, Л. Мурковски включила в проект закона пункт, по которому Корпорация должна являться резидентом штата.

Обе законодательные инициативы были рассмотрены в двух слушаниях в Сенате и в настоящее время направлены в Комитет по коммерции, науке и транспорту Конгресса США.

Внесение указанных законопроектов позволяет сделать вывод о том, что в США появляется понимание важности своего присутствия в Арктическом регионе. На данный момент инициатива исходит в основном от представителей политического истеблишмента штата Аляска, и от того, насколько она будет поддержана федеральными органами власти, зависит, появится ли в ближайшее время на арктической арене новый крупный игрок в лице США. В пользу этого говорит и намерение руководства США принять новую арктическую стратегию.

УДК 327(98)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.137

«Холодный мир в Арктике»: в Осло обсудили перспективы сотрудничества России и Западной Европы в Арктическом регионе *

© ЗАРУБИНА Любовь Альбертовна, начальник Управления международного сотрудничества, аспирант

E-mail: l.zarubina@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Аннотация. Статья представляет собой краткий обзор основных выступлений, представленных на международной конференции Cold Peace in the Arctic (Осло, Норвегия, сентябрь 2018 года), в которой участвовали специалисты из России, Норвегии и других стран. Автор полагает, что многие исследователи видят перспективы для смягчения противоречий и усиления международного сотрудничества в Арктике

Ключевые слова: геополитика, Арктика, Норвегия, Россия, международное сотрудничество.

"Cold Peace in the Arctic": prospects for cooperation between Russia and Western Europe in the Arctic were discussed in Oslo

© Lyubov A. ZARUBINA, Head of the Department of International Cooperation, postgraduate

E-mail: l.zarubina@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Abstract. The article represents a brief overview of the speeches presented at the "Cold Peace in the Arctic" international conference (Oslo, Norway, September 2018) attended by experts from Russia, Norway, and other countries. The author believes that many representatives of the scientific community see prospects for mitigating contradictions and strengthening international cooperation in the Arctic.

Keywords: geopolitics, the Arctic, Norway, Russia, international cooperation.

Исследование геополитических изменений в Арктике представляет особый интерес как для академического сообщества, так и для дипломатов, организаций и государств, а также для представителей бизнеса и экспертов в области международных отношений. В арктических странах и за их пределами регион всегда воспринимался как площадка для диалога и сотрудничества. По мнению многих политиков, исследователей и журналистов, российско-норвежские отношения в исторической перспективе отличались отсутствием военных конфликтов и стремлением к взаимопониманию и добрососедству, что легло в основу сотрудничества на Севере и в Арктике. Это представление поколебалось событиями 2014–2018 гг., когда в связи с украинским кризисом на Россию был наложен ряд экономических и политических санкций, которые поставили под вопрос ряд проектов в сфере кооперации, в том чис-

* Для цитирования:

Зарубина Л.А. «Холодный мир в Арктике»: в Осло обсудили перспективы сотрудничества России и Западной Европы в Арктическом регионе // Арктика и Север. 2019. № 36. С. 137–142. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.3.137

For citation:

Zarubina L.A. "Cold Peace in the Arctic": prospects for cooperation between Russia and Western Europe in the Arctic were discussed in Oslo. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 36, pp. 137–142. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.137

ле и в Арктике. При этом присоединение Норвегии к санкциям против России снизило интенсивность политического диалога на уровне высшего руководства двух стран и привело к спаду сотрудничества, в том числе в Арктическом регионе.

Эти и иные изменения становятся предметом для дискуссии в академическом сообществе, которое обратилось как к частным проблемам кооперации, так и к успешным случаям сотрудничества и сценариям развития событий в регионе, которые могут быть использованы, в том числе, при выработке внешнеполитических решений. Дискуссия проходит, как правило, в международном формате, что свидетельствует о продолжении диалога и готовности к аргументированному обмену мнениями.

14 сентября 2018 г. на базе Норвежского института международных дел в г. Осло (NUPI) состоялась международная конференция «Cold Peace in the Arctic». Мероприятие прошло в рамках проекта CANARCT, посвящённого геополитическим изменениям и их влиянию на ситуацию в Арктике. В проекте приняли участие как норвежские и российские исследователи, так и специалисты из других стран мира. Основной целью конференции был поиск ответа на вопрос, могут ли новые практики в управлении и сотрудничестве в Арктике отодвинуть на второй план или смягчить противоречия между Россией и западными странами. Данный вопрос был поставлен в свете изменений политической культуры, технологического развития арктических стран, роста экономической активности в регионе и изменения климата.

В рамках трёх панельных дискуссий получил освещение ряд актуальных проблем арктической политики и международных отношений экономической активности в регионе, российско-норвежские отношения на современном этапе, перспективы развития Арктики в различных аспектах.

Первая панель «Арктика во внутренней политике России» затронула такие вопросы, как формирование арктической политики Российской Федерации (Х. Блакисруд, NUPI), энергетический потенциал Арктики применительно к природным ресурсам региона и механизмам его реализации (Н. Поуссенкова, ИМЭМО, г. Москва), формирование подхода российских властей к Арктике как «опорной зоне» страны (Д. Тулупов, СПбГУ). В ходе выступления Хельге Блакисруд сделал особый акцент на проблеме сохранения связей между Россией и западными странами в вопросах международного сотрудничества в Арктике и представил арктическую политику страны как двухуровневую систему, включающую в себя как внутри-, так и внешнеполитические элементы. Собственно российскую Арктику он определил как территориальный комплекс в пределах юрисдикции РФ, и то, что Россия считает своей сферой влияния в регионе. Автор считает, что Арктика не является настолько приоритетной, т.к. под неё не выделено отдельного министерства, существует лишь правительственная комиссия, снижается объём ассигнований из бюджета на решение вопросов, связанных с регионом. При этом автор пришёл к выводу, что российская политика в Арктике предполагает постепенный поиск ответов на вызовы, связанные с регионом.

Доклад Нины Поуссенковой «Энергоресурсы Северного ледовитого океана и Европа (или Азия?)» затронул проблемы развития добычи нефти и газа в акваториях Российской Арктики. Автор остановился на внутренних и внешних аспектах вопроса, таких как поиск комплексного решения по обеспечению добычи ресурсов на рентабельном уровне и подбор рынков сбыта продукции, что актуально в связи с целым рядом издержек, которые несёт Россия как в институциональном, так и внешнеполитическом разрезе. Опираясь на аналитические материалы Правительства РФ, автор приходит к выводу о том, что данный вопрос не будет в числе первых приоритетов вплоть до 2035 г.

Дмитрий Тулупов в своём докладе затронул проблему определения «Опорных зон» применительно к российской Арктике. Автор обозначил следующие критерии: основанность на территориальном подходе, статус территории регионального развития, наличие стратегических природных ресурсов, реализация или подготовка «якорных» проектов, наличие кластеров и инфраструктуры, в том числе транспортной (применительно к Арктике — Севморпуть). Основным фактором успеха для них автор полагает объединение усилий заинтересованных государственных и частных структур. При этом все игроки проявляют заинтересованность в минимизации вреда окружающей среде посредством внедрения более экологических технологических решений. Финансирование «опорных зон» предполагается вести, по мнению автора, по большей части за счёт заинтересованных корпораций, а также частично за счёт иностранных инвестиций. Роль Северного морского пути не станет решающей в глобальном масштабе как минимум в ближайшие 15 лет, хотя для России уже является приоритетом.

Вторая панель «Арктика как место встречи» затронула такие вопросы, как взгляд из России на международное сотрудничество в Арктике (А. Сергунин, СПбГУ), эффекты от взаимодействия в Арктике (К.Л. Йерде, NUPI), американский взгляд на сотрудничество в Арктике (Х. Конли).

Александр Сергунин в своём докладе подчеркнул стратегическое значение Арктики для России в разрезе природных ресурсов, что влечёт за собой усиление присутствия страны в регионе различными способами. Далее он остановился на различных подходах к определению российской политики в регионе. «Неореалистическая» школа в России расценивает ситуацию в регионе как соперничество России и Западных стран, в основном посредством экономического воздействия друг на друга. Для Запада здесь целью является сохранение статуса России как «младшего партнёра», источника дешёвых ресурсов, в том числе рабочих рук, а также рынка сбыта готовой продукции. «Неолибералы» исходят, по мнению автора, из ответственности всего человечества за регион, дающей право на долю ресурсов при их рациональном использовании. Радикальная школа неолиберализма полагает, что в Арктику должна быть перенесена модель управления, схожая с Антарктикой. Главным приоритетом в Арктической стратегии РФ, по мнению исследователей, должны быть «человеческое измерение» (т.е. население Арктики в целом, в том числе коренные и малочисленные народы

Севера) и защита окружающей среды. Север должен отказаться от военного направления развития и стать площадкой для входа России в европейские и многосторонние институты. «Гибридная / умеренная школа» полагает особую ответственность России, основанную на прагматичном подходе с учётом интеграции в наднациональные институты. При этом должна сформироваться гибкая система регионального управления с сильной поддержкой страной собственных притязаний и прав в разграничении на шельфе, контроле над функционированием Севморпути, противодействии организованной преступности и пр. В политической практике, по мнению автора, преобладают сочетания неолиберального и неореалистического подходов, что позволяет избежать радикализации в данных вопросах и поддерживать в большей степени сотрудничество, чем противостояние.

Кристиан Лундбю Йерде в своём выступлении уделил внимание изменению динамики и логики взаимодействия России и Запада в Арктике после 2014 г., остановившись более конкретно на примере российско-норвежских отношений. Он обратил особое внимание на то, что начиная с 2012 г. акценты в большей степени стали смещаться от вопросов сотрудничества к вопросам безопасности. Автор подчёркивает, что Арктический регион остаётся площадкой для диалога, основанного на нормах международного права. Что касается России, она не фигурирует в официальных документах Норвегии как угроза национальной безопасности, хотя партнёрство с ней в целом зависит от того, находят ли страны возможности для его сохранения и развития. Репрезентация России в Норвегии и Норвегии в России остаётся конфликтной и исходящей из обеспечения собственных интересов. Обе стороны, по мнению автора, полагают возможным улучшение отношений и ожидают первых шагов от партнёров, так как взаимные санкции привели лишь к ухудшению образа Запада в России.

Хизер Конли (Центр стратегических и международных исследований, США) в своём докладе обозначила, что Арктика остаётся для Вашингтона на втором плане, и количество инфраструктурных проектов в регионе остаётся незначительным. В основном проекты касаются исследований и участия страны в Арктическом совете. Вместе с тем, после прихода администрации Д. Трампа удалось привлечь иностранные инвестиции на Аляску. Несмотря на возможности договорённостей в формате «5+5» (пять арктических морских государств и пять неарктических государств, занимающихся рыбной ловлей в регионе), стратегии национальной безопасности и обороны не обозначают никаких приоритетов в регионе, но исходят из наличия конкуренции США с Китаем и Россией. Позиция Конгресса США обозначена решающей в этих вопросах.

В ходе конференции с программной речью выступила министр иностранных дел Норвегии Инне Эриксен Сёрейде. Отсылая участников мероприятия к долгой истории сотрудничества и мирных взаимоотношений в Арктике, особого характера норвежско-российских отношений, общей исторической памяти, она отметила, что переплетение понятий «союзника» и «соперника» в Норвегии в отношении России остаётся актуальным. Оно связано и с приоритетами страны во внешней политике, основанными на членстве в НАТО, с одной стороны, и на

сохранении добрососедских отношений с Россией, с другой. Министр подчеркнула асимметричный характер соседства между странами, сужение возможностей в России для развития гражданского общества, однако отметила контакты уровня «человек-к-человеку» между странами как базу для развития хороших отношений. Роль Арктического региона в данных вопросах является особенно актуальной, так как здесь международное право остаётся одним из основных регуляторов, снижающих конфликтный потенциал. Роль Северного измерения внешней политики Норвегии в выстраивании добрососедства в Арктике особенно важна. При этом сотрудничество в рамках Баренцева Евро-Арктического региона, которому в 2018 г. исполнилось 25 лет, сыграло в этом огромную роль, выстраивая кросс-границное сотрудничество, поддерживая региональное развитие и усиливая контакты на уровне «человек-к-человеку».

Министр отметила «мир — это не просто отсутствие войны», наследие «холодной войны» так или иначе сказывается на отношениях между странами. Поэтому «холодный мир» представляется неприемлемым, сотрудничество является важным фактором успеха.

Третья панель «Будущее Арктики» затронула такие вопросы, как «твёрдую безопасность» в Арктике (П. Баев, Институт конфликтологических исследований в Осло (PRIO)), будущее международного сотрудничества в Арктике с позиций вовлечённого региона (К. Зайков, САФУ), сценарии будущего развития Арктики (Я. Годимирский, NUPI).

Павел Баев в своём докладе «Вызовы «твёрдой безопасности» в Арктике» отметил два краеугольных камня арктической политики Норвегии и России: с одной стороны это военное строительство, а с другой — международное сотрудничество. Автор подчеркнул, что перевес в пользу первого элемента, как правило, подрывает второй, и этот процесс усилился после украинского кризиса 2014 г. Главной проблемой, на которую обратил внимание автор, является изменение статуса России в Арктике. Ставя перед собой цель определить роль России в регионе как ревизиониста или государства-сторонника статус-кво, П. Баев обращает внимание на такие вопросы, как причины смещения акцента на милитаризацию региона, усиление ВПК, расширение сотрудничества в регионе с Китаем. Первое говорит в пользу того, что Россия — сторонник статус-кво в Арктике, но в целом страна выступает как ревизионист сложившихся порядков.

Константин Зайков в своём выступлении на тему «Будущее международного сотрудничества в Арктике с позиции регионов» затронул проблему статуса конкретных территорий в международном сотрудничестве в Арктике. Принимая в расчёт то, что внешняя политика России находится в полном ведении федерального центра, он при этом отметил, что регионы располагают возможностями к кооперации с зарубежными партнёрами как в политическом разрезе, так и по актуальным проблемам, на которые могут быть найдены общие решения. Особенно при этом отмечен факт, что большинство российских регионов не располагают стратегиями международного сотрудничества. В качестве примера успешного сотрудничества в докладе был приведён Баренцев Евро-Арктический регион (БЕАР), в котором одну из ключевых ролей играет сотрудничество в сфере образования и науки. Для дальнейше-

го развития межрегиональной трансграничной кооперации, по мнению К. Зайкова, следует продолжить снижение административных барьеров и усилить потоки сотрудничества в трансграничном формате, где автором отмечается позитивная динамика.

Заключительный доклад панели за авторством Якуба Годимирского (NUPI) на тему «Три основных сценария будущего в Арктике» имел следующую цель: дать оценку будущему межгосударственного сотрудничества в регионе на ближайшие 10 лет, исходя из текущего политического контекста. Автор обозначил три основных сценария для региона:

- Негативный. Он включает в себя обострение отношений с возможностью военных действий при сохранении дипломатии и внешнеэкономической деятельности, регламентируемый мотивами выживания;
- Континуитет. Сценарий предполагает сосуществование в дипломатическом формате с опорой на международные институты и ключевых игроков как мира, так и региона;
- Позитивный сценарий. Предполагает кооперацию на институциональной базе и либеральных ценностях, а также вклад в реализацию совместных проектов с возможным идеологическим консенсусом.

Идеальным вариантом, по мнению автора, представляется конвергенция с учётом общих ценностей по типу модели ЕС.

Реализация того или иного сценария, по мнению автора, зависит от основных акторов, проблем, локализации, драйверов и времени событий. Он считает, что роли могут распределяться как среди глобальных, так и среди локальных игроков, как государственных, так и негосударственных. Драйверами могут выступать процессы в различных сферах взаимодействия людей, а также климатические изменения, те или иные претензии и требования, участие тех или иных неарктических игроков. Я. Годимирский в своём докладе сделал отсылку к Дмитрию Тренину, который в 2014 г. представил пять основных областей, в которых имеется потребность в кооперации: территориальные вопросы, энергоресурсы, морские пути, международно-правовой режим и военно-стратегические процессы. Наиболее вероятными Я. Годимирский предполагает второй и третий сценарии в той или иной комбинации. При этом он выделяет те или иные факторы, которые могут скорректировать любой из вариантов: политические, экономические, технологические и экологические.

С учётом озвученных на конференции мнений и представленных исследований представляется возможным сделать вывод о том, что смягчение противоречий в регионе и развитие эффективной международной кооперации в целом являются возможными. В пользу этого говорят отмеченные авторами докладов ключевые моменты: активный поиск решений для имеющихся вызовов развитию Арктики, объединение усилий государственных и частных структур, снижение радикализма в отношениях между странами, развитие трансграничного сотрудничества, институционализация новых форм отношений в регионе, тенденция к снижению административных барьеров для кооперации на межрегиональном уровне, поиск консенсуса по спорным вопросам.

УДК 327(470.1|.2+481)(481+470.1|.2)(98)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.143

Масштабная встреча историков, филологов и археологов из Северных стран и России в Арктической Норвегии *

© **ТЕВЛИНА Виктория Валерьевна**, доктор исторических наук, профессор

E-mail: vtevlina@mail.ru

Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии, Тромсё, Норвегия; Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© **СОЛЕЙМ Марианне Нерланд**, доктор наук, доцент

E-mail: marianne.n.soleim@uit.no

Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии, Тромсё, Норвегия

Аннотация. Вопросы, связанные с историей России и Норвегии и их северными частями в Арктике, а также российско-норвежскими отношениями, традиционно являются важными для жителей обоих государств. Возможности представить новые документы и материалы, обсудить значимость многовековых связей между Россией и Норвегией, особенно на Севере, предоставляются не так часто. В начале апреля 2019 г. в Университете Тромсё — Арктическом университете Норвегии состоялся масштабный научный семинар историков, филологов и археологов из России и Скандинавских стран, посвящённый именно этим вопросам. Одним из поводов проведения встречи стал юбилейный день рождения почётного доктора Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, профессора Й.П. Нильсена. Кроме того, на семинаре прошла презентация коллективного научного сборника, написанного соратниками Й.П. Нильсена из разных стран «In the North, the East and West meet».

Ключевые слова: *российско-норвежские отношения, Север России и Норвегии, Арктические территории, сотрудничество в исторической науке, добрососедские связи, международный семинар в Тромсё.*

A large-scale meeting of Nordic and Russian historians, philologists and archaeologists in the Arctic Norway

© **Victoria V. TEVLINA**, Dr. Sci. (Hist.), Professor

E-mail: vtevlina@mail.ru

University of Tromsø — The Arctic University of Norway, Tromsø, Norway; Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© **Marianne N. SOLEIM**, Doctor of Arts, Associated Professor

E-mail: marianne.n.soleim@uit.no

University of Tromsø — The Arctic University of Norway, Tromsø, Norway

Abstract. The history of Russia and Norway and their areas in the Arctic and Russian-Norwegian relations are traditionally important for the residents of both states. Opportunities to present new documents and materials, to discuss the significance of centuries-old ties between Russia and Norway, especially in the North, are not provided so often. In early April 2019, a large-scale scientific seminar of Russian and Scandi-

* Для цитирования:

Тевлина В.В., Солейм М.Н. Масштабная встреча историков, филологов и археологов из Северных стран и России в Арктической Норвегии // Арктика и Север. 2019. № 36. С. 143–150. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.143

For citation:

Tevlina V.V., Soleim M.N. A large-scale meeting of Nordic and Russian historians, philologists and archaeologists in the Arctic Norway. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 36, pp. 143–150. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36.143

navian historians, philologists, and archaeologists was held at the University of Tromsø - the Arctic University of Norway. It was precisely dedicated to the issues listed above. One of the reasons for the meeting was the jubilee of the Honorary Doctor of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Professor J.P. Nielsen. Also, the seminar hosted the presentation of a collective scientific collection written by associates of J.P. Nielsen from various countries – “In the North, the East and the West meet.”

Keywords: *Russian-Norwegian relations, the North of Russia and Norway, the Arctic territories, cooperation in historical science, good neighborly relations, an international seminar in Tromsø.*

Апрель 2019 г. вполне может войти в историю российско-норвежских и даже российско-скандинавских научных связей в социально-гуманитарной сфере. Дело в том, что 4 апреля 2019 г. в Арктической части Норвегии, в Университете Тромсё — Арктическом университете Норвегии, состоялась масштабная встреча историков, филологов и археологов России и Скандинавских стран. Поводом для такой встречи, в которой приняло участие около 200 человек, в первую очередь стал юбилейный день рождения профессора Йенса Петтера Нильсена. Кроме того, такая встреча нужна была и для презентации сборника научных статей, написанных соратниками Й.П. Нильсена из разных стран, «In the North, the East and West meet».

Итак, в начале апреля 2019 г. Север Норвегии стал площадкой для масштабной встречи коллег, партнёров, соавторов, прибывших в город Тромсё из столиц государств и разных городов Арктического Севера, а именно: из Российской Федерации (Москва, Санкт-Петербург, Мурманск, Архангельск), Норвегии (Осло, Лонгьербюен, Берген, Буде, Альта, Киркенес, Вадсе, Варде, Тромсё) и Швеции (Стокгольм). Данная встреча, прошедшая в форме научного семинара, была названа юбилейной и стала своеобразным международным поздравлением и признанием заслуг Йенса Петтера Нильсена в области исторической науки и исторического образования.

Напомним, что профессор Й.П. Нильсен начиная с 1990 г. и по настоящее время является профессором (направление «Международные отношения, полярные исследования, изучение Севера») Института истории (с 2016 г. — Институт археологии, истории, религиоведения и теологии) Университета Тромсё (с 2014 г. — Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии).

Научные интересы и исследовательская деятельность профессора Й.П. Нильсена за практически 45 лет его работы (с начала 1970-х гг. по настоящее время) концентрируются в трёх базовых направлениях: Российская (и советская) история и историография, Северо-норвежская история и Норвежско-российские отношения с акцентом на Север и Арктику двух стран. За годы своей деятельности, сначала в Университете Осло, но в большинстве своём, в Университете Тромсё — Арктическом университете Норвегии, Йенс Петтер участвовал во множестве международных, национальных и региональных исследовательских проектов. Из них более 2/3 касается российско-норвежских и российско-скандинавских исторических тем, покрывающих XIX — начало XXI столетий. Его разносторонняя научная деятельность включает в себя такие направления, как: научно-исследовательское, научно-

организационное, научно-просветительское, научное руководство молодыми учёными. Ежегодно Й.П. Нильсен играет ведущую роль в проведении конференций, семинаров, встреч; выступает докладчиком по различным темам истории российско-норвежских отношений в разных городах России и Скандинавии.

В 1998 г. профессор Й.П. Нильсен стал Почётным доктором Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова в Архангельске. Это звание было подтверждено ещё раз в 2015 г. при переименовании вуза в Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (с 2011 г.). Таким образом, он является Почётным доктором САФУ уже 20 лет. Кроме того, вот уже многие годы Йенс Петтер является членом Северонорвежской Научной Академии по изучению Севера (Nord-Norges Vitenskapsakademi), Норвежской Научной Академии Полярных Исследований, а также членом редакционного совета рецензируемого научного журнала «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» и редакционного совета рецензируемого научного журнала «Арктика и Север» (оба журнала издаются в Архангельске).

С 1980-х гг. и по настоящее время профессор преподаёт в разных вузах Норвегии и России бакалаврам, магистрам и докторантам на норвежском, русском и английском языках целый ряд курсов по истории России, российской и советской историографии, истории Арктики и Северного Морского Пути, норвежско-российским отношениям в XIX — начале XXI вв. и т.д.

В сентябре 2018 г. коллективная монография «Сближение: Норвегия и Россия. 1814–1917» под руководством и редактированием Йенса Петтера Нильсена (на русском языке, Москва, Весь Мир, 2017; на норвежском языке, Oslo, Pax Forlag AS, 2014, Vol. 1), получила специальную награду от ассоциации книгоиздателей России как «Лучшая книга 2017 года, вносящая вклад в диалог культур»¹. Книга была написана 35 учёными-историками из России и Норвегии, работавшими в совместном мегапроекте «Neighbourly Asymmetry. Norway and Russia. 1814-2014». Об этом проекте, результатом которого и явилось издание вышеназванной книги, мы расскажем подробнее чуть ниже.

В ноябре 2018 г. профессор Й.П. Нильсен получил благодарственное письмо ректора Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (САФУ) за значительный вклад в развитие научно-образовательного сотрудничества САФУ им. М.В. Ломоносова и Университета Тромсё — Арктического университета Норвегии и в связи с 25-летием совместной деятельности двух вузов-партнёров.

Итак, на международном семинаре, который проходил в течение целого дня 4 апреля 2019 г. в Университете Тромсё — Арктическом университете Норвегии, можно было услышать выступления самых разных коллег. Так, одним из первых с анализом динамики сотруд-

¹ Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах. Под ред. Й.П. Нильсена, ред. иллюстраций Манкова П. (Пер. с норвежского языка с дополнениями коллективной монографии *Russland kommer nærmere: Norge og Russland 1814–1917*. Oslo, Pax Forlag AS, 2014, Vol.1). М.: Издательство «Весь Мир», 2017. Т. 1. 708 с.

ничества российских историков с коллегами из Скандинавских стран за последние 30 лет выступил А.А. Комаров — ведущий научный сотрудник, руководитель Центра истории Северной Европы и Балтии Института всеобщей истории РАН и профессор Университета Тромсё — Арктического университета Норвегии. Он смог удивить аудиторию воспоминаниями о целом ряде инновационных российско-норвежских проектов, среди которых в первую очередь был назван упомянутый чуть выше научно-исследовательский мегапроект в области истории «Neighbourly Asymmetry. Norway and Russia. 1814–2014» («Асимметричное соседство. Норвегия и Россия. 1814–2014»), выполнявшийся в 2008–2014 гг.² Были названы также многочисленные научные совместные издания, которые появились в последние десятилетия на норвежском языке, например, дневники А.М. Коллонтай (1922–1930 гг.) и сборник архивных документов по истории советско-норвежских отношений. Кроме того, Алексей Алексеевич Комаров освятил итоги проведения разного рода дискуссий, встреч, конференций в тандеме с норвежскими коллегами, где участвовали как известные, так и начинающие специалисты-гуманитарии. Одними из знаковых встреч, среди прочих, как он отметил, являются международные Киркенесские семинары историков из Норвегии и из разных российских научных центров, получившие своё название по месту их закрепления как традиционных встреч в г. Киркенесе в 2002 г. Такого рода традиция получила поддержку и от Генерального Консульства Российской Федерации, расположенного непосредственно в приграничном с Россией норвежском городе Киркенесе.

Так, в 2017 г. прошёл шестой по счёту Киркенесский семинар (первый семинар был в 1999 году в Мурманске), который состоялся 18–20 сентября непосредственно в городе Киркенесе. Основным организатором этого международного семинара стал Баренц-институт — научно-исследовательский институт, входящий в состав факультета гуманитарных, социальных наук и образования Университета Тромсё — Арктического университета Норвегии. На VI Киркенесском семинаре более чем тридцатью историками из России и Норвегии были представлены новые документы и материалы о многовековых добрососедских связях между Россией и Норвегией, особенно на Севере. Академическими организаторами этого семинара помимо А.А. Комарова и Й.П. Нильсена были профессор В.В. Тевлина (Северный (Арктический) федеральный университет; Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии); доцент В.А. Карелин (Санкт-Петербургский военный институт); доцент Марианне Нерланд Солейм (Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии) и профессор Сергей Г. Веригин (Петрозаводский государственный университет). Знаменательно, что Киркенесский семинар в 2017 г. был посвящён 30-тилетию активного сотрудничества между историками России и Норвегии, установившегося на волне перестройки в 1986–1987 гг.

Следующий, седьмой по счёту, Киркенесский семинар планируется провести в Архангельске в 2020 г.

² См. подробнее о ходе и результатах проекта: Голдин В.И., Зайков К.С. Норвегия и Россия: 1814–2014. Итоги мегапроекта//Вопрос истории. № 3. 2019. С. 103–109.

Семинарское выступление профессора САФУ В.И. Голдина было посвящено особенностям и перспективам взаимодействия архангельских историков и Йенса Петтера Нильсена как координатора, инициатора и участника целого ряда общих проектов по изучению региональной истории Севера России и Севера Норвегии. Особое внимание Владислав Иванович Голдин уделил совместным книжным изданиям, особенно по истории Севера, появившимся на норвежском, английском или русском языках в 1990-е — 2010-е гг. как плод совместных усилий гуманитариев по обе стороны границы. Так, особо были отмечены книги, изданные в рамках уже упомянутого выше российско-норвежского исторического проекта «Neighbourly Asymmetry. Norway and Russia 1814-2014» и касающиеся истории российско-норвежских отношений. Среди них были названы такие книги, как «Caution & Compliance. Norwegian-Russian Diplomatic Relations 1814-2014» (2012); «Нет Севера, а есть Севера. О многообразии понятия “Север” в Норвегии и России» (2016) и другие издания³.

В.И. Голдин также напомнил о ряде значимых начинаний в области сотрудничества историков России и Норвегии, которые возродились с новой силой в конце 1980-х гг. именно на Арктическом Севере обоих государств. При этом Архангельский край сыграл здесь особую роль. В частности, он отметил влияние научных конференций по скандинавистике, которые проходили в форме международных встреч учёных России и Скандинавии, в том числе и в Архангельске, на рубеже XX и XXI столетий. Среди них были названы традиционно проводившиеся в России с 1980-х гг. конференции, которые назывались «Конференция по изучению истории Скандинавских стран и Финляндии». Они неоднократно организовывались в Москве, Архангельске, Петрозаводске и других городах России при активном участии Института Всеобщей истории РАН, Поморского государственного университета (ныне САФУ) и других вузов страны. При этом В.И. Голдин напомнил слушателям, что профессор Й.П. Нильсен в 1980-е — 1990-е годы был неизменным членом оргкомитета и сокоординатором нескольких из них. «Есть надежда, что подобного рода форумы ещё могут возвратиться», — заметил в заключении своего выступления В.И. Голдин. Также профессором было зачитано торжественное приветствие участникам встречи и лично Й.П. Нильсену от ректора САФУ, профессора Е.В. Кудряшовой, и всего коллектива вуза.

О совместных международных встречах историков, филологов и археологов, проходивших неоднократно и в Москве с участием профессора Й.П. Нильсена, напомнила профессор Татьяна Джаксон из Института всеобщей истории РАН. Т. Джаксон давно сотрудничает с Йенсом Петтером. Она отметила, что еще в самом начале 1990-х гг., когда в РАН впервые проходила та же традиционная конференция по изучению истории Скандинавских стран и Финляндии с участием коллег из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России и Скандинавии, как была позже в Архангельске (о ней говорил В.И. Голдин), на ней уже тогда вы-

³ Caution & Compliance. Norwegian-Russian Diplomatic Relations 1814-2014 (Bones S. & Myklebust K.A. (eds)). Oslo, Orkana Akademisk, 2012. 202 s.; Нет Севера, а есть Севера. О многообразии понятия “Север” в Норвегии и России (Редакционная коллегия: К.А. Мюклебуст, Й.П. Нильсен, В.В. Тевлина, А.А. Комаров). [Niet severa, a est severá. About the diversity of concept “Northernness” in Norway and Russia]. М.: URSS, 2016. 288 с.

ступил Й.П. Нильсен. Кроме того, Татьяна Джаксон напомнила об интересных статьях о Севере и российско-норвежских связях вообще, публикуемых вот уже более 20 лет в Норвегии в англоязычном рецензируемом научном журнале «Acta Borealia». Неоднократно в нём публиковались коллеги из научных центров России и Норвегии, в том числе и профессор Нильсен, который несколько лет (1999–2003) был одним из его соредакторов.

Среди выступающих можно выделить также профессоров Университета Тромсё — Арктического университета Норвегии Стиана Бунеса и Кари Агу Мюклебуст. Их совместная речь касалась анализа научных связей между Россией и Норвегией в период реформирования и поиска сфер взаимных интересов в гуманитарных науках, особо наметившихся на рубеже 1990-х — 2000-х гг. Они особо подчеркнули позитивную роль Йенса Петтера Нильсена в «качественной реформе науки» а также отметили его «искусство формулировок и способности прокладывать путь сквозь высокие волны межгосударственных исторических исследований в течение долгих десятилетий».

Два выступления на семинаре были посвящены опыту совместного многолетнего изучения документов о разных исторических периодах в развитии российско-норвежских отношений, хранящихся в российских архивах. Речь идёт как об отношениях между Норвегией и царской Россией, так и об отношениях с Советским Союзом с упором на особенности ситуации на Севере обеих стран. Этот опыт подробно проанализировали профессор из Осло Свен Холтсмарк и доцент из Санкт-Петербурга Владимир А. Карелин. В итоге, как было отмечено, были изданы масштабные сборники документов о соответствующих периодах взаимоотношений. Один из них назывался «Советско-норвежские отношения. 1917–1955. Сборник документов», а второй — «“Старая” Россия и “новая” Норвегия. Российско-норвежские отношения 1905–1917. Сборник документов»⁴.

Не менее примечательными и интересными были выступления, сфокусированные на ряде конкретных исторических тем. Так, доцент Марианне Нерланд Солейм из Университета Тромсё — Арктического университета Норвегии осветила основные моменты в полевых исследованиях, связанные со Второй мировой войной и напоминающие о норвежско-русской истории военных и послевоенных времен. Марианне Солейм — доктор наук и ученица Йенса Петтера, уже более 20 лет занимающаяся изучением судеб русских военнопленных в Норвегии и увековечиванием их памяти. За свою межгосударственную деятельность несколько лет назад она получила благодарность от Президента РФ. В 2014–2017 гг. она была директором Баренц-института в Университете Тромсё — Арктическом университете Норвегии, а сейчас занимает должность доцента того же университета в Институте археологии, истории, религиоведения и теологии.

⁴ Советско-норвежские отношения. 1917-1955. Сборник документов (Редакционная коллегия: Чубарьян А.О., Ристе У., Комаров А.А., Лебедев И.В., Хольтсмарк С.Г., Коробочкин М.Л., Рогинский В.В., Эгге О.). М., ЭЛИА-АРТ-О, 1977. 683 с.; «Старая» Россия и «новая» Норвегия. Российско-норвежские отношения 1905–1917. Сборник документов (Карелин В.А., Нильсен Й.П. (ред.)). М.: ЛЕНАНД, 2014. 400 с.

Профессор Эйнар-Арне Дривенес и доцент Харальд Даг Йолле из этого же университета остановились на теме археологии и полярных исследований, проводимых на протяжении 1970-х гг. и по настоящее время. Здесь же докладчики отметили и роль профессора Йенса Петтера Нильсена как полярного историка, знатока северной тематики, участвовавшего в целом ряде представляемых ими по данному направлению научных проектов.

В этом же ключе, но с фокусом на значимость изучения истории Кольского полуострова и Мурманского края в XIX — начале XX вв. и важность сотрудничества историков, выступила доцент Мурманского Арктического государственного университета доцент М.Б. Ильичева.

Со словами особой признательности и в то же время с воспоминаниями о многочисленных публикациях, семинарах, встречах историков России и Норвегии выступил Ойвинд Нордшлеттен. Это уникальный человек, который более 12 лет являлся Чрезвычайным и Полномочным Послом в России, а затем Генеральным консулом Королевства Норвегия в Мурманске. Именно при его поддержке была впервые в истории совместными усилиями развернута по обе стороны границы первая масштабная выставка «Россия — Норвегия: сквозь столетия и границы», о которой он с особым трепетом упомянул в своей речи. При этом не последняя роль в организации этой выставки, как отметил докладчик, принадлежала двигателю этих процессов — Й.П. Нильсену. К слову, сам О. Нордшлеттен стал участником многих долгосрочных прорывов в развитии экономического, культурного и другого сотрудничества между Россией и Норвегией, проявившихся в начале XXI столетия.

В ходе семинара была представлена коллективная монография под названием «In the North, the East and West meet»⁵, изданная в норвежском издательстве Orkana Akademisk под общей редакцией профессоров Университета Тромсё — Арктического университета Норвегии Стиана Бунеса и Кари Аги Мюклебуст. Мы не будем подробно описывать всё содержание этой книги, статьи в которой написаны их авторами на четырёх языках: русском, английском, норвежском и шведском. Отметим лишь, что книга в определённой степени приурочена к чествованию многолетней профессиональной деятельности профессора Йенса Петтера Нильсена как гуманитария, историка-учёного и историка-преподавателя. Книга содержит 25 статей, помещённых в 6 разделах и посвящённых, так или иначе, многообразным научным темам, которыми занимается как сам профессор Нильсен, так и его многочисленные коллеги в разных странах мира. Монография выглядит крайне весомым изданием; в ней представлены уникальные научные материалы по целому ряду тем с сопровождающими их фотографиями и картами, покрывающие почти 500 лет исторического развития Норвегии и России. Среди таких тем можно назвать советскую и российскую историографию; историю России и Норвегии в отдельности, особенно в XX веке; норвежско-российские отношения с акцентом на Север и Арктику двух стран; развитие Северных регионов Норвегии.

⁵ In the North, the East and West meet (Bones S. & Myklebust K.A. (eds)). Stamsund, Orkana Akademisk, 2019. 408 s.

В конце представленной книги отмечается, что за годы своей деятельности (1970-е — настоящее время) профессор Й.П. Нильсен имеет порядка 300 публикаций на разных языках (норвежский, шведский, русский, английский, немецкий) и в разных изданиях в Норвегии, Швеции, Англии, России и ряде других стран. Среди них в первую очередь необходимо отметить 9 монографий, написанных непосредственно Й.П. Нильсеном, 128 книг, написанных в соавторстве, и 25 книг, где он является редактором или соредактором. Такая активность и плодотворность в области исследований, а также во взаимодействии по изучению исторических тем, связанных с граничащими друг с другом Россией и Норвегией, и международных отношений на Севере Европы в хорошем смысле слова поразила коллег. Такое мнение было высказано как в ходе прошедшего научного семинара, так и в представленной на нём коллективной монографии.

Итогом научной встречи исследователей-гуманитариев России, Норвегии и Швеции в Тромсё стало не столько внимание к деятельности и бесспорным заслугам профессора Й.П. Нильсена, но и возможность подвести итоги сделанного по целому спектру вопросов и наметить перспективы совместной научной работы, значимой в развитии многовековых добрососедских связей между Россией и Норвегией, особенно на Севере и в Арктике.

РЕЗЮМЕ SUMMARY

Авторы, названия, аннотации, ключевые слова
Authors, titles, abstracts, and keywords

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

КОРЧАК Е.А. Роль трудового потенциала в устойчивом развитии Арктической зоны России
KORCHAK E.A. The role of labor potential in the sustainable development of the Russian Arctic

Аннотация. Залог эффективного освоения ресурсов Арктики составляют активные усилия по развитию элементов социально-экономических систем арктических регионов, прогресс в использовании которых обеспечит синергетический эффект при реализации всего спектра приоритетов развития Арктической зоны. Один из таких элементов — трудовой потенциал, способный эффективно противостоять вызовам в Арктике. Современными угрозами развития трудового потенциала арктических регионов являются снижение численности населения, нарушение процессов воспроизводства населения, низкая ожидаемая продолжительность жизни мужчин и коренного малочисленного населения, социальная напряжённость на территориальных рынках труда, бедность населения. Положения и выводы представленного исследования содержат научно обоснованную позицию в отношении роли трудового потенциала в устойчивом развитии арктических регионов России. Результаты исследования ориентированы на их практическое использование в сфере управления развитием трудового потенциала арктических регионов. Перспективы дальнейшей разработки затронутой темы связаны с проработкой научных основ активизации механизмов территориального саморазвития в достижении устойчивого развития арктических регионов России.

Ключевые слова: *трудовой потенциал, арктический регион, устойчивое развитие, рынок труда, уровень жизни, демографическая ситуация, безработица, социальное лицензирование.*

Abstract. The key to the effective development of the Arctic resources is the active development of elements of the socio-economic systems of the Arctic territories. The progress in their use will provide a synergistic effect in the implementation of the full range of development priorities of the Arctic zone. One of these elements is labor potential able to confront challenges in the Arctic effectively. Modern problems of the development of the labor potential of the Arctic territories are population decline, disruption of population reproduction processes, the low life expectancy of men and indigenous people, social tensions in labor markets, and poverty. The provisions and conclusions of the presented study contain a scientifically substantiated position regarding the role of labor potential in the sustainable development of the Arctic territories of Russia. The research results are focused on their use for managing the development of the labor potential of the Arctic territories. Prospects for the further research of this topic are related to the study of the scientific foundations of the territorial self-development in achieving sustainable development of the Arctic territories of Russia.

Keywords: *labor potential, the Arctic region, sustainable development, labor market, the standard of living, demographic situation, unemployment, social licensing.*

КРЮКОВА Н.В. Проблемы законодательного регулирования традиционного (аборигенного) промысла тихоокеанского моржа в России

KRYUKOVA N.V. Legal regulation of the traditional (native) Pacific walrus harvest in Russia

Аннотация. В статье кратко рассмотрен уровень изученности тихоокеанского подвида моржа. Эта информация необходима для обоснования общего допустимого улова (ОДУ), поскольку этот подвид моржа ежегодно добывается коренными

Abstract. The article briefly reviewed studies of the Pacific walrus. This information is necessary for the development of the Total Allowable Catch (TAC) since the native people of Chukotka annually harvest this subspecies of walrus. We have drawn at-

малочисленными жителями Чукотки. Обращено внимание на длительное изменение среды обитания моржа — сокращение ледового периода Берингова и Чукотского морей, последствиями чего могут быть увеличение смертности и эпизоотий. Рассмотрены законодательные акты рыбохозяйственной отрасли, регулирующие традиционный (аборигенный) промысел моржа на Чукотке, а также отлов детенышей моржей в учебных и культурно-просветительских целях. Также в статье описана схема разработки обоснования ОДУ по моржу и представлены последние данные по выделенным квотам и фактическому изъятию моржа. Обсуждается необходимость более детальных и разносторонних исследований моржа в связи с изменением климата. Автор полагает, что для лучшей организации исследований и изучения моржа в период изменения климата, с целью сохранения и рационального использования, необходимо сотрудничество между коренными малочисленными народами Чукотки и различными научно-исследовательскими институтами.

Ключевые слова: Арктика, Север, Чукотка, традиционный аборигенный промысел, тихоокеанский морж, законодательные документы.

tention to the long-term change in the habitat of the walrus, i.e., to the reduction of the ice period in the Bering and Chukchi Seas and possible consequences for the walrus (increased mortality and epizootics). Legal acts for the fisheries are regulating the traditional (native) walrus harvest on Chukotka, and the capture of walrus calves for educational and cultural purposes have been described. A scheme for the development of the TAC for walrus has been discussed as well. We have presented the latest data on allocated quotas and actual walrus catch. The need for more detailed and versatile research of walrus in connection with climate change is discussed. The author suggests cooperation between the native people of Chukotka and various research institutions for the better-organized study of the walrus in relation to climate change, for conservation and rational use.

Keywords: the Arctic, North, Chukotka, traditional (native) harvest, Pacific walrus, legal acts.

СЕРОВА Н.А., СЕРОВА В.А. Основные тенденции развития транспортной инфраструктуры российской Арктики

SEROVA N.A., SEROVA V.A. Critical tendencies of the transport infrastructure development in the Russian Arctic

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты формирования единой транспортной системы Арктической зоны РФ. Актуальность и значимость настоящего исследования определяется тем, что развитие инфраструктуры арктической транспортной системы — Северного морского пути и тяготеющих к нему аэропортовой сети, морских портов, водных и наземных коммуникаций, является одним из стратегических приоритетов государственной политики России в Арктике. Цель работы заключалась в определении основных тенденций развития транспортной инфраструктуры Арктической зоны РФ. Рассмотрены факторы, определяющие специфику функционирования транспорта в арктических условиях. По мнению авторов, транспортная инфраструктура АЗРФ недостаточно развита и требует улучшений. Единая арктическая транспортная система будет возможна только после восстановления круглогодичной навигации по СМП, его технологического оснащения и восстановления связанной с ним транспортной инфраструктуры.

Abstract. In the article, the authors discussed the formation of a single transport system in the Arctic zone of the Russian Federation. The development of the Arctic transport system, i.e., the Northern Sea Route, adjacent airport network, seaports, water, and land communications determined the relevance and significance of the study. It is especially important since they are the strategic priorities of Russia's Arctic policy. The study aimed to identify the trends in transport infrastructure development in the Russian Arctic. So, the authors focused on the factors determining its specifics. They conclude that the transport infrastructure of the Arctic zone of the Russian Federation is underdeveloped and needs technical improvement. According to the authors, a unified Arctic transport system is possible only after the restoration of year-round navigation through the NSR, its technological growth, and the reconstruction of the adjoining transport infrastructure.

Ключевые слова: Арктическая зона РФ, Северный морской путь, транспортная система, транспортная инфраструктура.

Keywords: the Arctic zone of the Russian Federation, the Northern Sea Route, transport system, transport infrastructure.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

ГУДЕВ П.А. Новые риски и возможности межгосударственного сотрудничества в Арктике

GUDEV P.A. New risks and opportunities for interstate cooperation in the Arctic

Аннотация. Арктика, несмотря на усиление напряжённости в отношениях России и Запада, продолжает оставаться зоной мира и сотрудничества. Уровень межгосударственного взаимодействия здесь очень высок. Кооперация развивается по линии научных исследований, защиты морской среды и биоразнообразия, регулирования рыболовства, совершенствования усилий по поиску и спасанию, борьбы с нефтеразливами, контролю над судоходством. Однако межгосударственная конкуренция никуда не исчезла: страны-участницы морехозяйственной деятельности в регионе зачастую имеют совершенно разные приоритеты и жёстко отстаивают свои национальные интересы. Российская Федерация, находящаяся под санкционным давлением, вынуждена искать новых партнёров и союзников в Арктике. Этот выбор непрост, так как зачастую совпадение позиций по тем или иным вопросам является минимальным. Чтобы отстоять свои интересы, России необходимо добиться такого формата взаимодействия с арктическими и неарктическими странами, который был бы предельно взаимовыгодным и работал на благо нашей страны.

Ключевые слова: Арктика, Арктический Совет, Северный морской путь (СМП), Комиссия по границам континентального шельфа, Шпицберген, США, НАТО, ЕС, КНР.

Abstract. Despite the growing tension in Russia-West relations, the Arctic region continues to remain a zone of peace and cooperation. The level of interstate collaboration here is extremely high, unlike other maritime regions. The interaction is developing in scientific research, protection of the marine environment and biodiversity, regulation of fisheries, improvement of search and rescue efforts, control of oil spills, and regulation of navigation. However, interstate competition has not disappeared in the Arctic. The countries participating in the maritime activities in the region often have completely different priorities and are firmly defending their national interests. Under sanctions' pressure, the Russian Federation is forced to seek new partners and allies in the Arctic. This choice is extremely difficult since the coincidence of positions on one issue or another is often minimal. In order to defend its interests, Russia needs to achieve such a format of interaction with the Arctic and non-Arctic countries which would be extremely mutually beneficial and work for the good of our country, but not to its detriment.

Keywords: the Arctic, the Arctic Council, the Northern Sea Route (NSR), Commission on the Limits of the Continental Shelf, Spitsbergen, USA, NATO, EU, PRC.

ТОДОРОВ А.А., ЛЫЖИН Д.Н. Интересы Великобритании в Арктике

TODOROV A.A., LYZHIN D.N. The UK's interests in the Arctic

Аннотация. В статье анализируются приоритеты государственной политики Великобритании в Арктике. Великобритания имеет давние традиции в изучении Арктики и является одной из первых стран-наблюдателей Арктического совета. В то же время арктическая стратегия Лондона в последние годы претерпевает ряд важных изменений, что является закономерной реакцией на меняющуюся ситуацию в регионе. Анализ доклада внешнеполитического ведомства Британии

Abstract. The article analyzes the priorities of British policy in the Arctic. The UK has a long tradition of studying the Arctic and is one of the first observer countries of the Arctic Council. At the same time, the Arctic strategy of London has undergone several significant changes, which are a natural reaction to the changing situation in the region. An analysis of the British Foreign Ministry report 2018 reveals four primary areas of the UK's interest in the Arctic. First, the country's economy continues to rely heavily on

2018 г. позволяет выделить четыре основных области интересов Соединённого королевства в Арктике. Во-первых, экономика страны продолжает в значительной степени опираться на углеводородные и биологические ресурсы Арктики. Во-вторых, после начала украинского кризиса и в условиях ухудшения отношений с Москвой власти Великобритании стали уделять гораздо большее внимание сфере безопасности, прежде всего, военной. В-третьих, важным направлением арктической политики страны, считающейся одним из мировых лидеров по сокращению выбросов парниковых газов, является решение проблемы изменения климата. Наконец, к приоритетам британской арктической политики относится развитие международного сотрудничества в регионе с опорой на научную дипломатию. Однако, несмотря на наличие официальных документов, закрепляющих приоритеты арктической стратегии Британии, политика Лондона в Арктике носит пассивный характер, что делает её объектом критики со стороны британских экспертов.

Ключевые слова: Великобритания, Арктика, Россия, международное сотрудничество в Арктике, судоходство, безопасность, нефть и газ, Арктический совет, Парижское соглашение.

the hydrocarbon and bioresources of the Arctic. Secondly, after the outbreak of the Ukrainian crisis and in the conditions of deteriorating relations with Moscow, the British authorities have begun to pay more attention to the security, primarily the military one. Third, an important direction of the UK Arctic policy is to solve the problem of climate change since the country considered one of the world leaders in reducing greenhouse gas emissions. Finally, the development of international cooperation in the region based on scientific diplomacy is one of the priorities of British Arctic politics. However, despite the official documents fixing the priorities of the UK's Arctic strategy, London's Arctic policy is passive. This fact is a reason for British expert criticism.

Keywords: the UK, the Arctic, Russia, international cooperation in the Arctic, navigation, security, oil and gas, the Arctic Council, Paris Agreement.

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

ГАЛИМУЛЛИН Э.З. Миграционные установки и механизмы привлечения молодёжи в Арктическую зону Российской Федерации

GALIMULLIN E.Z. Migration attitudes and mechanisms for attracting young people to the Russian Arctic

Аннотация. В данной статье автор рассматривает проблему миграционного оттока населения из регионов Арктической зоны Российской Федерации, значительную часть которого составляют представители социально активной части молодёжи. Проведённое исследование мотиваций молодых людей к переезду на постоянное или временное место жительства в Арктику показало, что в сознании данной социальной группы доминирует представление о регионе, характеризующееся скорее негативными ассоциациями, вроде «льда», «холода» и «снега». Несмотря на это, было выявлено существование конкретных материальных стимулов, которые, по оценкам респондентов, положительным образом повлияли бы на возможное решение о переезде, — речь идёт о предоставлении дополнительных оплачиваемых отпусков и арендного жилья. Удалось также установить примерные границы минимальной заработной платы, достаточной для

Abstract. In this article, the author considers the migration outflow of the population from the Russian Arctic, a significant part of which are representatives of the socially active youth. A study of young people's motivations to move to a permanent or temporary place of residence in the Arctic showed that the idea of a region dominates the consciousness of this social group, characterized more by negative associations, such as "ice", "cold" and "snow". Nevertheless, some specific material incentives that, according to respondents, would positively influence a possible decision to relocate revealed. We are talking about providing additional paid vacations and rental housing. It was also possible to establish approximate boundaries of the minimum wage enough to decide on moving. The author claims that in the socio-economic conditions changed after the collapse of the USSR. The state labor policy in the Arctic requires clarification concerning the discussed development options. Also, it

принятия решения о переезде. Автор утверждает, что в изменившихся после распада СССР социально-экономических условиях, государственная политика в отношении привлечения в Арктику трудовых ресурсов требует окончательной определённости в выборе обсуждаемых вариантов развития макрорегиона, а также согласованности всех принятых на законодательном уровне мер в контексте скорого принятия базового закона об Арктической зоне Российской Федерации. Необходимо продолжать и политику поддержки различных волонтерских организаций как наиболее активных и мобильных структур по информированию молодёжи о возможностях трудоустройства в регионах Арктики и вовлечению её представителей в общественно полезную деятельность.

Ключевые слова: Россия, Арктика, АЗРФ, молодёжь, государственная политика, демография, волонтер, Север.

demands the coherence of all measures taken at the legislative level in the context of speedy adoption of the fundamental law on the Russian Arctic. It is necessary to continue the policy of supporting various volunteer organizations as the most active and mobile structures for informing young people about employment opportunities in the Arctic and involving their representatives in socially useful activities.

Keywords: Russia, the Arctic, the Russian Arctic, youth, government policy, demography, volunteer, North.

ФЕДУЛОВА А.Б. Восстановительные технологии социальной работы как важное условие сохранения и обеспечения безопасности семьи (на примере Архангельской области)

FEDULOVA A.B. Recovery technology of social work — an important condition for maintaining and ensuring family safety (case of the Arkhangelsk Oblast)

Аннотация. Обеспечение социальной безопасности современной семьи является актуальной проблемой и приоритетом национальной политики Российской Федерации. В современном обществе прослеживается взаимосвязь между системой социальной безопасности общества и ресурсностью семьи. Семейная ресурсность выступает как совокупность потенциалов, направленных на поддержание стабильности семьи, развитие её компетентности в решении семейных проблем. В связи с этим актуальность представляют технологии социальной работы, направленные на активизацию ресурсов семьи, включение в процесс сопровождения семьи ближайшего окружения, которое становится активным субъектом в изменении семейного благополучия. Таким инструментом выступают восстановительные технологии, ориентированные на ресурсный потенциал семьи и ресурсы социального капитала. Данные технологии получили широкое распространение в зарубежном опыте социальной работы и являются перспективным направлением в российской практике. Использование восстановительных технологий может рассматриваться как фактор повышения эффективности институциональных ресурсов семьи в сфере социальной защиты населения. В статье проанализирована роль восстановительных технологий в вопросе обеспечения социальной

Abstract. Ensuring the social security of the modern family is an urgent issue and a priority of the national policy of the Russian Federation. In contemporary society, the relationship between the social security system and the resource of the family is visible. Family resource acts as a set of potentials aimed at maintaining the stability of the family and the development of its competence in solving family problems. So, the technology of social work aimed at enhancing the resources of the family is essential. The same is fair for the role of the immediate environment in supporting the family since it becomes an active subject in solving family problems. Such an instrument is restoration technologies focused on the resource potential of the family and the resources of social capital. These technologies are widely used in foreign social work and are a promising area for the Russian one. The use of these technologies can be a factor in increasing the effectiveness of family institutional resources in the social protection of the population. Also, the author analyzed the role of recovery technologies in ensuring the social security of the family and examined the use of these technologies in the Arkhangelsk Oblast.

безопасности семьи, рассмотрен опыт реализации восстановительных технологий социальной работы в Архангельской области.

Ключевые слова: социальная безопасность семьи, восстановительные технологии социальной работы, социальная работа с семьёй, семейное неблагополучие, семья, находящаяся в социально опасном положении, институциональные ресурсы, семейная ресурсность, социальный капитал.

Keywords: social security of the family, recovery technologies of social work, social work with the family, family trouble, family in a socially dangerous situation, institutional resources, family resources, social capital.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

ВАЙСБЕРГ Л.А. Рецензия на монографию «Арктика: стратегия развития» коллектива авторов
VAISBERG L.A. Review of the monograph “The Arctic: A Development Strategy”

Аннотация. Рецензия подчёркивает важнейшие особенности монографии «Арктика: стратегия развития», подготовленной специалистами СОПС Минэкономразвития России и САФУ имени М.В. Ломоносова. Авторы научного труда провели системный анализ проблем развития Арктической зоны России и усилий государства по развитию этого макрорегиона, в частности, изучили льготные режимы осуществления хозяйственной деятельности и роль минерально-сырьевых центров — основных драйверов социально-экономического развития. По мнению рецензента, монография будет интересна как специалистам, так и широкому кругу читателей.

Ключевые слова: рецензия, монография, российская Арктика, Арктическая зона Российской Федерации, стратегия.

Abstract. The review emphasizes the key features of the monograph “The Arctic: Development Strategy”, prepared by experts of the Council for the Study of Productive Forces of the Ministry of Economic Development of Russia and NArFU named after M.V. Lomonosov. The authors prepared a systematic analysis of the development issues of the Russian Arctic and the state development efforts in this macro-region. They studied the preferential regimes of economic activities and the role of mineral resource centers — the main drivers of socio-economic development. According to the reviewer, the monograph is of interest both to specialists and to a wide range of readers.

Keywords: a review, a monograph, the Russian Arctic, the Arctic zone of the Russian Federation, strategy.

ВОРОНЕНКО А.Л. Обзор последних законодательных инициатив США в области освоения арктического региона

VORONENKO A.L. Overview of the recent US legislative initiatives for the Arctic development

Аннотация. В условиях значительного повышения внимания мирового сообщества к Арктике, а также интенсивного развития технологий по её изучению и освоению, примечательна низкая активность США в этой области. Статья посвящена обзору некоторых аспектов внутренней политики Соединённых Штатов в Арктике, а также содержит анализ двух законопроектов, внесённых на рассмотрение в Конгресс США, направленных на увеличение экономического присутствия в арктическом регионе. В статье отмечены факты повышающегося научного и практического интереса со стороны политических элит штата Аляска к изучению и освоению Арктики.

Abstract. In conditions of a significant increase in the world community's attention to the Arctic, as well as intensive development of technologies for its study and development, the low activity of the USA in this area is noteworthy. The article is devoted to a review of some aspects of the US home policy in the Arctic. It also contains an analysis of two bills submitted to the US Congress aimed at increasing the economic presence in the Arctic region. The author notes the increasing scientific and practical interest of the Alaska political elites in the study and development of the Arctic.

Ключевые слова: Арктический регион, США, Дональд Трамп, Лиза Мурковски, Арктический исполнительный руководящий комитет, Корпорация по развитию инфраструктуры арктического морского маршрута США.

Keywords: the Arctic region, the USA, Donald Trump, Lisa Murkovsky, the Arctic Executive Steering Committee, the US Arctic Sea Infrastructure Development Corporation.

ЗАРУБИНА Л.А. «Холодный мир в Арктике»: в Осло обсудили перспективы сотрудничества России и Западной Европы в Арктическом регионе

ZARUBINA L.A. "Cold Peace in the Arctic": prospects for cooperation between Russia and Western Europe in the Arctic were discussed in Oslo

Аннотация. Статья представляет собой краткий обзор основных выступлений, представленных на международной конференции Cold Peace in the Arctic (Осло, Норвегия, сентябрь 2018 года), в которой участвовали специалисты из России, Норвегии и других стран. Автор полагает, что многие исследователи видят перспективы для смягчения противоречий и усиления международного сотрудничества в Арктике.

Abstract. The article represents a brief overview of the speeches presented at the "Cold Peace in the Arctic" international conference (Oslo, Norway, September 2018) attended by experts from Russia, Norway, and other countries. The author believes that many representatives of the scientific community see prospects for mitigating contradictions and strengthening international cooperation in the Arctic.

Ключевые слова: геополитика, Арктика, Норвегия, Россия, международное сотрудничество.

Keywords: geopolitics, the Arctic, Norway, Russia, international cooperation.

ТЕВЛИНА В.В., СОЛЕЙМ М.Н. Масштабная встреча историков, филологов и археологов из Северных стран и России в Арктической Норвегии

TEVLINA V.V., SOLEIM M.N. A large-scale meeting of Nordic and Russian historians, philologists and archaeologists in the Arctic Norway

Аннотация. Вопросы, связанные с историей России и Норвегии и их северными частями в Арктике, а также российско-норвежскими отношениями, традиционно являются важными для жителей обоих государств. Возможности представить новые документы и материалы, обсудить значимость многовековых связей между Россией и Норвегией, особенно на Севере, предоставляются не так часто. В начале апреля 2019 г. в Университете Тромсё — Арктическом университете Норвегии состоялся масштабный научный семинар историков, филологов и археологов из России и Скандинавских стран, посвящённый именно этим вопросам. Одним из поводов проведения встречи стал юбилейный день рождения почётного доктора Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, профессора Й.П. Нильсена. Кроме того, на семинаре прошла презентация коллективного научного сборника, написанного соратниками Й.П. Нильсена из разных стран «In the North, the East and West meet».

Abstract. The history of Russia and Norway and their areas in the Arctic and Russian-Norwegian relations are traditionally important for the residents of both states. Opportunities to present new documents and materials, to discuss the significance of centuries-old ties between Russia and Norway, especially in the North, are not provided so often. In early April 2019, a large-scale scientific seminar of Russian and Scandinavian historians, philologists, and archaeologists was held at the University of Tromsø - the Arctic University of Norway. It was precisely dedicated to the issues listed above. One of the reasons for the meeting was the jubilee of the Honorary Doctor of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Professor J.P. Nielsen. Also, the seminar hosted the presentation of a collective scientific collection written by associates of J.P. Nielsen from various countries – "In the North, the East and the West meet."

Ключевые слова: российско-норвежские отношения, Север России и Норвегии, Арктические территории, сотрудничество в исторической

Keywords: Russian-Norwegian relations, the North of Russia and Norway, the Arctic territories, cooperation in historical science, good neighborly relations,

науке, добрососедские связи, международный an international seminar in Tromsø.
семинар в Тромсё.

Редакционный совет журнала «Арктика и Север» **Editorial board of the “Arctic and North” journal**

1. Alfred Colpaert (Альфред Кулпарт), доктор географических наук, профессор физической географии и геоинформатики, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
2. Arild Moe (Арилд Мое), кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Фритьофа Нансена, Норвегия.
3. Jens Petter Nielsen (Йенс Петтер Нильсен), доктор исторических наук, профессор отделения истории и религиоведения, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
4. Jukka Nyysönen (Юкка Нюссонен), доктор философии, профессор отделения культурологии, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
5. Lassi Heininen (Ласси Хайнинен), доктор политических наук, профессор арктической политики, отделение социальных наук, Университет Лапландии, Финляндия.
6. Maria Lähteenmäki (Мария Лахтенмаки), доктор философских наук, профессор истории, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
7. Natalia Loukacheva (Лукашева Наталья Вячеславовна), доктор юридических наук, заведующая кафедрой управления и прав коренных народов, отделение политических наук, Университет Британской Колумбии, Канада.
8. Andrey N. Petrov (Петров Андрей Николаевич), Ph.D. (география), адъюнкт-профессор (доцент) кафедры географии, директор Центра междисциплинарных исследований Арктики, отдалённых и холодных территорий, Университет Северной Айовы, США.
9. Øyvind Ravna (Ойвинд Равна), доктор юридических наук, профессор права юридического факультета, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
10. Paul Josephson (Пол Джозефсон), доктор политических наук, профессор, отделение истории, Колби Колледж, США.
11. Голохваст Кирилл Сергеевич, доктор биологических наук, проректор по научной работе, Дальневосточный федеральный университет.
12. Дрегалю Александр Алексеевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
13. Зайков Константин Сергеевич, кандидат исторических наук, доктор философии, проректор по международному сотрудничеству, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
14. Кефели Игорь Фёдорович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» имени Д.Ф. Устинова. Главный редактор журнала «Геополитика и безопасность». Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
15. Котляков Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор, директор Института географии РАН (Москва). Действительный член Российской Академии наук, член Европейской академии наук, иностранный член Французской и Грузинской академий наук. Учёная степень Doctor Honoris Causa Тбилисского государственного университета. Почётный член Американского, Мексиканского, Итальянского, Грузинского, Эстонского и Украинского географических обществ, Почётный президент Русского географического общества. Член Межправительственной группы экспертов по проблеме изме-

нения климата, удостоенной (2007) Нобелевской премии мира. Лауреат 11 золотых медалей и премий, в том числе Государственной премии РФ в области науки и техники (2001).

16. Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
17. Лукин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
18. Маслобоев Владимир Алексеевич, доктор технических наук, профессор, директор Института проблем промышленной экологии Севера Кольского научного центра Российской академии наук (ИППЭС КНЦ РАН).
19. Сергиенко Людмила Александровна, доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники и физиологии растений Института биологии, экологии и агротехнологий, Петрозаводский государственный университет.
20. Сергунин Александр Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.
21. Сизова Ирина Леонидовна, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет.
22. Соколова Флера Харисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
23. Титова Вера Эдуардовна, доктор экономических наук, кандидат геолого-минералогических наук, профессор, директор Центра «Недропользование в арктических регионах: экономические и правовые аспекты», Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
24. Ульяновский Виктор Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
25. Фаузер Виктор Вильгельмович, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом социально-экономических проблем, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН. Заслуженный деятель науки Российской Федерации
26. Федоров Павел Викторович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина, руководитель лаборатории геокультурных исследований и разработок Автономной некоммерческой организации ВПО «Международный банковский институт».

Утверждён на заседании редакции журнала «Арктика и Север»

30 марта 2018 года

Веб-версия доступна по ссылке:

<http://www.arcticandnorth.ru/DOCS/redsovet.php>

Выходные данные Output data

АРКТИКА и СЕВЕР. 2019. № 36

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36

Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна.

Ответственный секретарь — Шепелев Евгений Александрович. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Редактор — Грошева Татьяна Евгеньевна. E-mail: t.grosheva@narfu.ru

Художественный редактор (английская версия) — Котлова Екатерина Сергеевна.

E-mail: e.kotlova@narfu.ru

Размещение на сайте — Шепелев Евгений Александрович.

Свидетельство о регистрации — Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 года

Учредитель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова»

Адрес учредителя: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17

Адрес для писем и иной корреспонденции: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, редакция журнала «Арктика и Север»

Электронный адрес редакции: e.shepelev@narfu.ru

Подписано «в печать» для размещения на сайте <http://www.arcticandnorth.ru/> — 30.09.2019

ARCTIC and NORTH, 2019, no. 36

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.36

Editor-in-chief — Kudryashova E.V.

Executive secretary — Shepelev E.A. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Editor — Grosheva T.E. E-mail: t.grosheva@narfu.ru

Art editor (English version) — Kotlova E.S. E-mail: e.kotlova@narfu.ru

Placement on the webpage by E.A. Shepelev.

Registration certificate El № FS77-42809 from November 26, 2010

Founder — Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

Address of the founder: 17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002

Address for letters and other correspondence: "Arctic and North" journal, 17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002

E-mail address of the editorial office: e.shepelev@narfu.ru

Signed for placement on the webpage <http://www.arcticandnorth.ru/> on 30.09.2019